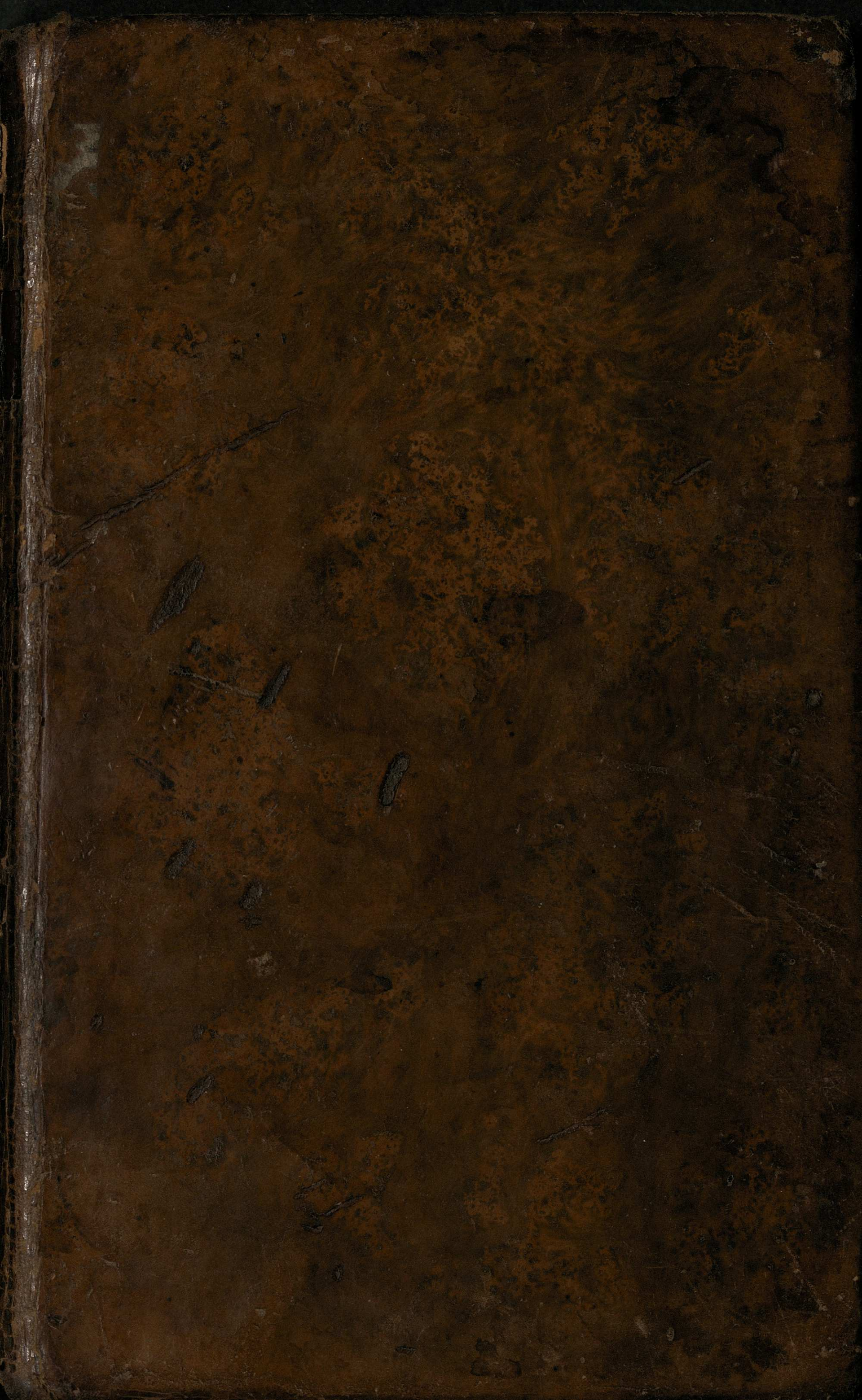
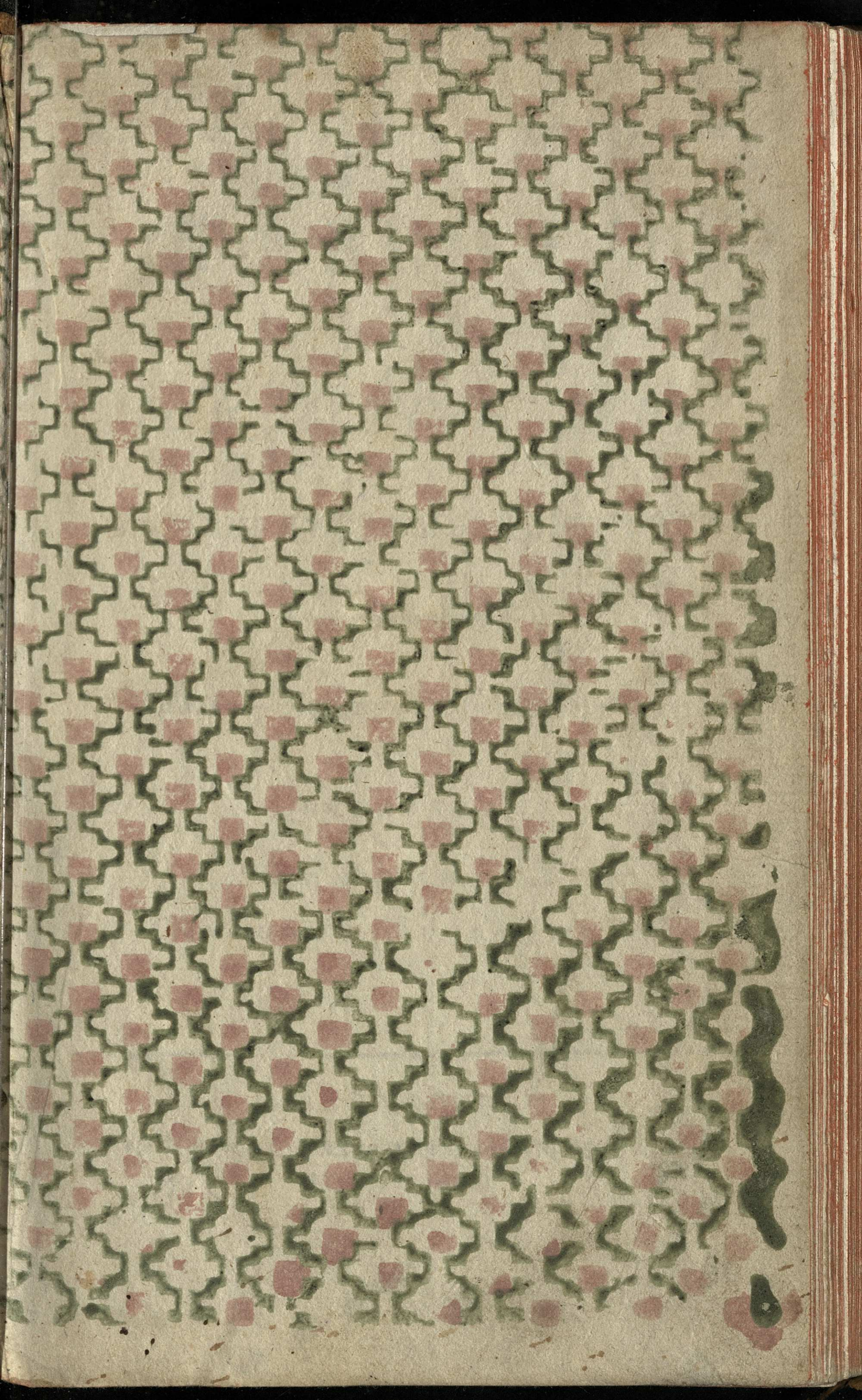
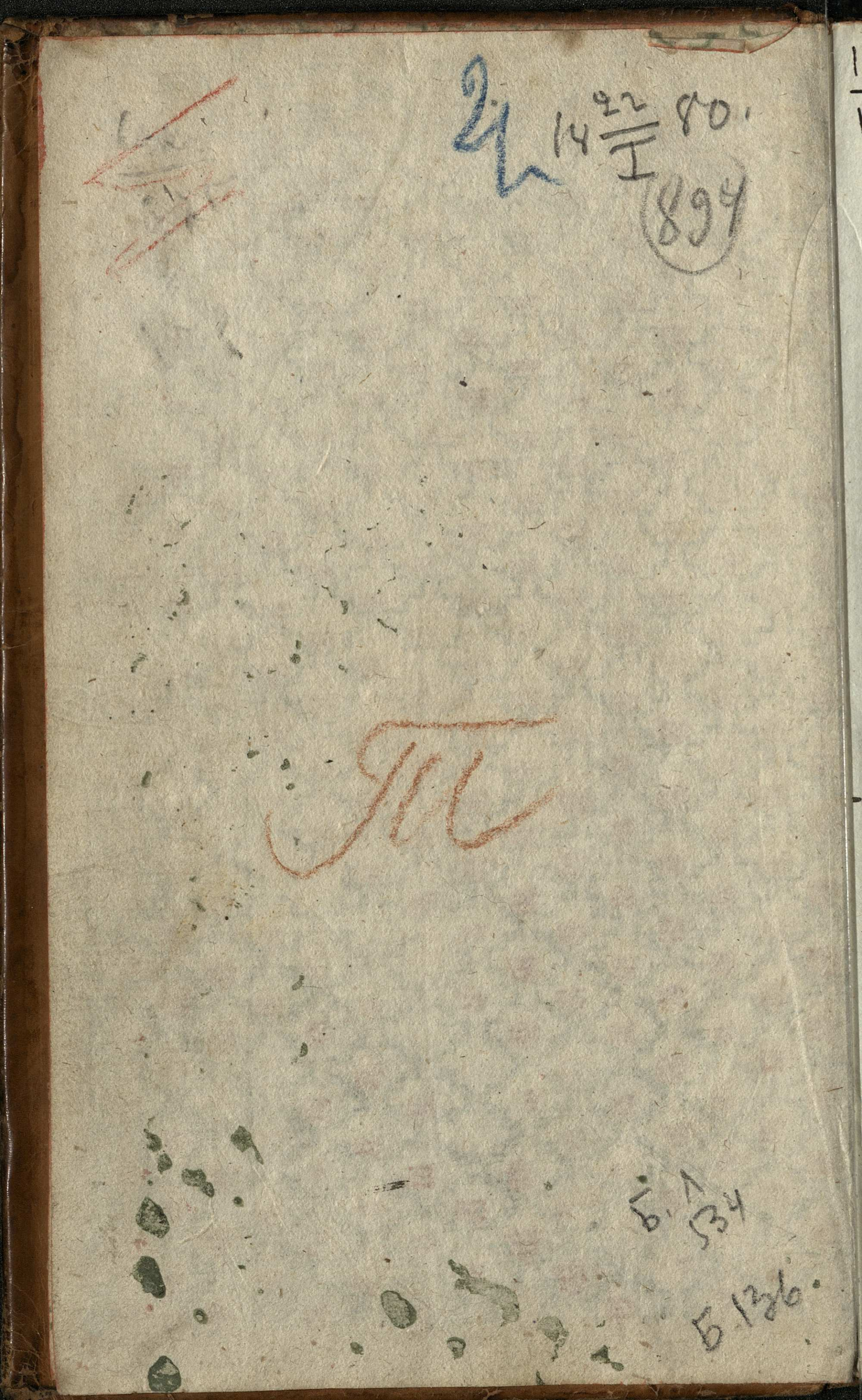

329
2р

894
Б 1326.

ТАВРИДА,

ИЛИ

МОЙ ЛѢТНІЙ ДЕНЬ

ВЪ ТАВРИЧЕСКОМЪ ХЕРСОНИСѢ

Лирико-Эпическое пѣснотвореніе

Сочиненное
Капитаномъ
Семеномъ Бобровымъ.

НИКОЛАЕВЪ,
вЪ Черноморской Адмиралтейской Типографіи.
1798 года.

Съ одобренія Московской Ценсуры.

ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,

ЧЕРНОМОРСКИХЪ ФЛОТОВЪ АДМИРАЛУ,

И

РАЗНЫХЪ ОРДЕНОВЪ КАВАЛЕРУ

НИКОЛАЮ СЕМЕНОВИЧУ,

МОРДВИНОВУ,

Милостивому Государю.

ВАШЕ ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО!

Милостивый Государь!

Вотъ нѣкоторое изображенїе Тавріи! — *возрите на него, и услышьте предварительный судъ о немъ! начало сего плода возрастомъ своимъ обязано еще первому* Вашему *обозрѣнїю сего полуострова. Не оспоримо, что многїя мысли здѣсь уже не новы, и давно извѣстны; но сыщется ли въ природѣ вещь, которая бы когда обладала тѣломъ совсѣмъ новымъ и отмѣнным отъ своего естественнаго? развѣ одно изчадїе природы.—Покрой одежды различенъ; а сущность въ наготѣ своей всегда постоянна. Сей одежды требовала самая вводная повѣсть о Магометанскомъ мудрецѣ, который составилъ изъ утра, полудня и вечера для воспитанника своего нравственную жизнь человѣка; свойства же Азїатскихъ бесѣдъ подкрѣпило мое намѣренїе, хотя и оно не новое; не меньше и Генїй старожителей Таврическихъ къ тому способствовалъ. Всякому извѣстно, что вмѣсто того было бы сухое и скучное описанїе красотъ Таврическаго дня, естьли бы тутъ лица не взирая*

)(

что они худо или хорошо вымышлены, сколько нибудь не отживляли сего сочинения тенями своими.

Творенїе сїе писано белыми стихами. — Но я не воспящал себе, естьли равнозвучїе выходило само собою на конце. Славнейшїе Аглинскїе писатели, Мильтонъ, Аддисонъ, Томсонъ, Экензайдъ, также и Немецкїе, Клобштокъ и другїе давно презрели сей Готической уборъ стиховъ. Правда, слухъ нашъ, привыкшїй къ звону риѳмъ, не охотно внимаетъ те стихи, на конце коихъ не брящаютъ однозвучныя слова. Мне бы казалось, что риѳма никогда еще не должна составлять существенной музыки въ стихахъ. Естли читать подлинникъ господина Попїя: то можно чувствовать доброгласїе и стройность не въ риѳмахъ, но въ искусномъ и правильномъ подборе гласныхъ или согласныхъ буквъ, употребленныхъ къ стати въ самомъ теченїи речи, что и служитъ согласїемъ музыкальныхъ тоновъ. Безспорно, что нашъ языкъ столькожъ иногда щедръ въ доставленїи рифмъ, какъ Италїаской, после котораго и признается онъ вторымъ между прїятнейшими языками въ Европе; но кто изъ стихотворцовъ хотя несколько любомудрствующихъ не ощущаетъ тяжести ихъ, ради которой онъ принужденъ лучшую мысль и сильнейшую картину понизить, или ослабить, и вместо отживленїя,

такъ сказать, умертвить Ее? ибо риѳма часто служа будто нѣкіимъ отводомъ прекраснѣйшихъ чувствій, убиваетъ душу сочиненія.

Благодаренія судьбѣ просвѣщенія, что нѣкоторые изъ нашихъ отважныхъ умовъ согласились на то, что бы оставить сей образъ Готической прикрасы! — но то сожалѣнія достойно, что они въ семъ случаѣ изъ одной крайности поскользнулись въ другую. Начавъ употреблять дактило-хореи, ясно показали, что они едва еще по видимому вникли въ точные законы Римской древней мѣры; какъ же? У нихъ въ стихѣ весьма часто бѣгутъ короткія буквы передъ двумя или тремя согласными, которые бы всегда требовали предъидущую стопу долгую. Признаюсь, что храня правило легкости въ теченіи слова, я не осмѣлился послѣдовать таковому недостаточному примѣру въ знаніи Римской мѣры; кольми паче и не дерзалъ по образу нѣкоторыхъ смѣльчаковъ пуститься на дактило-хореическіе стихи съ риѳмами. Мнѣ казалось, что тогда будетъ одно только скорое бряцаніе безъ силы и знанія точныхъ Римскихъ правилъ; почему я и разсудилъ, сколь было бы тягостно и вредно вплетаться въ сіи неразвязные оковы, изъ коихъ наконецъ надлежало бы съ отчаяніемъ зырваться! Римляне знали великую тонкость въ стихотворческой музыкѣ; напротивъ того нынѣ мы такъ мѣлко судя о семъ искуствѣ, нахо-

димъ въ своихъ рукахъ токмо не достроенную Римскую лиру или арфу. Читая въ праотцѣ велерѣчія и Парнасскаго стройногласія, Омирѣ, а особливо тамъ, гдѣ онъ въ подлинникѣ изображаетъ морскую бурю, раздираніе парусовъ, и сокрушеніе корабля, также читая и въ знаменитѣйшемъ Князѣ златословія и сладкопѣнія, Виргиліи, полустишіе: — Vorat æquore vortex; или въ Гораціи сіи плясовыя стопы: ter pede terra, я тотчасъ чувствую чистое и свободное теченіе гласной буквы или короткой стопы, передъ гласной же или одной согласной либо долгой стопы, и вопреки тому; а наипаче тайную гармонію въ благоразумномъ подборѣ буквенныхъ звуковъ, чему конечно научаетъ едино знаніе Механизма языка. Словомъ: — чрезъ самое произношеніе ощущаю дѣйствительно, какимъ образомъ шумитъ буря, крутиться водоворотъ, и корабль поглощается.

Отецъ Россійскаго стопотворенія, просвѣщенный Ломоносовъ, въ томъ показалъ самый лучшій и поучительнѣйшій опытъ чрезъ стопы: — Только мутился песокъ, Лишь бѣлая пѣна кипѣла; но сія образцовая легкость, согласіе и чистота мѣры осталась, кажется, безъ всякаго примѣчанія, и едва ли принята точно въ примѣръ чистыхъ дактилей?

Мнѣ скажутъ, для чего я послѣ такого разсужденія не избралъ лучше прозу? — не спорю, что это было бы лучше. Но всегда ли паре-

нїе Парнасское въ прозѣ терпимо, безъ коего я не могъ обойтися здѣсь? менѣе ли также и въ прозѣ нужна гармонїя, какъ и въ стихахъ? Кому не извѣстна **Геснерова** проза въ прекрасныхъ Идиллїяхъ, или **Фенелонова** во Французскомъ **Телемакѣ**? кто не почувствуетъ превосходство ее въ сравненїи даже лучшихъ стиховъ? — Да не помыслитъ кто, что я дерзаю симъ образомъ отвращать сотрудниковъ отъ Парнасскихъ ихъ нарядовъ! Я единственно разсуждаю, что избравъ родъ четверостопныхъ бѣлыхъ стиховъ, и нѣсколько въ томъ подражая **Тассу**, писавшему **Освобожденной свой Іерусалимъ** четверостопными же, но съ риѳмами, имѣлъ то намѣренїе, дабы себя облегчить отъ наемныхъ узъ, и лучше дать ощутить мѣру сего, такъ сказать, почти прозаическаго стопостремленїя.

На семъ то основанїи построенное мною сїе небольшое зданїе посвящаю **Вашему Высокопревосходительству.** Я вѣдаю, что вкусъ и разборчивость просвѣщенной души **Вашей** ничего такого не ищетъ въ сей (простите мнѣ сїе выраженїе) **Готической** штукатуркѣ, въ чемъ другїе льстятся найти славу пїитическаго ремесла. Слѣдственно я уже и спокоенъ, когда сїе безмолвїе рифмъ не огорчитъ **Вашего** слуха, и не заставитъ сожалѣть о нихъ.

Равнымъ образомъ **Вамъ** не противны будутъ здѣсь нѣкоторые вновь составленныя

слова. Вы сами увѣрены, что многимъ вещамъ естьли не дать новаго и особаго имени: то невозможно ихъ и различить съ другими въ свѣтѣ вещами; — а притомъ обыкновенные слабые и ветхіе имена, кажется, не придали бы слову той силы и крѣпости, каковую свѣжіе и съ патріотическимъ стараніемъ изобрѣтенные имена. По равномѣрной причинѣ я часто выводилъ отмѣтки какъ ради извѣстной точности и объясненія вещи, такъ и для избѣжанія труда въ продолжительныхъ повѣркахъ, каковыхъ бы требовали нѣкоторые не весьма знакомые, тамъ встрѣчающіеся, собственные и существительные именованія. Горацій безъ сей полезной и необходимой отваги, съ какою онъ созидалъ новые опредѣлительные названія вещамъ, всегда бы находилъ бѣдность въ своемъ языкѣ. Сіе, по моему мнѣнію, одолженіе языку гораздо простительнѣе, нежели вводъ чужестранныхъ словъ безъ нужды, какъ то, Рельефъ, ба-рельевъ, мораль, натура и весьма многіе тому подобные. Вамъ извѣстно, съ какимъ негодованіемъ просвѣщеннѣйшіе изъ Агличанъ смотрятъ на то, естьли иностранные слова празднуютъ у нихъ въ чужомъ покровѣ; они тотчасъ ихъ перераждаютъ въ собственные, хотя и весь ихъ языкъ, правду сказать почти заемной. Но мы на противъ того въ семъ случаѣ не жалѣемъ еще быть учениками, и сами не хотимъ

сбросить съ глазъ своихъ повязки, чтобъ быть учителями; Пренебрегши драгоцѣнный вкусъ нашей древности, покрайней мѣрѣ въ старобытныхъ пѣсняхъ, или народныхъ повѣстяхъ и поговоркахъ, не перестаемъ пресмыкаться въ притворѣ знанія своего, и никогда не растворяя собственныхъ красокъ пишемъ чужою кистію, и даже съ кичливою нѣкоею радостію употребляемъ чужіе слова и вкусъ не только въ чужей же одеждѣ, но и свои родные одѣваемъ на иноплеменничью стать. О! естьли бы поспѣшнѣе отверзлось собственное святилище познаній и вкуса!—

Наконецъ долженъ я сказать, что примѣчаемая въ семъ твореніи, а особливо на концѣ онаго нѣкая унылость пера, не будетъ угодна для многихъ весельчаковъ. Но естли это ни что иное, какъ естественное дѣйствіе обыкновеннаго оборота дня, которое тогда играетъ въ чувствительной душѣ: то кто дѣйствительно чувствовалъ надъ собою силу утра, полдней, особливо же вечернихъ минутъ и ночныхъ мраковъ: тотъ оправдаетъ сей плодъ чувствъ и пера моего.

Дабы не утомлять болѣе симъ родомъ предувѣдомленія, то я въ заключеніе сего поспѣшаю открыть Вашему Высокопревосходительству, какое движеніе одушевляло, и назидало сей образъ труда моего. Можетъ быть онъ и не достигъ бы посильной своей зрѣлости, которою при всемъ томъ и теперь еще можно хвалиться, естьлибы одинъ изъ

знаменитыхъ животворителей онаго не возраждалъ во мнѣ толь нужнаго вдохновенія во все теченіе сего труда. Я не меньше обязанъ въ томъ побудительнымъ желаніямъ и совѣтамъ Его Превосходительства Петра Θедоровича Геринга: почему и казалось мнѣ, что тотъ, который содѣйствовалъ силою совѣтовъ сочиненію, благоволилъ бы съ равносильнымъ вліяніемъ сопроводить также и послѣдствіе онаго. И такъ я льщусь, что благороднѣйшее сердце Ваше пріиметъ съ обыкновенною снисходительностію сіе изліяніе моего пера. Вы сей часъ услышите о семъ и мольбу приморской музы моея; а я таковымъ пріятіемъ совершенно буду увѣренъ, что не тщетна была та возможная корысть, которую во время перваго обозрѣнія Скиθской страны сея Вашимъ Высокопревосходительствомъ взоры мои нѣкогда пріобрѣли, память соблюла, а вообраЖеніе дополнило, и что сіе конечно будетъ торжественнѣйшимъ знаменіемъ новыхъ Вашихъ милостей, и усугубитъ продолженіе того благодарнаго чувствованія, съ каковымъ быть непреложнымъ правиломъ поставлю, доколѣ есмь

Милостивый Государь!

ВАШЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА!

Преданнѣйшій слуга

Сочинитель.

Здѣсь вопіющей музы гласъ
Взываетъ на приморской арфѣ. —
Здѣсь тѣ поетъ она предметы,
Что злато-пурпурна денница,
Что полдень облеченный въ зной,
Что поздны вечера часы
При пламенномъ вліяньи льва
Въ благоцвѣтущемъ Херсонисѣ
Вдохнули въ скромну грудь ея. —

Услышь сей робкій гласъ! — услышь!
Услышь, — блаженный другъ природы!

Благотворящая природа,
Котора на хребтахъ высокихъ,
На мшистыхъ берегахъ *Салгира*,
Альмы, и *Кара-су*, и *Качи*,
И средь источниковъ гремучихъ
Ликуетъ въ полной лѣпотѣ,
Дала мнѣ красокъ пестроту,
Которыми я не забылъ
Рисунокъ слабый оттѣнить
Твоихъ холмовъ и доловъ злачныхъ,
Твоихъ зѣленыхъ вертоградовъ,

Твоихъ ключей серебро-струйныхъ,
Гдѣ очи бдительны твои
Въ спокойны иногда часы
Находятъ зрѣлище Помоны
А драгоцѣнные досуги
Златой срѣтаютъ года трудъ. —

Яви рисунку нѣжный взоръ,
И усмѣхнися, — другъ природы! —
Явишь:—коралловы холмы,
Салгирскіе брега тѣнисты,
Благоуханные дубравы,
И величавые раины
И сѣно-лиственные ильмы
И помавающіе сосны
Съ такой же живостію будутъ
Въ оттѣнкахъ нѣкихъ сей картины
Цвѣсти,—дышать,—и возвышаться,
А рѣзвые ключи гремучи
Такою же стопою будутъ
Скакать въ шумящей пѣсни мѣрѣ,
Какъ въ самомъ подлинникѣ пышномъ,
Неподражаемомъ,—чудесномъ.

Хвались тогда своею долей,
Моя щастливая *Камена*, (1)

(1) Такъ называется Муза по пѣнію, ибо слово: *Камена*, значитъ *Пѣвицу*.

Что въ благодѣтельной десницѣ
Твоей возможной кисти плодъ
Толико будетъ оживленъ,
Толико будетъ награжденъ!—

Ille terrarum mihi præter omnes
angulus ridet —

Horat.

Всѣ земли красоту являютъ,
Но той усмѣшкой не плѣняютъ,
Какъ злачный сей предѣлъ —.

Горацій.

СОДЕРЖАНІЕ.

Приступъ къ предмету — Утро — Путешественники, Мекскіе и Мединскіе поклонники. — Шерифъ съ Питомцомъ Мурзою — Соленыя Озера — Растѣнія — Птицы — Картина горъ — Назначеніе Чатырдагской горы точкою зрѣнія. —

Пускай Гельвеція Блаженна
Плѣняетъ дщерей Меонійскихъ
Вершинами хребтовъ *Альпїйскихъ*
Покрытыхъ вѣчной сѣдиной,
Или зѣлеными брегами
Своихъ излучистыхъ протоковъ,
И сребро-зеркальной равниной
Пучино-роднаго *Лемана!* —

Пускай *Сатурнова* земля,
Гдѣ *Тибръ и Эриданъ* клубятся,
Возможны краски истощитъ
Для тонкой *Аддисона* (1) кисти!
Пусть на брегахъ туманныхъ *Темзы*
Воображенье *Экензайда* (2)
Ѳессальскую долину ищетъ,
Обитель мирну силъ лѣсныхъ,
Гдѣ въ тайнѣ Нимфы съ древнимъ Паномъ
На сѣно-лиственныхъ брегахъ
Въ часы златые ликовали! —
Я въ Херсонисѣ много-холмномъ (3)
Подъ благодатнымъ небо-склономъ, —
Гдѣ и тогда, какъ *Водолей*
Въ другихъ предѣлахъ обрѣтаетъ
Окованный свой льдомъ сосудъ,
Не рѣдко вѣетъ духъ весны,
Не рѣдко ландышь изникаетъ,
Уединясь въ млечныхъ долинахъ,
Или на сланцовыхъ вершинахъ
Найду *Гельвецію* съ хребтами,
Найду *Сатурнову* страну,
Темпійскіе луга найду.

---

(1) Аддисонъ, славный Англинскій писатель въ одномъ изящномъ письмѣ къ Лорду *Галифаксу* описывалъ красоту Италіи.

(2) *Экензайдъ*, другой Англинскій сочинитель, о удовольствіяхъ воображенія писавшій.

(3) *Херсонисъ* значитъ полу-островъ.

Досел ни едина Муза
Не строила здѣсь звонкой арфы;
Быть может; — ни един проток,
Ни ключь кипящій не струит
Гремящей пѣсни краснопѣвца,
И не бѣжит в небесной мѣрѣ,
Какую чувствуем в стихах. —
Ах! — может быть давно изсякли
Иныя рѣки не воспѣты. - - - -
Ключи их мертвы; — онѣмѣли;
А лоно тоще, — неключимо;
Но божеским искуством Музы
Изсякшіе журчали б вѣчно; —
Быть может; — ни одна гора,
Ни холм чела не возвышает,
Ни лѣс вѣнчающій их злаком,
Ни благолѣпный вертоград
Своих древес не воздымает,
Которы были бы воспѣты
Устами пылких пѣсно-словов.
Живущій горный гул в скалах
Еще не повторяет гласа
Девято-численных сестер,
Прекрасных дщерей *Мнемозины*. (1)

Блаженна будет Муза та,
Котора испытает силы,

(1) Так названа здѣсь мать Муз.

Чтобы съ успѣхомъ возвеличить
Въ живыхъ очахъ племенъ грядущихъ
Сіи безсмертные протоки,
Сіи утесы и поля,
Сіи ключи, сіи моря!—

Они безсмертны;—иль давно
Мы очевидно созерцали,
Какъ несравненная въ Царяхъ,
Великая ЕКАТЕРИНА,
Подобно просвѣщенной *Ольгѣ*,
Подобно внуку мудрой *Ольги*,
Стопой священной ихъ почтила,
И свѣтомъ взоровъ озарила?—
Безсмертны,—коль безсмертный ПАВЕЛЪ
На столь прекрасныя картины,
Холмы и тучныя долины
Воззритъ еще живѣйщимъ окомъ. —

Сладко-поющая *Камена!*—
Вдохни мнѣ *Аддисона* силу!
Дай насыщенно вображенье
Чуствительнаго *Экензайда*,
И *Томсона*,—жреца природы,
Дорическій напѣвъ и строй!
А ежели они изъяли
Тебя изъ Готѳскихъ тѣхъ сѣтей,
Что своенравна Риѳма ставя,
Тебя столь часто нудитъ падать:

Дерзнуль сіи разторгуть узы,
Что здѣсь до нынѣ носишь ты?—
Дерзну ли лучшій путь открыть
Тебѣ въ дыханіи свободномъ,
И гладки проложить стези,
Дабы удобнѣе протечь
Съ тобою поле новыхъ зрѣлищь,
Съ тобою поприще красотъ?—
Сладко-поющая *Камена!*—
Востань!—изыди изъ оковъ!— —

Какъ ясно тамъ заря алѣетъ? —
Какія розы пламенѣютъ
Средь сихъ пустынь, — средь сихъ пучинъ
Между шумящихъ тростниковъ,
На коихъ спятъ съ небесъ ниспадши
Сѣдые нощи облака? — —
Но чада естества не всѣ
Изъ моря вышли смутныхъ грѣзъ;
Еще не всѣ они встрѣчаютъ
Пришествіе царя свѣтилъ. —
Недремлющіе соловьи,
И бдительны безсмертны Музы
Въ тѣни *Лицеевъ* много-цвѣтныхъ (1)
Одни возносятъ ранни пѣсни: —
Одни толпящися караваны
Среди излучистыхъ дорогъ
Влекутъ со скрыпомъ плодъ торговли;

---

(1) Лицей такъ названный у древнихъ Аѳинянъ садъ и мѣсто ученія, гдѣ славные философы преподавали учиникамъ высокіе свои уроки.

Верблюды вознося главу
Не быстрымъ,—но широкимъ шагомъ
Пути дневные сокращаютъ;
За ними сильные тѣльцы
Ступаютъ мѣдленно, — но твердо,
И движутъ горы на колесахъ
Подъ буковымъ своимъ ярмомъ.—

Заря бѣлѣе, — блескъ алѣе; —
Огнистѣе горятъ тѣнисты
Владыку ждущи облака.—
Бѣгутъ предъ нимъ, и утопаютъ
Средь бездны свѣта блѣдны звѣзды.
Выходитъ на коняхъ эѳирныхъ
Среди колесъ румяныхъ день;—
Часъ утра бьетъ; — колеса быстро
Крутятся на туманныхъ осяхъ. —

Се! — златопламенно чело
Подъемлется изъ за холма, —
Чело великаго Царя!
Се! въ полной лѣпотѣ изходитъ,
Одѣянъ въ огненну порфиру
Женихъ изъ брачнаго чертога! —
Власы рубиновы его
Изъ подъ янтарнаго вѣнца
Вздымаясь къ верхнимъ облачкамъ
Рисуются живой картиной
Въ объемѣ пробужденна взора —
Во кругъ алмазной колесницы

Сопровождаемой куреньемъ
Бѣгутъ восточны ветерки. —
Златые полосы скользятъ
Между зубцовъ *Кавказкихъ* горъ ,
И протягая нити свѣта
Сквозь здѣшни тихи перелѣски,
Сганяютъ спящи тѣни прочь
Съ тополевыхъ листовъ сребристыхъ;
А тамо, гдѣ уединенны
Пустынныхъ храминъ стѣны дремлютъ,
Дымъ ранній сѣрымъ вьясь столбомъ,
И кровы мшисты покрывая
Крутитъ его въ туманну твердь,
Иль стелется въ сырой долинѣ. —

Все востаетъ теперь изъ тьмы. —
Лишь нѣжна токмо роскошь спитъ;
Страшась простудъ отъ раннихъ росъ
Отвсюду заключаетъ ложе,
И нѣжась на коврахъ *Персидскихъ;*
Или въ мѣхахъ драгихъ *Сибирскихъ*,
Во глубинѣ пуховиковъ
Часы драгіе задушаетъ. —
Не тщетноль утреннее солнце
Проникнуть силится лучами
Роскошны таинства любви
Сквозь ухищренные подзоры? —
Оно лишь мудрости сыновъ
Срѣтаетъ средь святыхъ трудовъ,

Иныхъ подъ тѣнью низкой кровли
Съ собой бесѣдующихъ тихо;
Другихъ съ рѣзцомъ, или серпомъ;
Иныхъ среди полезныхъ странствій,
Что вставъ съ пристанищей ночлежныхъ,
Или изъ перепутныхъ *Хановъ* (1)
Идутъ въ далекія страны,
И свѣжу росу разсѣкаютъ; —
Или воздвигшись отъ одра
Еще до утреннихъ минутъ
Остановляютъ голень томну,
И избираютъ первый холмъ
Въ отдохновеніе себѣ. —

Тамъ, гдѣ въ сгущеннѣйшихъ толпахъ
Въ пути зрю движущися сонмы,
Иные по святымъ обѣтамъ
И по пророческимъ завѣтамъ
Спѣшатъ еще на полдень въ *Мекку*;
Другіе путь уже обратный
Оттолѣ въ домъ отцевъ пріяли. —
Какая радость, — возхищенье
Написаны на ихъ челѣ? —
Какъ тяготу путей своихъ
Они умѣютъ облегчить,
И долготу ихъ сократить! —

(1) Такъ называются въ Тавріи гостиные или постоялые дворы, уготовленные на перепутье или ночлегъ для проѣзжающихъ.

Почерпнутыя изъ *Корана*
Статьи отъ умиленныхъ пѣсней
Сопутствуютъ, и провождаютъ; —

„О солнце! — Магомета братъ!
„Горяще въ куполахъ *Медины*!
„Когда серебреный пол-мѣсяцъ
„Прешедшей нощи освѣщалъ
„Благоуханны кипарисы: —
„Не сѣтовали кипарисы,
„Какъ въ нѣкихъ жалостныхъ странахъ
„Они слезятся надъ гробами;
„Но осребренные лучами
„Веселый шумъ распростирали,
„Что персть святую осѣняютъ
„Почіющу въ небесномъ мирѣ. —
„Ликъ Божій! — озари теперь
„Великаго пророка гробъ,
„И тѣ священныя поля,
„Гдѣ подъ безцѣнными стопами
„Во дни младенчества его
„Иссопы, розы и тульпаны
„Ежеминутно возрастали! —
„Тамъ были мы, — тамъ зрѣли небо. —
„О братья! — все мы получили,
„Мы получили благодать. —
„О путь! — о путь нашъ! сокращайся;
„Съ какимъ восторгомъ несказаннымъ
„Высоко-груды наши жены,

„И черно-власы наши сыны,
„И черно-оки наши дщери,
„*Измаила* прекрасны чада
„Изъ вратъ столь долго заключенныхъ
„Съ простертой срѣтятъ насъ рукой,
„И излiютъ на наши чела
„Благоуханный сокъ алоя?—
„О путь! — о путь нашъ! сокращайся!

Такъ странники теперь поютъ,
Спѣша въ пути благословенномъ,
Иль сидя на пригоркахъ мшистыхъ,
Или подъ тѣнью осокори;—

Кто тамъ сидитъ на бѣломъ камнѣ
Подлѣ младаго человѣка,
На тисовый опершись посохъ,
Вь печально вретище одѣянъ
Съ главой открытой предъ востокомъ
Съ брадой сѣдиной убѣленной?—
Чалма зѣлена покрываетъ
Морщинное чело его.
По образу столѣтнiй вѣкъ
Вложилъ въ чело его бразды. —
Смиренны взоры говорятъ,
Что укрощенный вѣрой духъ
Исполненъ нѣкимъ вдохновеньемъ.
Онъ часто очи обращаетъ
Кь единому предмету, — небу. —

Лазорна твердь, — то пища взоровъ,
А храмъ пророка — царство мыслей.

Но вдругъ питомецъ благородный,
Съ которымъ онъ, какъ другъ-отецъ,
Напутствуя его для жизни,
Ходилъ въ священный *Мекскій* храмъ,
Вдругъ сей младый *Мурза* воставъ
Остановляетъ мысль его,
И персты къ персямъ приложа
Почтенье воздаетъ ему. —
„О мой *Омаръ* — вѣщалъ Мурза, —
„О мой возлюбленный *Шерифъ*, — (1)
„Потомокъ мудрый чреслъ пророка!
„Сиди! — и отдыхай на камнѣ!
„Сложи здѣсь бремя поприщъ дальныхъ!
„Твой домъ отсѣль еще далекъ;
„Сиди! — и отдыхай на камнѣ! —

„Да осѣнитъ тебя, — сынъ Плоти!
Вѣщалъ *Шерифъ* ему смиренно, —
„Да осѣнитъ сей ранній облакъ
„Грядущій съ пурпурна востока!
„Да возсіяетъ на главѣ

---

(1) Шерифы произходятъ отъ поколѣнія Магометова. Они одни имѣютъ право носить толстые зеленые турбаны. По большой части упражняются въ разпространеніи ученія своего праотца и законодателя. — Сей нѣкогда поселился въ *Анатоліи*.

„Свѣтъ тихій нынѣ восходящій
„До запада сумрачныхъ дней. —

Таковъ былъ утренній привѣтъ
Сего почтительнаго старца. —
Признательный *Мурза* не могъ
Сердечныхъ чувствій утаить;
Но старецъ продолжалъ еще: —
„Нѣтъ; — добродушный мой Мурза!
„Нѣтъ; — не далекъ мой домъ; онъ близокъ; —
„Онъ близокъ всѣмъ земнорожденнымъ. —
„Еще съ начальнымъ мы дыханьемъ
„Ядъ смерти черпать начинаемъ. —
„Лишь первый бой отдастся въ сердцѣ:
„То бой косы уже звучитъ. —
„Мы давши въ міръ сей первой шагъ
„Уже шагнули къ царству смерти. —
„Но ты восточный сей багрецъ,
„Предтечу пламенна владыки,
„Зрѣть въ жизни будешь долго — долго....
„Сіе свѣтило благотворно
„Чрезъ много лѣтъ катиться будетъ
„По тверди надъ твоей главой
„И надъ главой твоей любезной; —
„А я, — о быстрое свѣтило! —
„Почто толь скоро ты бѣжишь,
„И приближаешь вечеръ мой? —
„Ахъ! — можешь ли еще помѣдлить? —
„Нѣтъ, — скоро я не буду видѣть

„Сея небесной красоты.
„Я вижу ясно предъ собой
„Грозящу времени десницу;
„Я слышу — слышу гласъ зовущій,
„Зовущій важно, — а куда. . .

Тутъ старецъ рѣчь свою пресѣкши
Былъ долго въ мысляхъ углубленъ. —
Слеза покрыла томный зракъ.
Небесный нѣкій огнь игралъ
Въ сверкнувшей влагѣ глазъ его.
Потомъ онъ паки возопилъ: —
„Ужасна мысль сія младымъ —
;„Не такъ ли? — юный мой *Мурза*?
„Сія тяжело-вѣсна мысль
„Ницъ вержетъ ихъ полетъ перунный. —
„Но гробъ есть первый нашъ учитель. . .
„Уже давно я далъ обѣтъ
„Тебѣ повѣдать въ нѣкій часъ,
„Гдѣ было утро дней моихъ,
„И какъ висящу надо мной
„Я встрѣчу смертну нощь мою? —
„А ты — я знаю, — лучше хощешь
„Теперь увѣдать жизнь мою. —

Шерифъ почтенный! — рекъ *Мурза*, —
Пусть смертна мысль другихъ тревожитъ
Среди очарованій жизни! —
А мнѣ — она не такъ страшна.
Тобой, — Тобой я наученъ

Изъ мыслей не терять ее. —
Но ты съ тѣхъ поръ, какъ велъ меня
Отъ сихъ предѣловъ въ *Мекскій* храмъ,
Досѣль отсрочивалъ повѣдать
Исторію своихъ дней мирныхъ: —

„Тебѣ извѣстно — отвѣчалъ
Шерифъ съ глубокимъ вздыханьемъ,
„Что я въ *Натоліи* любезной
„Начальное пріялъ дыханье. —
„Тамъ свѣжу юности слезу
„Среди пеленъ я испустилъ. —
„Вотъ! — гдѣ моихъ дней утро было!
„Свѣтильникъ благости *Аллы*
„Въ семъ утрѣ такъ сіялъ на мнѣ,
„Какъ нынѣшній востока лучь. —

„Достигши точки полудневной,
„Какъ подъ отеческимъ призоромъ
„Искуствамъ браннымъ научался,
„Въ *Меридіанѣ* дней моихъ
„Избралъ себѣ я *Марса* Богомъ
„Во славу вѣры и Пророка;
„Но нынѣ пламень сей погасъ. —
„Всему есть собственное время. —
„Свѣтъ опытовъ открылъ мнѣ взоръ. —
„Я посвятилъ себя *Аллѣ*. —
„Великій *Муфтій*, — Райскій вождь,
„По мудрости — избралъ меня

,,Наставникомъ бреговъ *Эвксинскихъ*. —
,,Я старъ;—лишась давно супруги,
,,Лишась любви залоговъ вѣрныхъ,
,,Оставленъ лучшими друзьями,
,,Что долженъ дѣлать я иное?—
,,Я поспѣшалъ въ сіи мѣста,
,,Которы праотцы премудры
,,Стопами древле освящали;
,,Спѣшилъ повергнуть тамъ печали,
,,Какими страждетъ грудь моя;
,,Потомъ—отсѣль отъити съ миромъ; —
,,Но вдругъ пророка тѣнь во снѣ
,,Въ едину нощь вѣщала мнѣ:
Шерифъ! твой праотецъ услышалъ
Твою усердную мольбу; —
Еще свѣтило отступило
Назадъ на двадесять степеней,
Еще *Алла* къ твоей дней мѣрѣ
Пріумножаетъ двацатъ лѣтъ.—
Гряди! — и обозри всѣхъ вѣрныхъ
На строптныхъ брегахъ *Эвксина*
И средь *Таврическихъ* вершинъ !—

,,Тутъ въ изумленьи воспрянувъ
,,Я предъ *Аллой* повергъ чело.—
,,Тогда мнѣ осмьдесятъ лѣтъ было;
,,Но съ пріобщеніемъ другихъ
,,Познавъ въ стопахъ я новы силы,
,,Спѣшилъ святой налогъ исполнить.—

„Я шелъ по берегамъ *Эвксина*,
„И несъ съ собой Пророка гласъ
„До бурныхъ *Меотїйскихъ* водъ,
„Гдѣ *Джамбулукски*, *Эдишкульски* ;
„И *Эдизански*, *Аккерменски*
„Станицы процвѣли во славѣ,
„И наконецъ—прешедъ Кавказъ,
„И шую *Мїуса* (1) страну,
„Гдѣ многозлачная пустыня
„Покрыта снѣжною кавылью,
„Что стеблемъ зыблетъ помавая
„Всегда вершинки сѣдо-перы,
„И домы тысячь птицъ хранитъ,
„Пришелъ съ пророческимъ уставомъ
„Въ сей знаменитый *Херсонисъ*.—
„Тутъ я позналъ глубоку древность
„Сего камнистаго предѣла,
„Учился нравамъ и умамъ,
„Сердца къ пророку привлекалъ
„Въ угодность призраку его.—
„Но всѣ его предлоги сильны
„Имѣли слабой сдѣсь успѣхъ:
„Я тысячу нашелъ въ пути
„Сильнѣйшихъ бѣдствій и прещеній.—
„Потомъ тебя узрѣвъ,—Мурза,
„Услышалъ я съ восторгомъ духа,
„Что ты меня избралъ въ отца.—

---

(1) рѣка впадающая въ *Азовское море*.—

„Се холмъ еленей—! здѣсь, Мурза,
„Я въ первой разъ тебя узрѣлъ.—
„Ты одолѣлъ себя,—и бракъ
„Отсрочивъ,— убѣдилъ меня
„Чтобъ *Магометовы* останки
„Вторично посѣтить въ Railroadинѣ.—
„Се!— наконецъ мы паки здѣсь!—
„Но я третичный путь возьму,
„И тамъ близъ Праотца умру.—
„Увы!— послѣдній жизни годъ!...

Премудрый старецъ!—рекъ Мурза.—
(Мурза самъ въ мудрости наставленъ)
Да будетъ благъ святый твой путь!
Да будетъ спутникомъ тебѣ
Хранитель Ангелъ,—Стражъ небесный,
И оградитъ тебя отъ стрѣлъ
Летящихъ въ тьмѣ и сѣни смертной!—
Когда достигнешь въ третій разъ
Священныя сея *Медины*;
Дерзну ли заклинать еще
Тебя я именемъ Пророка,
Чтобъ тамо ты принесъ мольбу,
Да буду здравъ душей и тѣломъ,
Да нивы каждой годъ мои
Произведутъ сторичный плодъ,
И зрѣлый виноградъ прольетъ
Багровы токи пѣнныхъ соковъ?—
Но ты,— Шерифъ! не возбрани

Младому юношѣ спросить:—
Когда *Алла* велѣлъ тебѣ
Итти въ сей славный *Херсонисъ*:
Почто ты не избралъ другихъ
Путей кратчайшихъ для сего?—
Я зрѣлъ на чертежахъ вселенной
Ближайшій путь сюда чрезъ море.—
Не страшно ли для дряхлыхъ дней
Пройти камнистые хребты,
Пройти донскіе берега,
Гдѣ нѣкогда Орфей печальный, (1)
Что прежде изъ грубѣйшихъ скалъ
Извлечь умѣлъ потоки слезъ,
Самъ по глухимъ вопилъ пустынямъ,
Оплакивая невозвратну
Потерю милой *Эвридики*,
Подобно нѣжной филомелѣ
Лишенной бѣднаго птенца?—
Не страшноль проходить то мѣсто,
Гдѣ ратоборцы полу-ночны
Столь часто шумны движутъ стопы
По пламеннымъ стезямъ *Алкида*,
Который нѣкогда исторгъ
Злощастна узника изъ цѣпи
Привязанна къ горѣ *Зевесомъ*,
Гдѣ *Прометей* уже не моетъ

---

(1) кн. IV о земледѣліи.--Виргил.

Слезой *Кавказкаго* хребта;—
Уже умолкъ стенанья гласъ,
Который межь пустыхъ утесовъ
Столь часто,—столько долго вылъ. —

,,Сынъ міра!—старецъ отвѣчалъ,—
,,Что быть спасительнѣе можетъ
,,Въ юдоли мрачной жизни сей,
,,Какъ преломленные лучи
,,Собравъ изъ постороннихъ свѣтовъ,
,,И въ точку ихъ соединя
,,Чистѣйшій свѣтъ изъ нихъ устроить,
,,Потомъ—къ себѣ его присвоить,
,,Да свѣтитъ въ нравственномъ онъ мірѣ.
,,Но собирать ихъ—лучше тамъ,
,,Гдѣ нѣтъ обманчивыхъ паровъ,
,,Или огней гнилыхъ и ложныхъ.—
,,Ахъ! мой *Мурза*?—какъ нужны знанья,
,,Которы странникъ почерпаетъ
,,Изъ разныхъ душъ иноплеменныхъ?—
,,Конечно,—должно быть пчелой,
,,И брать сокъ чистый изъ всего.
,,Что дальности?—они лишь страшны
,,Для нѣжныхъ *Сибарита* стопъ—
,,Мы всѣ пришельцы,— ты,—и Я;
,,Вселенна— поприще для насъ;
,,Отечество не здѣсь,—но тамъ----
,,Да;—могъ бы я избрать конечно

,,Кратчайшую стезю въ *Эвксинѣ.*—
,,Извѣстно, что въ *Колхидѣ* дикой,
,,Или въ *Мингрелїи* лѣсистой,
,,Гдѣ разпаленная Царевна
,,Открыла древле путь сквозь пламень
,,Пришельцу милому къ руну,
,,Всегда десница смерти машетъ,
,,И въ ясный день и въ мрачну ночь.—
,,Тамъ все напоминаетъ
,,О смерто-носныхъ чарованьяхъ
,,*Колхидянокъ* зло-ухищренныхъ,
,,О нѣкихъ пламенныхъ дождяхъ,
,,Объ огне-дышущихъ волахъ,
,,О тѣняхъ, о мечтахъ Гекаты. —
,,Кто тамъ не палъ на половинѣ
,,Своихъ отважныхъ предпрїятїй?—
,,Кто тамо съ самой высоты
,,Путей своихъ не низвергался?—
,,Но кто же изъ *Шерифовъ* смѣетъ
,,Не точно гласъ *Аллы* исполнить?—
,,Уже я не страшуся смерти.—
,,Я сколько могъ,—исполнилъ долгъ.—
,,О! естлибъ милосердо небо
,,Вложило въ дряхлые стопы
,,Еще еленя быстроту!
,,Еще притекъ бы я щастливо
,,До тѣхъ источниковъ живыхъ,
,,Гдѣ утолилъ бы жажду сердца,

„И оживилъ бы плоть и кровь.
„*Мурза*!— пойдемъ на южны горы!—
„Се!—Пилигримы въ югъ идутъ!—
„Конечно Богу пѣснь воспѣть,
„И посиріять покой врачебный.—
„Тамъ мы уединясь въ скалѣ
„Съ благодареньемъ вознесемъ
„Къ ближайшимъ небесамъ мольбу;
„,Потомъ— въ селеніяхъ твоихъ
„Сойдемъ провесть грядущу ночь,
„А наконецъ *Мурза*!—проститься—
„Ахъ!—можетъ быть уже на вѣкъ.—

Такъ старецъ небомъ вдохновенный
Вѣщалъ—и съ камени досталъ;
Озрѣлся,—и пустился въ путь.—

Какъ быстро ласточка порхаетъ
Во кругъ грядущаго отшельца!
То вьется надъ главой его,
То отстаетъ,—то упреждаетъ,
И долго въ оборотахъ сихъ
Сопровождаетъ ушлеца.—

Пойду я къ гладкой той равнинѣ,
Гдѣ сребро-сѣры нѣжны агнцы
Подъ яснымъ и открытымъ небомъ
Годичну пажить продолжаютъ
Питаясь сланцомъ, лебедой.—

Здѣсь,—здѣсь на злачномъ берегу
При озерѣ слано-кристальномъ
Я сяду съ утреннею арфой!
Здѣсь будутъ странствовать глаза
По разнотѣ несмѣтныхъ зрѣлищь.—

Куда ни обращу я взоръ;
Повсюду вижу торжество.—
Воззрюль на мшисты холмы?—скачутъ;—
Воззрюль на тихій долъ?—ложится,—
И дышетъ врачевствомъ прохлады.—
Воззрюль на дальній лугъ?—смѣется;—
Воззрюль на плоскости струисты?—
Тамъ вьются легкіе пары
Надъ неподвижностію озеръ,
Гдѣ сланы хрустали осѣдши
Во образѣ граненыхъ камней
Сребристымъ черепомъ лежатъ.—
Едва лишь злато-гривый *Левъ* (1)
Въ свое пріемлетъ ложе солнце,—
И съ раскаленнаго языка
Истоки знойны испускаетъ:
Пары подъемлются съ озеръ,
Вода начнетъ оскудѣвать;
А слано вещество густѣя
Сребристымъ становится льдомъ.
Се!—быстрый лучь скользитъ отъ солнца!—

(1) знакъ Зодїяка

Какой багрецъ въ сребрѣ семъ скачетъ?—
Какіе пламенныя розы?—

Межъ тѣмъ, какъ бѣло-перый Лунь
Плыветъ по синей высотѣ,
И ищетъ быстрыми глазами
Добычи межъ безсильныхъ птицъ,
Нырокъ по сланымъ берегамъ,
Всплеснувши пѣгими крылами,
Напрасно взоромъ ловитъ рыбъ.—
Сколь часто, какъ сіи озера
Еще въ кристалъ непревратились,
Еще окрѣпла не довольно
Ихъ жидкость предъ лицемъ лучей,
Нещастный сей нырокъ стремится,
И очарованъ бывши влагой
Пускается?—садится въ влагу?
Ахъ!—видно, онъ на вѣкъ садится;—
Напрасно перышки пестрѣютъ;
Они отъ соли леденѣютъ.—
Тамъ темно-перый легкій Аистъ
Шагаетъ по кристаламъ гордо,
И длинный носъ подъявъ высоко
Рубинными глазами любитъ
Взирать на сланы зеркала;
А здѣсь журавль, черноголовый,
Прекрасный видомъ, цвѣтный въ перьяхъ,
— (Живетъ въ высокихъ онъ горахъ)

Какъ велегласно восклицаетъ,
И тонкимъ гласомъ брегъ пронзаетъ? — (1)

Вокругъ меня пестрѣетъ царство
Благоухающихъ цвѣтовъ. —
Какое множество сиреновъ, (2)
И бархатцовъ въ поляхъ мелькаетъ! —
Тамъ горда солнцева сестра, (3)
Донникъ (4), врачебный звѣробой (5)
Ясмины дики, ноготки
Блестятъ отъ солнечныхъ лучей;
Вербейникъ (6) съ бѣлою полынью (7)
Приносятъ лакомство овцамъ,
А чабръ душистый, и катранъ (8)
Для гладныхъ зайцевъ сладку снѣдь.
Пушисто-рунный кроткій кроликъ
Исторгшись изъ земной норы
Коренья лѣторислей роетъ,
И подъ согбенной вѣтвью глода

---

(1) Помянутыя птицы часто видны бываютъ при соленыхъ озерахъ.
(2) Lylas,
(3) Chicorée Sauvage
(4) Mellilot.
(5) Mille-pertuis.
(6) Salicot.
(7) Artemisia alba.
(8) Choux marin, — Crambe orientalis.

Чело подъ корнями ихъ кроетъ;
Жабрей (1) и лено-листный *Тезій* (2)
Сѣдой главою помавая
Готовятъ ради легкихъ птицъ
Тѣнисты малые бесѣдки.—

Но можноль тьмы цвѣтовъ изчислить,
Какіе здѣсь блестятъ въ очахъ,
И бывъ унизаны жемчугомъ
Подъемлютъ бодрое чело,
Пьютъ слезы матери *Мемнона*?— (3)
Колико ихъ еще сокрыто
Въ тиши глубокой межь горами?—
Острѣйши взоры ботаниста
Должны въ счисленьи утомиться
Въ разборѣ видовъ ихъ, и красокъ,
Въ различьи запаха и вкуса.—
О!—Сколь врачебное куренье
Средь мусикіи щебетливой
Воздушныхъ ликовъ неизчетныхъ
Отъ нихъ возходитъ въ небеса?—
Мнѣ мнится,— я теперь сижу
То въ облакѣ благоуханій,
То посредѣ пернатыхъ хоровъ!—

---

(1) Linaire.
(2) родъ кавыли, Thesium linophyllum;
(3) Мемнонъ былъ сынъ Авроры, которая по утрамъ яко бы плачетъ по убіеніи его подъ *Троей*

Какъ сильно перепелъ въ кавыли
Свой крикъ колѣнчатый выводитъ?
Какъ нѣжно жаворонокъ дикій,
Хохломъ гребнистымъ потрясая
На кровлѣ хижины взываетъ?—
Но сколь ни возбуждаетъ сладко
Тамъ перепелъ мой жадный слухъ;
Сколь нѣжно ни плѣняетъ духъ
Поющій жаворонокъ тамо; —
Все здѣсь уныло,—все здѣсь пусто;—
Лишь пестрый *Потатуй* сидитъ (1)
На сихъ развалинахъ деревни,
И съ напряженьемъ возглашаетъ
Свое печально;— *у-ду—ду* — —
Вблизи зло-вѣщая кокушка
Осиплымъ крикомъ назначаетъ
Предъ отроками мѣру дней;
А важный черно-крылый вранъ
Сидя на обгорѣломъ пнѣ
Перуномъ раздробленна бука,
Плачевнымъ крикомъ выкликаетъ
Сокрыту нѣкую погибель.

Ахъ!—здѣсь мою обьемлетъ грудь
Меланхолическая грусть!— —
Какая всемогуща сила

---

(1) то же что *удодъ*

На очи мрачность ниспустила?—
Что значитъ?—иль печальны птицы—,
Межъ тѣмъ какъ прочіе пѣвицы
Плѣняли трѣлію волшебной,
Теперь унывіе вдохнули?—
Ахъ!—*Марсова* стопа желѣзна,
Знать, нѣкогда и здѣсь звучала!—
Развалины,—отломки стѣнъ,
Бугры,—хранилища костей,
Пни голы,—не еголь слѣды?—
Колико тысячь тутъ легло?
Коликіе полки тутъ спятъ?
Пусть спятъ!—ужели Марсъ еще! . . . .?

Не долго утрення прохлада
Въ долинѣ будетъ провѣвать.—
Нѣтъ;—арфа очень рано можетъ
Въ открытомъ полѣ утомиться,
Гдѣ часъ кипящій прибѣжитъ
Излить горящу урну зноя,
и будетъ понуждать меня
Искать прохлады въ нѣдрахъ горъ.

Се тамъ на южной сторонѣ
Межъ западомъ и межъ востокомъ
Я зрю простертую картину
Въ иныхъ оттѣнкахъ и цвѣтахъ!—

Тамъ сѣрой мглы завѣса тонка,
Что стелется слоями долу

Надъ сей равниной освѣженной, —
Подъялась во твердь! — свилася въ клубъ; —
Се! — горъ амфитеатръ открылся
Съ курящимися ихъ верхами! —

Прекрасный! — славный полу-островъ!
Съ какой ты славою восталъ
Теперь изъ утренникъ сумраковъ? —
Ты выникнувъ изъ темной бездны,
И къ югу обратяся лицемъ
Вздымаешь гордое чело
Надъ зеркалами трехъ пучинъ. —
Какъ пышны каменны твои
Слои отъ сѣверныхъ равнинъ
Въ громадны мышцы возрастая
И въ югѣ кончася скалами
Возносятъ въ область облаковъ
Остро-конечныя главы? —

Что мѣдлить? — поспѣшимъ отсель
На тѣ уступы осѣненны,
Что остро-главыми верхами
Сафирной тверди достигаютъ? —
Кто можетъ различить въ дали
Вершинъ сліянныхъ съ облаками?
Сіи надмѣнны высоты
Въ небесныхъ кроясь туманахъ
Едва одно не составляютъ. —

Лишь Феб златые вьет власы
На темно сѣрых их концах. —
Но чѣм я ближе; — тѣм они
Возходят выше предо мной,
А чѣм я выше; — тѣм они
Ко мнѣ склоняют выю ниже. —

Се! — много-главый гордый стан,
Шатер камнистый распростертый,
Одѣтый сланцовым(1) платном,
Величественный *Чатыр-даг*(2)
Возносит смуглое чело
С гордыней важной над горами,
Которы кажутся пред ним
Ползущими буграми токмо! —

Гдѣ Агермышь туманно-главый? (3)
И гдѣ *Темирджи*, — холм пустынный,
Гдѣ прозябая колкій *ю̂жъ* (4)
Кустами стелется по камню? —
Они глубоко низложились

---

(1) Сланец тоже, что Шифер.

(2) Нынѣ называется *Палат*-гора, или шатер по сходству положенія своего на величайшую нѣкую палату. Самое слово *Чатыр* значит шатер или палатку.

(3) Гора близь стараго Крыма.

(4) *Ю̂жъ* трава, Statice Echinos, только на горѣ *Темирджи* растет

Неразличаемы въ пригоркахъ
Передъ надмѣннымъ *Чатыр-дагомъ.* —

Онъ будто прочихъ презирая,
И недостойными считая
Нималаго съ собой общенья,
Стоитъ особо отдѣлясь,
И предъ полками звѣздъ гордясь
Свое заноситъ черно око
Въ обитель жителей эѳирныхъ.

Другой вблизи его утесъ
Противный видомъ и челомъ,
Вѣнчанъ скуделью темно-красной
Возходитъ острыми столпами
Въ предѣлы тверди возвышенной;
Но тѣхъ высотъ не достигая,
Куда возникнулъ *Чатыр-дагъ*,
Какъ меньшій старшему ревнуетъ,
И мнится, — за такую ревность
Еще издревле претерпѣвъ
Насиліе громовъ подземныхъ
Теперь стоитъ съ главой изрытой.

Но двѣ сіи скалы высоки,
Какъ двѣ подпоры *Херсониса*,
Или какъ два столпа ужасны
Поддерживая сводъ небесъ
Надъ полу-островомъ висящій

Стоятъ незыблемо надъ зыбью,
И длинной тѣнію волнистой
Въ минуты ранни, иль вечерни
Заемлютъ страшну часть *Эвксина.* —
  Взойду ли я на *Чатыр-дагъ,*
Гдѣ новый міръ красотъ высокихъ,
Въ уединеньи ожидаетъ,
Гдѣ взоръ обширнѣе обыметъ
Торжественны явленья всюду?—

СОДЕРЖАНІЕ.

Возходъ на Чатыр-дагъ,—Обращеніе къ Творцу,—Горныя прозябенія,—Звѣри и птицы,—Перемѣны воздуха въ горахъ,—Рѣки и источники, — Водопадъ Акар-су, — Ялтовская *долина,* — Пареенитскій *мысъ,* — *переходъ къ* Судаку.—

Какъ нѣжно? — Какъ прекрасно здѣсь
Сей горный жаворонокъ скромный
На бѣлыхъ крылошкахъ порхая
Трѣлитъ пустынну пѣснь свою? —
Я сяду здѣсь — на мшистомъ камнѣ
Среди сей площади зѣленой,
И буду слушать,—зрѣть,—чудиться. —
Пой птичка!—Здѣсь я сяду. —

Доселѣ естества десница
Перемѣняясь въ видахъ дѣлъ
Лишь въ тайнѣ развeрзала силу;
Но здѣсь,—средь сихъ ужасныхъ горъ
Она подобна исполинской.—

„Неизглаголанный!— Великъ,
„Великъ ты въ цѣломъ естествѣ. —
„Твоя блистаетъ красота
„Среди долины безмятежной
„Въ млечной лилеѣ, въ алой розѣ.
„Твой тихій благодатный гласъ
„Въ зефирахъ шепчетъ тонко-крылыхъ
„Порхающихъ въ лугахъ цвѣтущихъ.
„Твое дыханіе прохладно
„Въ тѣнистыхъ вѣетъ купинахъ;
„Но здѣсь величество твое,
„Твое могущество и слава
„Въ священномъ ужасѣ исходятъ
„Среди камнистыхъ сихъ громадъ;
„Твой всемогущій гласъ глаголетъ
„Въ сихъ сѣно-лиственныхъ дубахъ;
„Твой духъ взываетъ громогласно
„Въ сихъ—сихъ свистящихъ вихрей силахъ
„Сражающихся между горъ.—
„И кто на высотѣ ужасной
„Не ощутитъ твоей стопы,—
„Что шествуя сквозь тучны тучи
„Звучитъ, какъ пламенно желѣзо?
„Кто здѣсь твоей не узритъ славы?
„Кто не услышитъ гласа въ громѣ?
„Ты дхнешь,—и букъ и дубъ столѣтній
„Ложится корнемъ вверхъ косматымъ.

„Взгремишь, — и каменна скала
„Дрожитъ, — трещитъ, и ниспадаетъ.
„Блеснешь, — и страшный сей хребетъ
„Въ своемъ метальномъ основаньи
„Разтопится, — сгоритъ, — изчезнетъ,
„Какъ воскъ отъ ярости огня,
„Какъ въ тверди облако дебело
„Проникнуто лучами солнца,
„Иль какъ блестящій снѣгъ лежащій,
„На темѣ сей горы при зноѣ. —
„Но что реку? — лишь ты восхощешь;
„Шатнется міръ на ломкой оси ;
„А Твой престолъ, — Сіонъ небесный
„Не поколеблется во вѣкъ.
„Творецъ! и здѣсь, — и здѣсь твой храмъ;
„Сафирный сводъ небесъ палящихъ
„Мнѣ мнится, приклоненъ сюда;
„Столпы его, — древа столѣтни,
„Куреніе, — цвѣты Алпійски;
„Симфонія — хоръ птицъ въ дубахъ;
„Красивость, — пестрота цвѣтовъ,
„А верхъ камнистый возвышенный
„Являетъ жертвенникъ священный —
„Къ Тебѣ, — къ Тебѣ я приближаюсь ,
„И въ нѣмтованій пѣсни сей
„Благоговѣю, — Боже чудный! —

Оставь свои холмы любезны,
Божественна моя *Камена!* —
Пусть будетъ *Чатыр дагъ* высокій, —
Сей дивный слѣпокъ естества, —
Твоимъ любимымъ храмомъ пѣсней! —
Здѣсь зришь ты въ ясномъ *глазо-емѣ* (1)
Весь край вечерній сей страны,
Окрестны горы осѣненны,
И униженны ихъ верхи;
И *Евпаторіи* равнину
И три шумящія пучины,
Которыя небесный сводъ
Спустя эмалевы краи
Объемлетъ слившись въ цвѣтъ единъ. —
Всѣ прелести сіи открыты,
Тебѣ въ единой точкѣ зрѣнья.

Уже другой здѣсь воздухъ вѣетъ
Всегда прохладенъ, здравъ и свѣжь. —
Ты смѣжный черпая эѳиръ,
Главой касаясь небесамъ
Гордыню нову ощущаешь,
И мнишь, что каждый небожитель
Тебѣ въ сіи минуты другъ. —
Гдѣжь тѣ надмѣнны облака,
Которыхъ высотѣ ужасной,

(1) Горизонтъ.

И ихъ косматому лицу
Въ низу дивится сынъ долины?—
Они теперь уже не странны;—
Они какъ тѣнь, — какъ тонкій паръ,
Влачася мимо глазъ твоихъ
Въ мозгу закруги не раждаютъ. —

Ты видишь здѣсь подъ небомъ рощи;
Здѣсь дубы при брегахъ *Самгира*
Широки листья потрясаютъ;
Здѣсь бѣло-тѣлая гробина,
Здѣсь нѣжна липа, гибка верба
Струятъ врачебное куренье;
А тамъ широко-ствольны *буки*
И *вязы* съ важностью стоящи
Спускаются къ подошвѣ нижѣ. —
Уже трехъ-сотая весна
Въ ихъ дышетъ разрѣзныхъ листахъ,
Подобно какъ въ дрожащихъ лёгкихъ;—
Въ тѣни ихъ былія цѣлебны,
Проломникъ (1), *Черный сладо-корнь* (2),
Растущій *сребряникъ* на камняхъ,
Горящій *звѣздо-цвѣтъ* (3), *подлѣски* (4)

---

(1) Androſace villoſa.
(2) Polypodium vulgare
(3) Aster Alpinus. —
(4) violette.

Съ *Алпійскимъ* злакомъ прозябаютъ;
Здѣсь съ бѣлымъ *буквица* листомъ (1)
Избравъ прошалину въ снѣгахъ,
И ранѣ всѣхъ растѣній зрѣя
Всегда предшествуетъ веснѣ;
А тамъ густый *много-головникъ* (2)
Выставливая изъ ущелій
Свои головки красно-цвѣтны
Вѣнчаетъ каменно чело. —
Тамъ *денежникъ* уединясь (3)
Растетъ съ *сокольимъ* перелетомъ. —
Какіе бисеры слезящи
Дрожатъ на гибкихъ ихъ листочкахъ? —
Но капли бисерны сіи
Паря изъ чашечекъ пушистыхъ,
И въ тихи куревы претворшись
Къ небеснымъ сводамъ возникаютъ. —
Не ихъ ли сыпала Аврора?
Не ихъ ли мѣсяцъ зрѣлъ въ нощи?
Не ихъ ли Фебъ уноситъ днемъ? —

Здѣсь подъ густыми тѣньми древъ
Въ утесы *барсукъ* полосатый (4)

---

(1) Prime-vere.
(2) Asplenium trichomanoides.
(3) Thlaspi ſaxatile.
(4) Blereau; сихъ звѣрей число тамъ не велико.

Тяжелый шагъ свой напрягаетъ. -
Ему служила темна ночь
Для похищенія добычь,
А яркій свѣтъ его вгоняетъ
Въ разсѣлины глубоки горъ.
Тамъ дики кони вѣтро-ноги,
Или сайгаки криво-роги (1)
Столь нѣжны къ вольности своей
Рыстаютъ то по крутизнамъ,
То мчатся по пустымъ степямъ.
Какъ тщетно ловчій помышляетъ,
Сихъ легкихъ тварей уловить,
Когда быстрѣе стрѣлъ ихъ ноги? —
А здѣсь вѣтвисто-роги *Серны*
Съ утеса скачутъ на утесъ
Черезъ ужасныя вершины. —
Иная рогомъ зацѣпясь
За вѣтвь, иль за отрогъ скалы
Виситъ во отчаяньѣ! — нещастна! —
Какъ часто здѣсь удачна пуля
Влетаетъ въ бьющуюся грудь! —

Смотри! — какъ тамъ *Орелъ* кичливый, (2)
Пушисто-шейный, бѣло-главый
Крутыхъ вершинъ *Алпійскихъ* сынъ

---

(1) Antilope, или Hircus recurvis Cornibus.
(2) Vautour des Alpes.

Подъемлясь съ тяжкой вѣтви дуба
Взоръ быстрый къ солнцу простираетъ!—
Зри!—тамъ другой сребристо-перый,(1)
Египетскій *пришлецъ* и гость,
Главу подъемлетъ желто-кожну,
И бурыми звучитъ крылами! —
Какая бы изъ птицъ дерзнула
Такъ гордо, такъ парить отважно,
Какъ ихъ широко-крылый Царь?—
Лишь бѣлый *Лунь и Коршунъ* смѣютъ
Гордиться предъ толпою горлицъ,
Иль предъ станицею *грачей*.

Межъ тѣмъ, какъ сѣдо-перый *сычъ*
Съ огромнымъ *филиномъ* при корняхъ
Смеживши взоръ при свѣтѣ дремлютъ,
Красиво-перая *Речанка*,
Пламено-груда дщерь утесовъ (2),
Исторгшись изъ подземныхъ гнѣздъ,
И злато-глазый дикій *гоголь*,
Бакланъ и хищный *хохотунъ* (3)

---

(1) Le perinopter.

(2) Горная утка—Tadorne, anas tadorna.— Вся бѣлая, голову и шею имѣетъ сизую, а грудь желто-красную.—Живетъ въ землѣ.

(3) Grand-goe-land, - larus, Canus Major, Common gull.

И съ нимъ *шипунъ* сипо-голосый (1)
Полощутся въ морскихъ зыбяхъ,
И ищутъ рыбъ неосторожныхъ
Межъ острыхъ и густыхъ осокъ,
А тамъ стада *коллицъ*, гусей,
Пустыно-любныхъ журавлей
И бѣлыхъ легкихъ *лебедей*
Парятъ надъ моремъ длинной цѣпью.

Все здѣсь на высотѣ яснѣетъ;
Все здѣсь являетъ бодрость духа
И тонкую эѳира живость.
Но между горъ въ глубокихъ долахъ,
Гдѣ въ мрачныхъ тѣняхъ дремлютъ дебри,
Гдѣ *лютикъ* въ тайнѣ созрѣваетъ (2)
Росой медвяной умащенъ,
Еще зіяютъ чада нощи;
Еще туманы нѣки спятъ. —
Иные же изъ нихъ не скоро
Свое подъемля тяжко чрево
Подобно озеру сѣдому
Хребта часть нижню омываютъ,
И сквозь прогалины тѣсняся
Жемчужныя кидаютъ капли
На листвія дремучихъ древъ. —
Но въ тѣ угрюмы, мрачны дни,

---

(1) Cigne;-Anas, Cygnus; Swan
(2) Ranunculus acris.

Когда сынъ *Троевъ водолей*
Изчерпавъ ароматный сокъ
Небесны силы угощаетъ;
А божества возвеселившись
Пируютъ въ выспреннемъ Олимпѣ,
Здѣсь долу бурный сынъ *Эола*
Разторгши цѣпи вылетаетъ
Изъ глубины полнощи мрачной,
И чрезъ равнины нагоняя
Чреваты снѣгомъ облака
Пушитъ хребты, пушитъ кусты,
И флорѣ издали грозитъ
Своимъ челомъ желѣзо-хладнымъ.

Не рѣдко облако иное
Въ тѣ даже дни, когда *телецъ*
Толчется юными рогами
Въ златую дверь весны цвѣтущей,
И *Май* бальзамный за собой
Ведетъ на злачныя поля,
Не рѣдко утромъ пробѣгая
Скалы лѣсисты полосой,
Хребты препоясуетъ средни
Пушистымъ поясомъ сребристымъ.—
Межь тѣмъ, какъ нижшіе древа
Облиты гололѣдью кристальной,
Качаютъ перевязи снѣжны,
Лѣса растущи на вершинахъ

Въ цвѣтущемъ торжествуютъ злакѣ
Надъ зимнимъ облакомъ ползущимъ.
Тутъ пресмыкается *зима*
По дольней сторонѣ хребта;
И блѣдну мантію влечетъ
Позадь съ оплечьемъ сѣдо-руннымъ,
Тогда какъ въ полномъ блескѣ день
Гордясь алмазнымъ ожерельемъ
Надъ нею свѣтитъ на вершинахъ.—
Сто саженъ токмо раздѣляютъ
Холодну зиму съ теплымъ лѣтомъ. —

Какъ разновидно ликовствуетъ
Природа въ образѣ игры?—
То тихо на лугахъ смѣется,
То исполинствуетъ въ горахъ,
То вьется въ нѣжныхъ сгибахъ червя,
То въ воздухѣ паритъ орломъ,
То преливаетъ ярко злато
Въ каймахъ различныхъ облаковъ,
То вдругъ густой ложится тѣнью
По мшистымъ скатамъ землелоговъ.

Какъ любопытно созерцать
По косогорамъ каменистымъ
Бѣгущи цѣлы ночи тѣней
Спущенныя изъ тучныхъ тучъ?
Какъ любопытно на подвластны

Смотрѣть утесы *Чатыр-дагу*,
И на растущіе холмы
Пріосѣненны темной чащей,
Отколь ключи гремучи бьются
Всегда съ журчаніемъ немолчнымъ?—

Я слышу долу ревъ глухой?. . .
Подобно грому за горой.— —
То ревъ ручьевъ и водопадовъ
Катящихся отселѣ въ низъ
По раковинамъ разно-цвѣтнымъ!—
Здѣсь зрю я *Зую*, *бештерекъ*,
Индалъ, *булганакъ и бузукъ*,
Что прыгаютъ съ крутаго камня
Пѣнистой шумною стопой,
И далѣ по кривымъ стезямъ
Платномъ блестящимъ растилаясь
въ тѣняхъ развѣсныхъ черноталей,
Въ тѣняхъ сгущенныхъ чернокленовъ
Въ *Сивашъ* тлетворной упадаютъ,
Надъ коимъ вьется смрадный паръ,
И душитъ чувствіе пришельца.—

Кристальна урна здѣсь *Салгира*
Крутящая струи на полнощь
Сквозь рытвины между хребтовъ,
Сквозь рощи *ильмовъ и ясеней*,
Съ начала въ снѣги облеченна,

А послѣ въ волны разтопленна
Въ прозрачномъ мчитъ сребрѣ богатство;
А темно-видный *Кара-су*
Снѣговъ похитивъ половину
Отъ сей вершины сѣдо-главой
Бѣжитъ, и множитъ плодъ съ *Салгиромъ*
По злачнымъ острова долинамъ,
Гдѣ жирныя бразды согрѣты
Созвѣздіемъ благо-поспѣшнымъ
Колеблются волнистой нивой
Среди воздушнаго дыханья,
И ободряютъ праздный плугъ,
Чтобъ онъ грядущею весной
Подъ благотворною звѣздой
Еще понудилъ круторогихъ
Тѣльцовъ разверзнуть ложесна
Всеобщей матери земли.—

Не видишь ли,—моя *Камена*!
Какъ тамо въ утучненныхъ долахъ
Пестрѣютъ жирные овощи?—
Тамъ прохладительная *спаржа*,
Здѣсь краснокожные *фасоли*,
Тамъ сочны *яблоки любовны* (1)

---

(1) Pommes d'amour;—Solanum Lycoperſium.—

Здѣсь *бадиджанъ* (1) и *кукуруза* (2)
Подъ небомъ благодатнымъ зрѣютъ.—
Все здѣсь найдетъ владыка дому,
что вкусна требуетъ трапеза.—

Излучисты брега сихъ токовъ
Гордятся пестротой садовъ,
Гдѣ разно-родныя древа
Обремененныя плодами
Готовятъ общій пиръ въ то время,
Когда крылата въ небѣ *дѣва*
Держаща пукъ златыхъ колосьевъ
Низводитъ дни пріятны жатвы,—
Тамъ многоплодная *Альма*,
Кабарта и шумлива *Кача*
Текутъ подъ тѣнями златыми;
Потомъ омывши землелоги
Уходятъ въ мрачно лоно бездны,
И разсѣкаютъ черну зыбь.

Чего брега ихъ многоцвѣтны
Изъ тучныхъ нѣдръ не производятъ?—
То шелковицы наклоненны
Отъ полныхъ кровоточныхъ гроздовъ,

---

(1) Mayenne, ou Melongene— Solanum melongena.

(2) Blè de Turquie.—Zea-maye.

То съ желто-цвѣтными плодами
Прекрасны сливы, сладки груши
И красноцвѣтные гранаты,
И дики *миндали* растутъ,
То тучны лозы винограда
Съ багроточивыми кистями
Взбираются съ пещаныхъ грядъ,
И дружно вьяся окрестъ древъ
Объемлютъ нѣжно стволы ихъ,—
А повители также имъ
Въ сихъ оборотахъ подражаютъ. —
Тамъ черной *бедренецъ* (1), тамъ *Кервель*,(2)
Плакунъ (3) и съ нимъ *сине-головникъ* (4)
И тамъ *красавица трава*, (5)
Гдѣ дщерь Италіи прекрасна
Достаточну находитъ помощь
Для умовенія лица;
Тамъ всѣ такія прозябенья
Растутъ, и врачевство даютъ. —

---

(1) Pimpinella magna.
(2) Cerfeuille.—Scandix Cerefolium.
(3) Salicaire.—Lithrum Salicaria.
(4) Panicault, ou chardon a Cent têtes.
(5) Красавица трава, бѣшеныя шишки, bella-donna. - atropa belladona. Имѣетъ темно-красныя листы, мохнатыя и усыпительныя; а ягоды черноглосиисты и ядовиты.---Италіанки дѣлаютъ изъ нее умыванье.

Водимый шумомъ я протоковъ
Достигну ль тѣхъ ключей шумящихъ,
Отколь бѣжитъ *Акаръ* съ *Баллой*?
Ключи *Акарски* сребрточны (1)
Изторгнувшись изъ самыхъ устъ
Сѣдой главы крутой скалы
Отвѣснымъ бурнымъ водопадомъ
Стремглавъ стремятся прямо въ бездну.
Они по падямъ мѣловымъ
И по разсѣяннымъ кораллам
Взвивая къ тверди легку росу,
Иль дробные дожди туманомъ
Подолы злачны омываютъ,
И южный берегъ утучняютъ.

„О Нимфы! дщери сихъ ключей,
„Живущія при свѣжихъ урнахъ!—
„Какъ?—вы изъ сихъ густыхъ тумановъ
„Клубящихся подъ осью солнца,
„Изъ сихъ высокихъ облаковъ,
„Гдѣ сей крутой утесъ скрываетъ
„Нахмуренно свое чело,
„Вы скачете въ пучину прямо,
„И не страшитесь ничего? —
„Сколь легки, смѣлы быть должны
„Кристало-видны ваши ноги,

---

(1) Источники *Акар-су* съ верху каменистаго утеса болѣе 150 саженъ падаютъ прямо въ низъ.

„Которыя летятъ съ высотъ
„Не запинаясь за отрогъ; —
„Чтожь побуждаетъ васъ къ сему?
„Какая сила гонитъ васъ?
„Или найти вы немогли
„Спокойнѣйшаго водоската
„Гдѣ вы въ студеныхъ бы струяхъ
„Свои сребристы ноги мыли? —
„Иль поспѣшаете спасаться
„Отъ *Аполоновой* руки,
„Которая съ горящей тверди
„Сквозь полости воздушны меща
„Янтарные снопы лучей
„Палитъ вашъ ликъ толико нѣжный? —
„Такъ; — слышу вашъ печальный стонъ
„Среди потоковъ сихъ шумящихъ,
„И зрю, какъ ваши стопы бьются
„Объ остры камни, о кораллы; —
„Васъ *Фебъ* преслѣдуетъ; — стремитесь!
„Стремитеся съ высотъ ужасныхъ!
„Какъ легки, смѣлы быть должны
„Кристалло-видны ваши ноги? —

Пусть взоръ мой спустится на низъ
По оной сребреной стремнинѣ! —
Ужасна сребрена стремнина!
По ней сребро гремитъ, и мчится.
Когда съ горы огромна сосна

Воспитанна подъ облаками
Отторжена бывъ силой вихря
Въ сію стремнину упадаетъ;
Какое сверьху внизъ пространство
Чрезъ токъ вѣтвистый оставъ сосны
Въ единый мигъ перелетаетъ? —
Картина страшна быстроты! —
Такъ мнится мнѣ, представить можно
Стопы безсмертныхъ быстролѣтны.
О суевѣръ! — ты зря въ первые
Стремленье чуда съ дальнихъ *доловъ*
Не могъ ли бы тогда помыслить,
Что божество ключей *Акарскихъ*
Низходитъ *Ялту* ощастливить?

Здѣсь я остановлюся мало
Въ прекрасной *Ялтовкой* долинѣ,
Гдѣ быстры два сіи ручья
Ведя изгибомъ за собой
Крутые красны бережки
Сады и нивы орошаютъ.
Хребты обставъ сію долину
Полкругомъ предъ лицемъ пучины
Приморску брега часть смыкаютъ,
И въ видѣ семъ на высоту
Идутъ уступами лѣсными,
Гдѣ вѣчная зелена ночь
Лежитъ на скатахъ каменистыхъ,

Средь коихъ кедро-видны *сосны*
Качая на сучкахъ тяжелы
Красно-чешуйчаты плоды
Пускаютъ сребреную смолу,
И благовонный паръ надъ доломъ; —
Средь коихъ гордые *Каркасы* (1)
Далече въ высоту подъемлютъ
Свои густовѣтвисты главы. —
Тамъ въ знойные часы приморцы
На плоскихъ высотахъ *Яильскихъ*
Находятъ вешнюю прохладу,
А ихъ стада спокойну пажить,
Отъ оводовъ, слѣпней свободну.
По влажнымъ бережкамъ ручьевъ
Орѣшники долго-вѣтвисты,
Маслины, тополы сребристы
Стоятъ зѣленой колонадой,
Гдѣ отдыхъ и пріятна нѣга
Подъ тѣнь пришельца призываютъ.

Куда ни обращу я слухъ;
Вездѣ журчаніе гремуче
Межъ говорливыми ручьями;
Вездѣ стопа шумяща *Нимфы*
Слышна стучаща по кораламъ.
Вотще горящій *Аполлонъ*
Истоки знойны проливаетъ;

(1) Micocoulier.—Celtis orientalis.

Сіи струи хранятъ безвредно
Хладъ (1) зимній средъ студеныхъ водъ.

Какъ длиненъ *Парѳенитскій* мысъ
Лежащій тамо надъ пучиной? —
Возвысивъ свой хребетъ лѣсистой
Въ своемъ паденьи самомъ зрится
Еще стоящею горою,
И будто выпуклистый сводъ
Подъявъ черно-кристальну грудь
Покрыту черепомъ блестящимъ
Раститъ изъ шумной глубины.
Хотя подземные перуны
Изрыли глыбами его;
Но чрезъ сіе природа въ немъ
Для зодчаго соорудила
Такое дивно вещество,
Что видъ являетъ *пелерина* (2)
Какимъ гордится въ зданьяхъ *Римъ*;
Но тамо!—гдѣ *Ламбатски* горы
Въ уединеніи стоятъ,
Она *Вулкана* разбудя
Стремнистыя сковала гробы,
Гдѣ руды не извѣстны спятъ;
А подлѣ *Урсовскихъ* хребтовъ

(1) Въ самые жарчайшіе дни вода *Ялтовскихъ* ручьевъ такъ студена, какъ будто со льдомъ смѣшена.

(2) Во всей Италіи, а особливо въ Римѣ, употребляютъ для строенія камень называемой *пелерино*.

Содѣйствомъ той же перемѣны
Чистѣйшій воспитала *Кварцъ*.
Но я теряюсь въ океанѣ
Различныхъ перемѣнныхъ видовъ.—
Здѣсь пресѣкается мой взоръ
На самомъ томъ же перерывѣ,
Которой цѣпь сего хребта
Въ пространствѣ знатномъ раздѣляетъ
Межь западомъ и межь востокомъ.—
Пускай мой утомленный взоръ
Къ странѣ восточной обратится!
И пусть отдохнетъ облегченъ
На тишинѣ другихъ позорищь!—
Ты видѣлъ исполина горъ;
Увидишь исполина древъ;
Ты видѣлъ *Чатыр-дагъ* межь горъ;
Увидишь межь древесъ *Раину*;
Тотъ всѣ утесы презираетъ;
Сія же сосны превышаетъ.

Переходя *Ускютски* долы,
Гдѣ подъ бальзамными тѣнями
Блестящихъ *скалидарныхъ* древъ (1)
Природа рѣдкости питаетъ
Среди одровъ слоистыхъ стланцовъ,
Въ которыхъ рудо-словъ находитъ

(1) Terebenthe, ou Pistachier Sauvage. Сїе дерево даетъ бальзамъ похожїй на Мекской.

Сокровища остроконечны,
И каплющіе хрустали,
Какими столь давно востокъ
Плѣняетъ страстный взоръ *Европы*, —
Я зрю еще два длинны мыса,
Изъ коихъ первой внутрь пучины
Подобно какъ бы полу-островъ
Простеръ высокія рамена,
Гдѣ древня *башня*, — смерти домъ (1),
Теперь въ развалинахъ лежитъ, —
Та башня, гдѣ лежащи кости
И черепы напоминаютъ
О той безчеловѣчной власти,
Которая людей злощастныхъ
Въ ея утробу низвергая
Отъ самыя крутой вершины,
Не проливала слезъ о томъ,
Что тамъ нещастны раздробленны
То безъ руки, то безъ ребра,
То съ сокрушенными ногами
Дышали, — не хотя дышать;
А въ гладѣ стонъ свой возвышая
Къ отверстой высотѣ столпа,
И тратя стонъ въ глухихъ стѣнахъ
Снѣдали перваго по силѣ ;

(1) Во времена Хановъ бросали въ сїю башню съ самаго ея верха живыхъ плѣнниковъ или преступниковъ.

И вмѣсто благодарныхъ чувствъ
Въ толь страшномъ подкрѣпленьи силъ
Свирѣпу проклинали *Парку*,
Котора съ злобною насмѣшкой
Еще нить жизни пощадила
Отъ острія суровыхъ ножницъ; —
Безчеловѣчная пощада! - - -

О странники! — когда случится
Сіи мѣста вамъ проѣзжать:
Не позабудте посмотрѣть
Сію плачевную стражницу,
Гдѣ жизнь боролась съ лютой смертью? —
Тамъ узрите вы съ содроганьемъ
Еще бѣлѣющи добычи
Жестокой времени сѣкиры;
Еще услышите вы тамъ
Стенящи волны у бреговъ
О страшной гибели нещастныхъ;
Пролейте тамъ горючи слезы! —
Потомъ взоръ грустный отвратя
Направте далѣе свой путь!
Тамъ узрите другой вы мысъ,
Что въ твердь еще подъемлясь выше,
И простираясь далѣ въ волны
Скрываетъ башни сей позоръ. —
Сколь страшенъ былъ сей башни видъ,
Столь милъ за мысомъ долъ цвѣтущій. —

Ахъ! — Тамо рай за нимъ сіяетъ. —
За нимъ увидите средь скалъ
Подъемлющихъ чертой отвѣсной
Желѣзо-красные верхи,
Блаженное жилище *Флоры*,
Блистающій престолъ *Помоны*, —
Въ прекрасномъ *Аѳинеѣ Темпе* (1).

Мнѣ мнится, что природа хитра
Намѣреваясь отдалить
Отъ моря страшные хребты
На то сей долъ уединила,
Чтобъ мала *Азія* цвѣтуща
Въ толь малый уголъ преселилась. —
Она рѣшилась; — громъ ударилъ,
Взревѣлъ въ подземномъ лонѣ клокотъ;
Хребетъ сей скрыпнулъ, — отступилъ;
Тогда долина вдругъ открылась,
Куда *Натолія* богата
Со всѣми прелестьми вселилась. —
Здѣсь рай цвѣтущій огражденный
Съ страны единой полукругомъ
Гребнистой каменной стѣны,

---

(1) *Аѳиней*, - такъ названный въ нынѣшнее время городъ *Судакъ*, гдѣ лучшіе сады въ цѣлой *Тавріи* находятся.

Съ другой лазоревою бездною,
Здѣсь говорливые ручьи
Съ журчаніемъ ключей гремучихъ
И щебетаньемъ разныхъ птицъ,
Здѣсь мнѣ велятъ остановиться.—

СОДЕРЖАНІЕ.

Судацкіе *или* Аѳинейскіе сады, *разные тамъ древа, цвѣты, виноградъ; напоминаніе красавицамъ; мысли о трудолюбіи; обращеніе къ землямъ Г. М....*

Возхить, *Помона* благолѣпна,
Лѣполанита солнца дщерь,
Въ сіи уединенны тѣни,
Въ сіи прекрасные *Лицеи*,
Гдѣ сквозь листы различныхъ древъ
И многихъ кущей наклоненныхъ
Блистаетъ разноцвѣтный плодъ! —
Пусть я почію въ томной нѣгѣ
При корнѣ *Вавилонской* ивы,
Которой гибки, нѣжны вѣтви
Съ зубчато-блѣдными листами
Дугою клонятся къ землѣ,
Иль подъ висящими плодами
Черешней, вишней, сливъ и *грушъ*;
На коихъ дикій *виноградъ*,
Объемля вѣтви до вершинъ,
И ихъ пріятный блескъ сугубя
Своимъ сіяніемъ багровымъ

Растутъ безъ попеченья сами,
Иль гдѣ кудрявый можжевельникъ
Выходитъ изъ пещаной пошвы,
Стоитъ подъ видомъ *кипариса*, (1)
И паръ даетъ благоуханный;
Но кипарисна тѣнь его
Не представляла мнѣ бы смерти;
Иль тамо, гдѣ сквозь тѣнь блистаютъ,
И милу зѣлень возвышаютъ
Золото-кожны *абрикосы*,
Айвы, пушистыя *брусквины*, (2)
Душисты *смоквы* и *маслины*,
Гдѣ устилающіе долъ
Кишнецъ, (3) *гвоздика* и *кипрейникъ* (4)
Что очищаетъ вредный паръ,
Гдѣ *каперсы* кровоточивы (5)
Шалфей, что въ раскаленный воздухъ
Далече мещетъ паръ врачебный,
Пріятный *пчельникъ*, *балзамины*
Куреній облакъ разверзаютъ. —

---

(1) Онъ называется также артышь; (Savine, juniperus Sabina). — листы его похожи на кипарисные.
(2) дикіе персики, — Amygdalus Persica.
(3) Coriandrum.
(4) Epilobium.
(5) Caprier. — Capparis Spinosa.

Пусть въ сихъ пуховикахъ цвѣтущихъ
Прелестной флоры опочину,
Гдѣ никогда другой *Аконтій* (1)
Роптать не можетъ на природу,
Что нѣтъ румянаго плода,
На коемъ начерталъ бы клятву
Своей любезной для прочтенья.

Какой роскошной пиръ цвѣтетъ
Для самыхъ несѣкомыхъ здѣсь!—
Ты проницающая воздухъ
Крылами свѣтлыми, пчела!
Уже ли долго будешь виться
Въ воздушной тонкой пустотѣ!—
Нѣтъ,—ты спускаешься къ цвѣтамъ,

(1) Въ древнія времена былъ одинъ пригожій молодой Грекъ съ острова *Цея*, но бѣдный, по имени *Аконтій*, которой сильно влюбясь въ нѣкоторую красавицу знатной породы именемъ *Кидиппу*, уже обрученную другому, и не предвидя желаніямъ успѣха на писалъ на яблокѣ отъ имени ея клятву въ томъ, что она кланется предъ Діаною дать руку одному *Аконтію*; потомъ въ храмѣ сей богини въ день праздника улуча время, непримѣтно бросилъ оное къ ней на грудь; не осторожная красавица схватываетъ яблоко, читаетъ; вздыхаетъ.---клятва непремѣнна предъ строгой толь богиней, какова Діана; ибо всегда какъ скоро приступала къ браку съ тѣмъ, кому уже прежде была обручена, была мучима лихорадкой, пока не избавилась отъ болѣзни, вышедъ за *Аконтія*.

И похищаешь лучши соки.—
Не ропщутъ нѣжны дщери солнца,
Что ты ихъ сладку кровь піешь.—
Ты, мравій!— какъ въ лучахъ крутишься,
Поднявшись съ бархатца теперь!—
Давно ли видѣлъ я тебя
Во мракѣ бренія ползуща
Межъ плѣжущей твоей дружиной!—
Сія картина премѣнилась.—
Ты старъ былъ,—ноги ослабѣли;
Природа щедрая снабдивъ
Подпорой въ слабости тебя
Вложила живость юныхъ дней,
Взрастила крылошки изъ спинки;
Теперь подъемлешься,—крутишься,
Гордишься надъ жилищемъ прежнимъ!—
О таинство природы мудрой!—
Ты легкій сынъ росы!—кузнечикъ!
Ты сидя ножками звѣнишь,
По стебелькамъ былинокъ скачешь ,
Пьешь росу, пьешь ты злачный сокъ,—
Нѣтъ безпокойствъ иныхъ;—сверчи!
Вы чада рощей и садовъ!
Любезны *пѣночки, синички!*
Вы, *иволги* золото-перы!
Вы *зяблицы, чижи* зѣлены!
Чиликайте трѣлисто въ листьяхъ
Настроя горлышки свои!

Но солнце въ половинѣ неба;—
И зной изъ тверди начинаетъ
Струи кипящи низпускать,
И изъ растѣній извлекать
Бальзамный духъ въ тяжеломъ парѣ,—
Пусть буду шествовать по тѣнямъ
Гдѣ остро главыя *раины*,
Какъ самодержицы вѣтвисты
Главою дубы превышая,
И стебли къ тверди простирая,
Вершину кончатъ пирамидой,
Иль гдѣ восточныя *месплили* (1)
И дики *финики* стоятъ; (2)
Иль гдѣ *фисташи* красно-листны
Жемчужны капли источая
Даютъ бальзамъ неоцѣнѣнный,
Что по своей цѣлебной силѣ
Драгой цѣною достается
Изъ дальной *Мекки*, иль изъ *Хіо*.

Еще бы съ большимъ восхищеньемъ
Я могъ гулять подъ тѣнью лавровъ;
Но лавръ, вѣчно—зѣленый лавръ,

---

(1) Azerolier du Levant.—Mespilus orientalis.

(2) Дикіе финики, или лучше курьма, Plaquemi nier — diospiros lotus — листы съ вер темно-зѣлены, а съ низу блѣдно-пушисты.

На коемъ ягоды багровы
Даютъ врачамъ цѣлебно масло,
Уже давно уединился
Подъ мирны стѣны деревень.—
Щастливый *Мутсхоръ и Алупка*
Покоятся въ тѣняхъ его.—
Въ такомъ благоуханномъ царствѣ,
Гдѣ *Нимфа*, *Флора* и *Помона*
Въ тѣняхъ растущихъ виноградовъ
Вкругъ *Вакха* ухватясь ликуютъ,
Возможноль не играть въ свирѣль?—

Вездѣ растутъ; вездѣ пьютъ лучь
Червлены *Вакховы* плоды
На берегахъ *Альмы* струистой,
Кабарты, *Качи* осѣненной,
Вокругъ сребристаго топола
Иль осокоревыхъ древесъ
По гибкимъ вѣтвямъ извиваясь,
И возходя то къ ихъ вершинамъ
То паки къ корнямъ низходя,
Иль растилаясь по долинамъ,
Или взбираясь на утесъ. —
Но здѣсь—въ долинѣ *Аѳинейской*
Они всегда подъ свѣтлымъ кровомъ
Лучей отвѣсныхъ въ полдень ясный
Изъ нѣдръ пещаныхъ выходя
Между широкими листами,

Качаютъ полно-сочны грозды. —
Прохладны, животворны росы
Воспитываютъ, совершаютъ;
А солнца смѣшенны лучи
Благимъ наитіемъ своимъ
Багрецъ приготовляютъ въ сокахъ,
И кравчему заботу въ пирѣ. —

Вы, розо-перые *дрозды*
И темно-цвѣтные *скворцы*
Здѣсь превитающи въ тѣняхъ!
Стремитеся отсель далече!
Здѣсь лакомство вамъ стоитъ жизни;
Ни милый цвѣтъ, ни мило пѣнье
Не защититъ дней вашихъ краткихъ.
Летите въ горные лѣса
Отъ сихъ стрегомыхъ вертоградовъ!
Пускай осенняя свирѣль
Дождется радостныхъ часовъ,
Какъ подъ созвѣздіемъ вѣсовъ
Исполненныхъ злашымъ плодомъ
Возвыситъ въ пѣсняхъ цвѣтъ багровый
Созрѣвшихъ гроздовъ винограда; —

Что слышу?—грудь моя дрогнула;—
Я слышу трескъ въ лѣсу *Раинъ*. —
Какъ ярко выстрѣлъ сей раздался!
Знать, бѣдной птицы кровь ліется! . . .

Почто ты, страшный гулЪ, твердишь
Сіи смертельные разы,
И тщишься повтореньемЪ треска
Меня увѣрить о убійствѣ? —
Тверди ты лучше station гласЪ *Камены*!

Когда свѣтообразна дѣва (1)
СЪ крутымЪ полетомЪ знойныхЪ дней
Успѣетъ кончить года трудЪ;
Вѣсы на равныхЪ чашахЪ взвѣсятЪ
ВЪ одной снопы, вЪ другой туманЪ;
А поздо-цвѣтЪ (2) межЪ блѣднымЪ злакомЪ
ТюльпаномЪ выходя предскажетЪ
Грядущу пасмурную осень;
Тогда, возлюбленный *ФилипсЪ*! (3)
ПѣвецЪ британскія *Помоны*!
живописующій природу
ВЪ ея прелестной простотѣ!
О! — естли бы я могЪ играть
ВЪ свирѣль приморску сколь же нѣжно,
КакЪ ты вЪ своихЪ садахЪ пѣвалЪ!
О! — естьлибы! — но гласЪ мой слабЪ,
А ты, а ты всегда великЪ. —
Тогда спѣши! — ты, сынЪ *Семелинъ* (4)

---

(1) ЗнакЪ зодіака означающій АвгустЪ мѣсяцЪ.
(2) Colchique; — Colchicum Autumnale.
(3) Англинскій стихотворецЪ.
(4) Тоже, что *ВакхЪ*,

Плющемъ власистымъ увѣнчанный
Омыть свою румяну голень
Со мною въ *Савроматской* кади, (гнетѣ)
Червленымъ сокомъ обагренной,
куда роскошна осень сыплетъ
Изъ кошницъ полно-сочны грозды!—
Но естьли духъ живый возникнетъ
Изъ искрометныхъ струй вина,
Тогда, какъ кравчій подноситъ
Начнетъ изъ рукъ своихъ багровыхъ
Сосуды полны крови *Вакха*,
И въ тихомъ вечеру осеннемъ
Веселья круговая чаша
Ходить попеременно будетъ
Вкругъ сельскаго стола простаго;
Въ крови проснется спящій пламень,
И будетъ тонко премыкаться
По нѣжкымъ мозговымъ волокнамъ;
То ты не мни, чтобъ я забылъ
Тебѣ всесожигая жертву
Принесть другую тихимъ *Нимфамъ* (1)!
Ты пламененъ; а *Нимфы* хладны;
Двѣ жертвы вкупѣ разтворенны
Не помрачатъ душевныхъ чувствъ;
Тогда пускай лѣсныя силы

---

(1) Подъ именемъ Нимфъ, здѣсь дѣйствительно и совершенно разумѣется вода.

Среди кустарниковъ нагихъ
восплящутъ на стопахъ косматыхъ;
И выгружая острый сокъ
Возвысятъ въ топотѣ три-скокъ
На звонкомъ косогорѣ брега
Въ хвалу *Кишмиша* бѣлосочна,
Иль *асмы* крупной багро-цвѣтной (1),
Котора въ оживленныхъ мысляхъ
О розовыхъ устахъ напомнитъ,
Къ какимъ въ то время съ жаромъ чаемъ
Свои уста мы прилѣпить.
Ахъ!—сколь не рѣдко здѣшни тѣни
Въ часы роскошны приглашаютъ
Къ себѣ *Аркадскихъ* пастуховъ
И маловидныхъ ихъ пастушекъ!—
Но тутъ ни *Дафнисовъ Аркадскихъ*,
Ниже прекрасныхъ *Амариллъ*,
Или царицъ сердецъ не видно.
Лежитъ божокъ румяный праздно
Подъ тѣнью топола, иль вербы;
Самъ капли слезъ горючи льетъ,
Рукою влажны очи третъ.
Тамъ брошенъ полной стрѣлъ колчанъ;
А здѣсь изломанъ лукъ поверженъ

---

(1) Въ *Тавріи* есть много другихъ родовъ хорошаго винограда; но сіи два рода въ *Судацкихъ* садахъ *кишмишъ* и *асма* самыя лучшія и крупныя.

Съ беззвучной дряхлой тетивой.
Любовъ печальная чуть дышетъ,
Не рѣзвится, и не кидаетъ
Въ часы вечерни красна лѣта
На полну бѣлу грудь пастушекъ
Благоуханныхъ *васильковъ*,
И мѣлко-цвѣтныхъ *гiацинтовъ*
И *незабудочекъ* прелестныхъ,
Иль сельскихъ и простыхъ *румянъ* (1),

Лишь *Скиѳски* смуглые селяне
Сидятъ съ угрюмыми челами
Подъ тѣнью сочныхъ виноградовъ.
Ихъ *Гурiи* прелестны,—правда;
Но розы устъ, багрецъ ланитъ
И алебастровые груди
Подъ кисеею погребаютъ,
И возрастъ часто сокрываютъ
Въ своей рѣвнующей *Симарѣ*; (2)
Хотя бы семдесятъ лѣтъ было;
Но ихъ морщины бъ утаили
Подъ *Анадольской Аладжѣй* (3)
Стенящу надпись.—*Помни Смерть*!

---

(1) Herbe au vipere.—Echinum vulgare.—симъ цвѣткомъ поселянки румянятся.

(2) *Симара* есть верхнее платье Татарскихъ женщинъ.

(3) *Аладжа* — матерiя Турецкая,

А вмѣсто бы того вѣщали:—
Не ошибись, младой Мурза!
Иль заключенные сидятъ,
Какъ бы *Данаи*, въ мѣдныхъ башняхъ
Подъ стражею скопцовъ въ *Гарамахъ*. (1)
Имъ неизвѣстны тѣ бесѣды,
Гдѣ съ недостаткомъ совершенство
Открыто въ просвѣщенномъ мірѣ;
Лишь мыльня въ вкусѣ *Азїатскомъ*
Роскошнымъ служитъ имъ гульбищемъ,
Свиданья мѣстомъ, и бесѣдъ.—

Живые, рѣзвы, нѣжны дщери
Давно подавленной *Эллады*
Возобновили бъ вѣкъ *Аркадскїй* ,
И каждая изъ нихъ могла
Лице представить пылкой *Сафы*,
Или *Эринны* и *Праксиллы*,
Или какой бы *Ореады*
Съ полу-открытой нѣжной грудью;
Но что суть *Грецїи* сыны?—
Рабы лишь рѣвности безумной;—
Изчадья токмо *Симонидовъ*,
Анакреонтовъ и *Вїоновъ*,
И *Теокритовъ* и *Фаоновъ*.

---

(1) *Гарамъ* есть половина дома опредѣляемая для жительства магометанкамъ.

О вы, любезны *Росски* нимфы,
На коихъ облеченна въ снѣгъ
Природа на челѣ и груди
Взрастила вѣчные лилеи,
На коихъ дышущія розы
Въ ланитахъ и устахъ прекрасныхъ
Даютъ законы *Росскимъ Марсамъ!*
Колико бы прелестнѣй былъ
Таврическій сей тихій *Темпе*,
Когда бы крово-млечный цвѣтъ
Лицъ вашихъ здѣсь всегда блисталъ?
Здѣсь также бы румянецъ вашъ,
И вздохъ любовный могъ плѣнять!—
Ахъ!—сколько смертный тотъ щастливъ,
Кому сей вздохъ, и сей румянецъ
Признался бъ въ сихъ тѣняхъ *Темпійскихъ*,
Что ваше сердце ощущаетъ,
Что вы умѣете избрать
Любви прелестнѣйши мѣста!—
Или;—но умолчули я?—
О миловидная *Зарена*!—
Всѣ звѣзды въ сѣверѣ блестящи,
Всѣ дщери сѣвера прекрасны;
Но ты одна средь ихъ луна,
Твои небесны очи влажны
Блестятъ—какъ утреннія звѣзды;
Въ твоихъ живутъ ланитахъ алыхъ
Улыбки нѣжныя весны;

А розовые поцѣлуи
Въ устахъ любезныхъ разцвѣтаютъ;—
Но грудь---о *Скромность*, — помоги!
Коликобъ въ сихъ садахъ блистали,
И возвышали ихъ цвѣты
Твои красы и ясны очи?—
Ты здѣсь конечно бы нашла
Къ своимъ услугамъ всю природу;
Здѣсь для тебя бы извлеченны
Изъ тайныхъ жилъ хребтовъ металлы
Растопленные клокотали,
Преображаясь въ перстни, въ кольца;
Здѣсь для тебя въ слояхъ кремнистыхъ
Прозрачныбъ капали кристаллы
Готовя ясный блескъ челу;
Здѣсь есть черепокожны желви (1)
Живущіе въ ущельяхъ черныхъ
Камнистаго морскаго брега,
Которы бы рукой искуства
Въ зубчаты гребни превратились,
Чтобъ русы убирать власы;
Здѣсь для тебя бы хитры черви
Питающіся прянымъ злакомъ
На *Эски-крымскихъ* шелковицахъ (2)

---

(1) Черепахи.
(2) Таковые шелковицы болѣе растутъ въ Эски-крымѣ, или старомъ Крымѣ.

Чрезъ драгоцѣнну смерть свою
Уборы шелковые ткали;
Здѣсь капля нѣкогда низпадши
Изъ влажныхъ облаковъ въ кораллъ
къ твоимъ услугамъ онѣмѣла,
Простыла бы, и пожелтѣла,
А послѣ въ пышномъ ожерельѣ
Сверкалабъ жемчугомъ драгимъ.
Но ахъ!— когда бывало въ жизни,
Чтобы бодрая моя *Зарена*
Полудни въ утро промѣняла,
Чтобъ симъ нарядомъ заниматься?—
Кто сумнѣвается о томъ,
Что всѣ прелестны и блестящи
Произведенія природы?—
Нѣтъ;—милая *Зарена*! нѣтъ;
Ты ихъ живѣе и милѣе
Въ любезной простотѣ своей;
Ты вставши съ мягка ложа здѣсь
И съ небреженіемъ надѣвъ
На плеча марморну одежду
Чѣмъ прежде бъ заниматься стала?
Тотчасъ летѣлабъ въ *Аѳиней*,
Встрѣчала бы возходъ свѣтила;
Приморски вѣтерки рѣзвились
Въ твоихъ каштановыхъ кудряхъ,
И остальныя сна мечты

Сганяли бы съ твоихъ зѣницъ;
А нѣжныя любви утѣхи
Толпясь вокругъ тебя тѣснились.
Тогда, скажи, *Зарена*, мнѣ!
Не лучше ли я при тебѣ
Дышалъ бы на свирѣли здѣсь?—
Ахъ!—ты весьма робка!—къ чему?
Страшишься ль аспидовъ ты мнимыхъ?
Небойся, милая!— они
Живутъ въ разсѣлинахъ глубокихъ;
Глава ихъ гибка, полосата
Съ остро-чешуйчатою кожей
Весьма,—весьма не часто здѣсь
Выпалзываетъ изъ норы,
И выставляетъ пестру спину,
Иль шахматное-пѣго чрево.
Ужь ли страшишься желтошейныхъ
Иль свѣтлосѣрыхъ ты ужей,
Или мохнатыхъ пауковъ,
Или червей сороконожныхъ?—
Не бойся милая!— не бойся!
Они всѣ кроются подъ землю,
И не умѣютъ нападать;
Твои прекрасны ноги могутъ
Ступать спокойно по цвѣтамъ,
И по долинамъ тѣмъ цвѣтущимъ,
Гдѣ трудъ прилѣжный обѣщаетъ
Весь рогъ богатства истощить!

Неутомимая прилѣжность!
Дщерь нужды!—мать открытій важныхъ!
Тебѣ сопутствуютъ всегда
Трудъ, потъ и изнуренье силъ;
Но ты,—ты ключь всѣхъ благъ житейскихъ
И опытовъ благоуспѣшныхъ.
Вотще безъ помощи твоей
Мы носимъ сѣмена искуствъ
Въ умѣ глубоко вкорененны;
Вотще находимъ мы запасы
Разлитые по всѣмъ частямъ
Неизмѣрима вещества;
Сонливость въ мракѣ погребаетъ
Всѣ благости сіи растки.
Ахъ!—Въ сей странѣ природа щедра
Во всѣхъ роскошствуетъ трехъ царствахъ;
Но безъ тебя плоды сихъ царствъ
Изъ рукъ ея простыхъ изходятъ.
Одна она объ нихъ печется.
Ты здѣсь еще не воцарилась,
И томности не пробудила;
Еще съ довольнымъ напряженьемъ
Механика не двигла силъ,
Чтобъ земледѣлье увеличить,
Чтобъ здѣшни горы ископать.
Ахъ! — Не ужель вотще въ сердцахъ
Глубокихъ каменистыхъ горъ

Тучнѣетъ мыльная земля (1),
Чѣмъ агнчее руно космато
Бываетъ чищѣ, и нѣжнѣе;
Чѣмъ дщери страстныя *Агари*
Смягчаютъ, нѣжатъ, омываютъ
Свои *Эвеновы* власы? —
Ужьли вотще кристаллы каплютъ
Среди разсѣлинъ утлыхъ горъ?
Уже ли *яшмовы* породы
Таятся безполезно въ темныхъ
Предѣлахъ южнаго хребта! —
Ужь ли безплодно истлѣваетъ
Слоисто гибкое стекло (2)
Въ горахъ надъ славною *Кафою*?
Уже ли на брегахъ *Воспорскихъ*,
На сихъ жилищахъ *Пеликановъ*
Изъ сланыхъ родниковъ кипящихъ
Крутится тщетно горно масло,
Которо въ хижинахъ *Сарматскихъ*
Въ часы вечерни лишь осенни
Въ свѣтильникахъ горитъ возженно,
И проганяетъ скучну тьму?

---

(1) На пути отъ *Карасу-Базаръ* къ *Судаку* при деревнѣ *Сук-су*, также и близь *Инкермана* есть горы, гдѣ добывается сукно-валяльная глина, не уступающая въ добротѣ Англинской.

(2) Слюда

Ужь ли на островѣ тумановъ,
Въ землѣ *фанагорїйской* тучной,
Надъ коей въ пламенные дни
Подъяты изъ окружныхъ водъ
Висятъ озера сильныхъ росъ
И долговременныхъ тумановъ
Въ прохладу доловъ, въ тукъ луговъ,
И въ тукъ *Месгилевыхъ* древесъ (1)?
Ужьли пучинны жерла тщетно
То черну изрыгаютъ нефть
То индѣ чисту вытопляютъ,
И сѣрны холмы возращаютъ!—
Какъ?—рудокопъ еще молчитъ!—
Ужь ли вотще цвѣты цѣлебны
И здравы былія растутъ?
Ужь ли душа напрасно гибнетъ
Въ *Три-листномъ* злакѣ *Донника*,
Въ *Вероникѣ* и *Ангеликѣ*,
И въ *Риндерѣ* ново-открытомъ (2)
И въ цвѣто-гроздномъ *фитолаккѣ*, (3)
Семъ выходцѣ *Американскомъ*, —
Въ плодахъ вѣчно-зѣленыхъ *Лавровъ*
Въ *Ясеняхъ* и *фисташахъ* пряныхъ,
Въ нетлѣнныхъ *тисахъ*, *бузинахъ*,
Въ *пузырномъ* древѣ, иль *акацїй*!— (1)

---

(1) Nefflier,—Mespilus pyrocantha.—
(2) Rindera tetraspis.— Не давно найдена.
(3) Morelle a grappes,—phytolacca decandra.

Чего бЪ искусна пересадка
Или прививка не родила?—
Но ботанистЪ и врачь сего
НевѣдаетЪ, проходитЪ мимо;
А васЪ, красавицы, лишаетЪ
БальзамныхЪ драгоцѣнныхЪ маслЪ
Толь дорого изЪ дальня *Кипра*
СЪ трудомЪ великимЪ вывозимыхЪ
Для умащенія кудрей.—
Уже ли солкія растѣнья
ГотовятЪ тщетну снѣдь для агнцовЪ,
КоторыхЪ сонмЪ уже рѣдѣетЪ?—
Ужь ли зѣлены домы всуе
РастутЪ для шелковыхЪ червей?
Почто шумящи пчелЪ рои
СосутЪ изЪ лучшихЪ былій сокЪ
Коль медЪ ихЪ вЪ прахѣ погибаетЪ?
Почто крылатые пришельцы
ИзЪ дальнихЪ гнѣздЪ дубравЪ *Азїйскихъ*,
Иль отЪ бреговЪ зѣленыхЪ *Нильскихъ*
Или сЪ крутыхЪ вершинЪ *Аллйскихъ*.
Здѣсь часто горы посѣщаютЪ,
Когда зоологистЪ сего
Не вѣдаетЪ,—проходитЪ мимо?

Неутомимая прилѣжность!
Дщерь нужды!—мать открытій важныхЪ!

---

(1) Colutea arborescens.—

Богатствъ источникъ неоскудный!
Чегобы силою твоей
Природа здѣсь не даровала
Въ сугубой щедрости своей
Для всѣхъ *Акантьевъ* и *Кидиллъ*?—
Она готова;—лишь подпоры
Отъ рукъ искуства ожидаетъ.
Уже немало изъ усердныхъ
Вельможъ *Россійскихъ* простираютъ
Къ природѣ вопіющей длань;
Но кто съ толикимъ жаромъ духа
Лелѣять можетъ здѣсь природу,
Какъ ты, трудовъ ея помощникъ,
Знатокъ цѣны ея, М . . —!
Когда воспламененный *Сирій*
Часы горящи низведетъ;
Ты ищешь тѣней благотворныхъ
Для оживленія досуговъ
На берегахъ *Эвксина*,—*Качи*,
Иль въ *Аѳинейскихъ* вертоградахъ;—
Какъ тамъ ты шествуешь безмолвно
По тучнымъ доламъ и дубравамъ!
Съ коликимъ услажденьемъ сердца
Остановляешься при холмѣ,
Отколѣ прыгая стремглавъ
Струи сребристы говорливы
Являютъ прямизну блестящу
Твоихъ спокойныхъ, тихихъ ходовъ,

Гдѣ надъ подлѣсными древами
Безчисленны полки *Раинъ*,
Какъ *Исполины* межъ *Пигмеевъ*,
На разныхъ дальнихъ разстояньяхъ
Вздымаютъ гордыя главы,
Гдѣ ты подъ тѣнью злачной ночи
Проходишь Философскій міръ,
Въ которомъ возникаютъ цѣпью
Безперерывны чудеса
Предъ кроткимъ окомъ мудреца;
Иль обращаешь взоръ плѣненный
Къ утѣхамъ сельскаго ты міра,
Гдѣ годъ беременный желтѣетъ,
Гдѣ трудъ его цвѣтетъ и зрѣетъ;
Съ какимъ?—съ какимъ ты возхищеньемъ
Пріятный шумъ трудовъ внимаешь?—
Съ какимъ весельемъ созерцаешь,
Что на твоихъ браздахъ зѣленыхъ
Ростутъ сторичные плоды,
И нудятъ къ щедрости *Плутуса*,
Котораго съ стуженьемъ сердца
Въ поляхъ ты молишь непрестанно?
Но естьли всѣ твои сады
Твои желтѣющія нивы
Плодомъ сугубымъ чреватѣютъ:
То симъ обязаны они
Твоимъ лишь бдительнымъ очамъ.—

СОДЕРЖАНІЕ.

Сила полуденнаго зноя; — горячій вѣтръ; — желаніе быть при увалистыхъ горахъ; — убѣжище отъ жара въ пещерахъ; — видъ *праха и костей въ пещерахъ; размышленіе при семъ; отдыхъ двухъ горныхъ молодыхъ пастуховъ, кои прежде были Кадизаделитами; ихъ пѣсни; встрѣча съ спящимъ Шерифомъ; изъясненіе его въ пѣсняхъ о древности* Таврическаго *полу-острова. —*

Уже колеса разкаленны
Пламено-носнаго свѣтила
Надъ самою главой вертятся;
Горящи съ нихъ струи текутъ
Огне-палящимъ водопадомъ
На темя томное мое. —
Вотще я взоры поникаю,
И помощи ищу въ землѣ;
Кипящіе пары бѣгущи
Изъ скважинъ прѣющей земли,
Надъ коей тонкія частицы
Волнистою струей мелькаютъ,

Надежду гонятъ прочь далече,
И возмущаютъ размышленье.
Въ лугахъ открытыхъ прозябенья
До корня жгомы упадаютъ.—
Не слышенъ звукъ косы кривой;
Косецъ бѣжитъ въ вертепъ сырой,
Или ложится въ хладну тѣнь
Душистыя скирды высокой.—
На мертвомъ полѣ все молчитъ;
Кузнечикъ томно лишь сверчитъ.
Всѣ птицы въ кущи улетаютъ;
Одинъ орелъ разинувъ носъ,
И длинну дуба вѣтвь потрясши
Крылами быстро разсѣкаетъ
Жегому зноемъ поднебесну,
И проницаетъ область свѣта;
Стада въ *Салгирѣ* погруженны
До половины всѣ стоятъ.
Елени быстры, дики серны
Рогами продирая вѣтви
Бѣгутъ подъ сосны, иль въ ущелья;
Но на безлѣсистыхъ степяхъ,
Гдѣ нѣтъ ручьевъ,—скудѣютъ урны,
Какъ страждетъ томно естество?
Огромный буйволъ, слабый мескъ,
Верблюдъ двухолмный подъяремный

Стоя при кладязяхъ глубокихъ, (1)
Гдѣ изчезаетъ въ взорахъ влага,
Терпѣнье часомъ измѣряютъ,
Пока изъ бездны хладны воды
Самихъ ихъ силой извлекутся,
Чтобъ утолить гортань горящу;
Ручьи жъ катящися изъ скалъ
Своихъ недостигая устій
На половинѣ сякнутъ тока;
Вотще желаютъ съ нетерпѣньемъ
Препрыгнуть знойны перелѣски,
И течь подъ тѣнью темныхъ буковъ.
Увы! —природа удрученна
Трепещетъ въ полдень,—страждетъ въ знoѣ.—

Но не единый зной въ странѣ
Свое упорство возвышаетъ;
Другой въ стихіяхъ демонъ мести
Летитъ среди осеннихъ вихрей.
Какой тогда горящій вѣтръ
Отъ тѣхъ предѣловъ востаетъ,
Которые лежатъ далеко
Межъ южнымъ и вечернимъ краемъ!—
Вотще напыщившись *Эвксинъ*
Волной желаетъ остудить

(1) По близости *Кезлова* есть колодези глубиною до 50 саженей съ чистою прѣсною водою.

Шумящій въ воздухѣ сей пламень.—
Онъ въ лонѣ хлада носитъ зной.—
Уже ли отъ горнилъ небесныхъ
Здѣсь толь же огненная буря,
И толь же смертоносна дуетъ,
Какая свирѣпѣетъ тамъ,
Гдѣ славны *Киры* подавали
Законы *Азіи* подвластной,
Гдѣ сынъ *Филипповъ* доказалъ,
Что онъ *Аммоновъ* также сынъ,
Гдѣ царствовали *Шахъ Аббасы*
Въ объятіяхъ спокойныхъ мира,
Гдѣ *Кулы-ханы* разъяренны
Въ себѣ открыли тѣхъ бичей,
Какихъ *Богъ силъ* послалъ на землю
Карать трепещущихъ *Индіанъ*?—
Нѣтъ;—буря въ сей странѣ
Того вреда не производитъ,
Какъ на поляхъ восточныхъ дальнихъ.
Пустыни терпѣливый сынъ,
Верблюдъ не столь страшится жажды,
Какъ подъ *Чертою свѣтоносной*,
Гдѣ средь песковъ каленыхъ сохнетъ
Гортань его отъ пылкихъ вихрей.—
Вотще колѣна онъ сгибаетъ,
Чтобъ бурна полоса прошла
Безвредно надъ челомъ его;—
И онъ, и всадникъ погибаютъ

Съ пришествіемъ палящей смерти;
Но здѣсь коликое пространство
Сей вѣтръ надъ бездной протечетъ?
Колику мѣру зноя долженъ
Отъ хлада моря уменшить!
Блаженъ,—блаженъ сей полу-островъ!
А тамъ—а тамъ въ сіи часы,
Когда здѣсь жжетъ кипяща сила,
Тамъ, гдѣ пламено-струйно солнце
Отвѣсными лучами жжетъ
Подъ знойнымъ поясомъ живущихъ,
Что ощущаетъ естество?—
Не можно выразить тѣхъ мукъ,
Какіе чувствуетъ тамъ грудь!—
Что въ томъ, что горы возвышенны
Возшедъ къ *Экваторскимъ* вершинамъ
Изъ нѣдръ своихъ ключи струятъ,
И злато въ ихъ струяхъ крутятъ!
Послѣдне щастье,—что съ собою
Паляще солнце надъ главою
Изъ утреннихъ выводитъ вратъ
Для прохлажденья зноя вѣтръ!—
Но щастіе сіе—на долголь?
Что въ томъ, что въ *Сеннаарскихъ* долахъ
Млеко и меды самородны
На мхахъ пушистыхъ протекаютъ?
Или въ рѣвнивой *Абиссиньи*
Пески златые искры мещутъ?

Или, гдѣ *Нилъ*, владыка рѣкъ,
Крутясь изъ двухъ изходищь мрачныхъ
Въ горящей области *Гояма*,
И озеро прошедши свѣтло
Въ гордящейся красой *Дамбеи*
Течетъ через пески сыпучи,
И вдоль *Нубїйскихъ* дикихъ горъ
Клубя валы изъ полной урны
Багритъ *Цереры* юный плодъ! —
Что въ томъ, что въ искрометномъ свѣтѣ
Голкондскїе блестятъ алмазы,
И слезнаго *Потоза* руды,
Гдѣ жили мирны чада солнца? —
Что пользы въ рощахъ благовонныхъ,
Или въ слоновой чистой кости,
Когда затворено тамъ небо? —
Тамъ раскаленна мѣдна твердь,
И степь обширная желѣзна
Лишь въ жаждѣ, голодѣ мертвѣютъ,
А пылки стрѣлы *Аполлона*
Приносятъ пламенную смерть. —

Непобѣдимый, сильный зной!
Ахъ! — воздержися въ сей странѣ,
И каплей пламенныхъ не лей
На страждущу мою главу!
Конечно, — лютъ въ дни зимни мразъ;
Но ты еще его лютѣе,

И я отсутствія зимы
Гораздо меньше бы желалъ,
Чѣмъ приближенія ея. —
Куда сокрылся вѣтръ полночный?
Ты коего природа щедра
Послала въ непреложный даръ
Сей области благословенной!
Когда? — когда ты измѣнялъ?
Стремись! — отъ сѣвера стремись —
Лѣти! дѣли въ долинѣ силу,
И силой воздухъ остуди! —

Не тщетно ли я воздыхаю,
И съ сокрушеньемъ вспоминаю
Осенни тихи здѣсь часы,
Когда въ другихъ крутыхъ климатахъ
Туманы, бури и дожди
Вкругъ солнечныхъ колесъ віются,
Здѣсь тихо-вѣюща погода
При благотворной теплотѣ
Зоветъ на шелковы луга,
Или на усыренны горы,
Тамъ, гдѣ шафранъ напоминаетъ
Еще весенни красоты,
Гдѣ бабочекъ живыхъ четы
Еще любовь возобновляютъ,
Еще натура въ нихъ играетъ,
И съ ризы флоры снявъ узоры

Разрисовать ихъ крылья тщится?
Не тщетно ль призываю нощь?
Она далече отстоитъ,
А часъ жарчайшій близокъ— близокъ;—
Что можетъ отвратить власть солнца,
Которая поля открыты
Въ разливѣ знойномъ потопляетъ?—
Она неукротима— пусть!—
Я въ нѣдрахъ горъ могу сыскать
Останокъ утренней прохлады.

О ты ужасный *Агермышъ*!—(1)
Какъ хладенъ тонкій воздухъ твой!—
Какъ воетъ надъ тобою вѣтръ
Изъ грозной исторгаясь хляби?—
Ты зришь всегда передъ собой
Съ своей дымящейся вершины
Три бездны ропчущія въ бурѣ;
Межъ ихъ *Воспорскій* полу-островъ
Лежащь къ востоку протяженъ,
А долу средь развалинъ дряхлыхъ
Давно сѣдѣющій *Крымъ древній*;
Давно сѣдѣетъ онъ, оставленъ;
Но тучные луга и нивы
Всегда волнуемы зефиромъ,
И много-цвѣтны вертограды

---

(1) Гора съ уваломъ близъ стараго *Крыма*

Еще юнѣютъ каждый годъ,
Еще лилеи бѣлы (1) дышутъ,
И посредѣ пустынь смѣются;
Тамъ *тутовые* (2) древеса
Раскидываютъ тѣ листы,
Въ которыхъ драгоцѣнный червь
Свое питаетъ бытіе,
И испуская нѣжный шелкъ
Между трудами умираетъ;
Нѣтъ;—онъ лишь токмо засыпаетъ,
И шелковый расторгши гробъ
На юныхъ крыльяхъ воскресаетъ;
Тамъ,—тамъ уже я зрю его
Сѣкуща тонку жидкость свѣта
Надъ гробомъ тканію обвитомъ!
Какъ драгоцѣненъ гробъ его? —
Онъ есть блестящій тотъ источникъ,
Отколь сокровища идутъ,
Для мудраго щиты отъ громовъ, (3)
Для нимфъ уборовъ цвѣтны горы

О сколь блаженъ тотъ, кто возходитъ
Сквозь чащу ивовыхъ кустовъ
На верхъ твой гордый, *Агермышъ*!

---

(1) Сіи лилеи растутъ только тамъ.
(3) *Тутъ* или шелковичное дерево.
(а) Извѣстно, что электрическая сила не пристаетъ къ шелковой матеріи.

Возходитъ въ сей горящій часъ,
Чтобъ хладомъ насладиться тѣмъ,
Которой изъ бездонной хляби
Между изсунутыми вверхъ
Въ твое отверстіе скалами
Студенымъ вѣтромъ дышетъ съ шумомъ;
Онъ благородно презираетъ
Нелѣпы мысли *Савроматовъ*,
Что мня быть царству тамъ духовъ
Трепещутъ приступить туда;
Тенаръ ли тамъ? —иль *Ингистанъ*, (1)
Гдѣ вѣчный ледъ, гдѣ вѣчна ночь,
Гдѣ мразный тартаръ обитаетъ,
Сидитъ въ тѣни близъ края бездны;
Иль миновавъ крутыя горы
Стоящи, какъ отвѣсны стѣны,
Гдѣ черный *Кара-су* течетъ,
Взбирается на ту громаду,
Гдѣ величайша страшна бездна (2)
Устланна камнемъ изнутри
Межь остроголыми слоями
Стоящими столпо-образно
Спускаясь въ низъ крутымъ утесомъ
Ледникъ скрываетъ самородный;

---

(1) Слово Татарское значущее адъ

(2) Отверстіе сего величайшаго увала на одномъ высокомъ утесѣ близъ *Кара-су базаръ* въ окружности около 40 сажень.

Тамъ по отшествіи мразныхъ дней,
Когда растопитъ духъ весны
Лежащу зиму на вершинѣ,
Обрушиваясь токи въ бездну
Внизу находятъ новый мразъ,
Нѣмѣютъ, стынутъ, ледѣнѣютъ,
И вѣчну утверждаютъ зиму,
Куда ни солнце въ знойны дни,
Ни теплый вѣтръ не посѣщаетъ.—

Но какъ приступитъ онъ теперь
Къ сей страшной пропасти горы?—
Онъ не отважный *Эмпедоклъ*,
Не *Плиній*, иль ужасный *Курцій*.—
Съ сей высоты враги *Гирея*
Полками вержены въ низъ были;
И чтожъ? — Какая бы судьба
Отъ жалости дала крылѣ,
Которые бы поддержали
Нещастнаго въ полетѣ смертномъ? —
Летитъ стремглавъ лишенный чувствъ.
Тутъ воздухъ пружится, и свищетъ;
Подпора слабая!—нещастный
Летитъ, и разсѣкаетъ вихри;—
Падетъ на камни;—блѣдны кости
Разметаны дробятся въ розь;
Смерзающася кровь валитъ;
Дрожащій брызжетъ мозгъ по камнямъ;

Весь видъ разсыпанъ человѣка;
Вотъ очъ?—ужасная картина!—
 Но да проникну въ міракъ глубокій,
Гдѣ свѣтъ отсутствуетъ дневный
Среди разсѣлинъ углубленнныхъ
Хребтовъ крутыхъ уединенныхъ!—
 Красуйтесь, благотворны тѣни!
И вы прокладные навѣсы!
Вы, столпо-видныя раины,
Почтенны дубы старолѣтны
И дремлющіе сосны, буки,
Вѣнцы холмовъ приосѣненныхъ!
И вы обители пророковъ,
Пѣвцовъ, *Гимнософистовъ, Маговъ,*
Платониковъ, Друидовъ, Бардовъ!
Красуйтеся, священны храмы,
Чертоги мыслей вдохновенныхъ!
Въ сіи палящіе минуты
Моей душѣ благоугодна
Уединенна ваша тѣнь!—
Почтожъ я мѣдлю?—се пещеры,
Гдѣ, мнится, отъ начала міра
Прохладна мрачность водворилась,
И вѣчну заключила дверь
Текущему съ эфира зною

 Ужасны,—какъ разверсты тучи
Кирманскія въ дали хребты;—

Не видно ни какихъ стезей
По каменистымъ крутизнамъ,
Кромѣ слѣдовъ коней *Сарматскихъ*,
Которые одни умѣютъ
Пробраться равно-вѣснымъ шагомъ
По тѣмъ ужаснымъ кривизнамъ,
Отколѣ взоры непривычны
По скату, какъ крутой стѣнѣ,
Въ глубоку пропасть упадая
Мутятся, и дрожатъ въ закругѣ. —
Безчисленные пустоты
Въ утробахъ тощихъ горъ темнѣютъ! —
Но тамъ еще красы сокрыты.
Тамъ свѣжіе ключи журчатъ;
Въ столахъ блистаютъ *Острациты*,
Кораллы, гладкіе *Трифиты*,
И черепы морскихъ червей. —
Прошедъ *Бакчи-Сарай* цвѣтущій
Почіющій среди долины
Въ садахъ ясминныхъ, виноградныхъ
Подъ тѣнію хребтовъ навислыхъ,
Надмѣнныхъ разнотою древъ,
Проникъ бы я и въ тѣ пещеры,
Что тамъ темнѣютъ въ высотѣ,
На коей дремлющій *Мангупъ*
Теперь въ развалинахъ плачевныхъ
Въ остаткахъ вертоградовъ спитъ;

Иль *Въ Тялекирмански* вертепы
Зіяющіе изъ горы
Подобной круглому столпу;
Но ради утомленной пѣсни
Одинъ предметъ душею будетъ:
Много-пещерный *Инкерманъ*
До облакъ мрачныхъ возходящій
Стремнистымъ и крутымъ утесомъ,
Гдѣ перстъ съ вершины сквозь скалу
Прорывъ далекодонный кладязь (1)
Открылъ въ глубокомъ нѣдрѣ ключь,
И гдѣ изсѣкъ въ единомъ камнѣ
Столпы, купели, олтари,
Изображенья и бесѣдки. —

Еще кипитъ часъ лютый зноя. —
Ахъ! — убѣжимъ въ единъ вертепъ,
И изцѣлимъ болящу грудь
Врачебной тѣнію подъ сводомъ! —

Высокъ, — весьма высокъ утесъ;
Но высота не возбранила
Пучины чадъ усыновить
Къ разсѣлистымъ твердынямъ камней;

(1) Въ бывшей *Инкерманской* крѣпости на горной вершинѣ болѣе 50 саженъ идущей съ низу до верху былъ удивительной колодезь; но теперь до половины заваленъ.

А какъ?—когда?—недоумѣю.—
Се!—въ толщѣ стѣнъ сихъ каменѣютъ
Различные животныхъ виды!—
Тамъ каменный я вижу столъ,
А здѣсь подобіе сѣдалищь.—
Какое зрѣлище?—и здѣсь
Дышали древле племена!—
Здѣсь виденъ выдолбленный жолобъ
Водо-хранилищемъ служившій,
Куда изъ тайныхъ родниковъ
Текли струи для напоенья;
А тамо въ впадинахъ стѣны
И на помостѣ семъ въ нашъ ростъ,
Или въ природную сажень
Сквозь землю смурую желтѣютъ
То черепъ съ челюстью зубчатой,
То голень, то изрыты ребра.—

О страшный видъ!—о мрачны гробы,
Гдѣ прахъ почіетъ бездыханный!—
Тамъ спятъ ли чада сій пещеры?—
Да;— тамо спятъ они мирнѣе,
Чѣмъ жнецъ почіющій на дернѣ!
Ахъ!—можетъ быть сіе чело
Вмѣщало Ангела умъ тонкій!
Ахъ!— можетъ быть лежитъ тутъ сердце
Пылавшее огнемъ небеснымъ!—
А тамо—можетъ быть простерты

Отважнаго героя мышцы!—
Быть можетъ,—нѣкто здѣсь *Орфей*,
Анахарсисъ, или *Тирей*
Въ сей черной впадинѣ согнилъ.—
Увы!—ни дружеска слеза,
Ниже дѣвическіе вздохи
Его не проводили въ гробъ;
Ни позлащенная рѣзьба,
Ни надпись здѣсь не вопіетъ
О имени,— о дняхъ его.—
Онъ спитъ не вѣдомъ; — что въ томъ нужды?— —
Но ктобы тутъ ни опочилъ:
Ужь рання птица никогда
Не будетъ пробуждать его
Отъ каменистаго одра;
Ни утро глазъ не освѣжитъ;
Ни вечеряющее солнце
Не вызоветъ его изъ мрака
Подъ тиху тѣнь смоковницъ тучныхъ
Сидѣть на свѣжемъ маіёоранѣ.—
Сія уединенна урна
Уже не воззоветъ опять
Дыханья въ прежнее жилище.—
И самый—ахъ! и самый червь
Который поядалъ ихъ персть
Сталъ пылью рухлой,—сталъ землей.—

Такъ я подъ мрачнымъ свѣсомъ свода
Уединенно размышлялъ.—
Унылость сладостна разлившись
Въ меланхолической душѣ
Всѣ внѣшни чувствія закрыла.—
Въ сихъ мысляхъ далѣе простерши
Дрожащи стопы по пещерамъ
Я вдругъ услышалъ къ удивленью
Вдали отзывистыхъ угловъ
Божественную нѣку стройность.
То, кажется, былъ гласъ *Гитары.*
„И такъ,—я изумясь помыслилъ,—
„Не я одинъ пещеръ сихъ гость;—
„Се!—тамо, мнится, тѣни ходятъ,
„И шумный воздухъ раздѣляютъ!—
„Иль духи изъ гробовъ возстали
„Для посѣщенья старыхъ мѣстъ?—
„Иль пробудилось спяще эхо,
„Сынъ камени,—сынъ древнихъ пѣсней?
„Иду я;—что же вижу тамъ?—
„Тамъ отдыхаютъ пастухи,
„И отдыхъ пѣньемъ услаждаютъ.—
„Чу!—какъ одинъ играетъ тамъ
„На звонкой, сладко-струнной *желви*! (1)

(1) *Желвь*, старинное, перво-обрѣтенное музыкальное орудіе, дѣланное изъ черепашьей кости, которое Римляне называли testudo, что значитъ черепаха.

„Какъ быстро говорливы персты
„Перебѣгаютъ по струнамъ!—
„Вотъ!—гдѣ рука языкомъ служитъ!
„Вотъ—гдѣ волшебство мусикіи
„Влечетъ къ себѣ плѣненный духъ!—
„Пусть ближѣ стану я туда,
И буду въ тишинѣ внимать!—
Какая томна пѣснь! .... но стройна! —

I Пастухъ Кадизаделитъ (1)

Сирена!— прочь съ ужасной пѣснью!—
Ты къ злу наставница,— *Сирена!*
Здѣсь зрю училище для сердца,
Гдѣ Ангелъ смерти непрестанно
Сквозь тусклый мракъ крылами вѣетъ.—
Паситесь, агнцы, подъ тѣнями
На Маіоранныхъ муравахъ!
Пусть я дышу прохладой здѣсь!—
Паситесь вы!—а ты,—зной лютый,—
Не смѣй теперь съ высотъ проникнуть
Въ сіи священнѣйшіе мраки!
Я воспою безмолвно царство,

---

(1) *Кадизаделиты;* родъ стоическаго толка между Магометанами. Они чрезмѣрно важны и строги во всемъ; тѣ же изъ нихъ, кои живутъ близъ Венгріи, во многомъ согласны съ христіанами, и читаютъ библію на славянскомъ языкѣ. *См. Англинской Словарь Г. Бейля* Сіи поселились въ Тавріи не давно, и провождаютъ пастущескую жизнь, пася овецъ.

И прахъ сихъ праотцевъ почившихъ!—
Они еще и по кончинѣ
Здѣсь учатъ горныхъ пастуховъ.— —
Такъ;-- праотцы сюда въ дни мира
Ходили тайнамъ поучаться;
Сюда ходили забывать
Все то, что къ міру пригвождало.—
Но днѣсь все здѣсь отверстый гробъ;
Все мысль мою остановляетъ.—
Начавъ съ послѣдняго Полипа
До человѣка мертво все.—
Возможно ли открыть причины,
Почто здѣсь горы разрушались?
Почто водныя чада бездны
Поднявшись съ камнями слѣпились
Въ едину мѣловую плоть,
И плоть составили утесовъ.—
О коль сей страненъ образъ смерти!—
Коль страшенъ ради нѣжныхъ душъ!—
Ахъ!—гдѣ моя *Замбека*?—гдѣ?
Но ей сей тонъ бы былъ ужасенъ;—
Однакъ она бы притаясь
Тамъ подъ смоковничьимъ кустомъ
Втворила бы, какъ нѣжно эхо,
Подвигнутое пѣсни силой:—
Ахъ!—мой милой!
Что не поешь любви?—мой милой!—

2 ПАСТУХЪ КАДИЗАДЕЛИТЪ.

О странникъ?—пріиди сюда
Учиться мудрости въ пещерѣ!—
Твой путь еще не совершенъ;—
Твой домъ отсель еще не виденъ.—
Сядь—честный странникъ!—отдохни
На сей коралловой скамьѣ!
А естли хощешь:—то усни!—
Здѣсь кости брата твоего
Въ глубокой тишинѣ лежатъ.—
О!—видишь ли ты здѣсь фіалку
При входѣ храмины растущу
Подъ тѣмъ *Кизиловымъ* кустомъ? (1)
Сей нѣжный образъ краткой жизни
Чело склоня свое отъ зноя,
Мнѣ мнится—зною вопіетъ:—
„Оставь меня!—не жги меня!
„Не жги,—о смертоносный зной!—
„Пускай небесная роса
„Кропившая меня чрезъ ночь
„Еще мою главу омоетъ!—
„Уже близка минута та,
„Когда должна увянуть я,
„А вѣтръ подуетъ;—и развѣетъ—

---

(1) *Кизиловое* деревцо приноситъ ягоды весьма похожія на барбарисъ по цвѣту, нѣкоторому вкусу и статности; но только гораздо крупнѣе, такъ какъ Крымская и рябина.

„Листы поблекшіе мои,
„Какъ перья по пескамъ сыпучимъ. —
„Сего дня въ полной красотѣ
„Меня въ семъ мѣстѣ странникъ видитъ;
„Заутра возвратится онъ;
„Его глаза меня здѣсь взыщутъ
„Подъ самымъ тѣмъ густымъ кустомъ.
„Которой украшала я;—
„Но тщетно будетъ взоръ искать!....
Ахъ!—гдѣ моя *Сульмена*? —
Я ей сказалъ бы:—ты, *Сульмена*,
Во всемъ подобна сей фіалкѣ;—
Но! какъ могу сказать сіе? —
То было бъ многихъ слезъ цѣной;
Она бъ сквозь слезы повторила
Звукъ пѣсни сей постылой:— —
Милой!—
Ахъ!—не слези меня!—мой милой!—

О Б А.

„Такъ;—въ вѣкъ не будетъ сей фіалки.—
„Гдѣ *Флоры* дщерь?—гдѣ сынъ *Минервы*?
„Вотще между костями странникъ
„Какого *Гераклита* взыщетъ;—
„Нѣтъ знаковъ, кои бы сказали,
„Гдѣ легъ сей мудрый *Гераклитъ*.—
„Тутъ слезы по его ланитамъ
„Въ потокахъ покатятся долу.—
„О! пусть они осеребрятъ
„Струей своей сей дикой камень,

„Гдѣ братъ его смиренно спитъ
„До утра,—утра вѣчной славы,—
„*Замбека* и *Сульмена*!—тамъ, ...
„Гдѣ будете въ числѣ вы *Гурій*——
Такъ пѣли горны пастухи;—
Какъ вдругъ является тутъ старецъ,
И съ нимъ возлюбленный питомецъ. —
О небо!—самой тотъ *Шерифъ*,
Котораго я видѣлъ
При свѣтѣ утреннемъ молящась;—
Онъ спалъ на каменной скамьѣ;—
Но звукъ пресѣкъ послѣдній сонъ,
Который пролеталъ надъ нимъ.—
„Миръ вамъ и пѣснямъ!—чада горъ!—
Сей старецъ съ чувствомъ возгласилъ;—
„И здѣсь еще есть плоть и кровь- - -
„Кто вы?—любезны чада плоти!—

КАДИЗАДЕЛИТЫ.

„Мы пастухи, —

ШЕРИФЪ.

Отколѣ вы? —

ПАСТУХИ КАДИЗАДЕЛИТЫ.

Вотъ тамъ въ низу лежитъ селенье,
Гдѣ я, и другъ живемъ въ двухъ кущахъ!—
Благое небо — кущей кровъ;
Цвѣтуще поле—ихъ помостъ;
Вокругъ покой;— внутри любовь;—
У насъ *Визирскихъ* нѣтъ *Гарамовъ*;—

Ахъ! — мы двумя любимы нѣжно, —
Замбекой я, — *Сульменой* онъ;
Да, — старецъ! — нѣжно; — что же больше?... —
При семъ любезномъ словѣ: — *нѣжно*,
Мурза вздохнулъ; — вздохнулъ трикратно;
Онъ вспомнилъ *Цульму*, — и вскричалъ:
Ахъ! какъ щастливы вы; — скажите! —
Кто васъ училъ такъ пѣть пріятно? —
Не братъ ли лунный? — или солнце? —

1 *ПАСТУХЪ КАДИЗАДЕЛИТЪ*.

Природа; — такъ; — одна природа. —

ДРУГОЙ.

Однако мы въ лѣтахъ младыхъ
Въ *Элладѣ* и *Аравіи* бывъ
Учились и познаньмъ нѣкимъ;
Но имъ природу предпочли. —

ШЕРИФЪ.

Пѣснь ваша стройна и разумна; —
Ахъ! — какъ плѣнительна она!
Какъ проницаетъ спящи чувства!
По цѣли сихъ пріятныхъ пѣсней
Вы зритесь пастыри и мудры. —

ПАСТУХИ КАДИЗАДЕЛИТЫ.

Не искушай хвалой, — почтенный старецъ!
Но просимъ; — удостой отвѣтомъ!
Отколѣ ты? — и какъ названье? —

Шерифъ.

О пастыри. — какая лесть при гробѣ? —
Слыхалъ я пѣсни; — тамъ искуство,
А здѣсь природа водитъ персты; —
Да будутъ здравы ваши персты! —
Такъ міра гражданинъ нельстивый,
Шерифъ уставшій въ странствій жизни
Желаетъ вамъ во всемъ успѣховъ;
Но вы меня не обвиняйте
Въ толикой слабости плотской!

Оба.

Ахъ! — можетъ ли отъ насъ то быть? —
Ты статься можетъ издалека!

Шерифъ.

„Я возвращаяся изъ *Мекки*
„Спѣшу въ домъ матери моей;
„Но сила зноя разліянна
„Принудила меня искать
„На сей *Коралловой* скамьѣ
„Для томныхъ стопъ отдохновенья.
„Лишь воздалъ я благодаренье
„Къ ближайшимъ небесамъ *Аллы*;
„Мои изнеможенны кости
„Почувствовали свой покой;
„Почувствовали силу пѣсней; —
„Но вы скажите, — чада персти;

„Что вашихъ пѣсней сихъ виной?
„Не отрекитесь мнѣ въ отвѣтѣ! —

1 *Пастухъ Кадизад.*

Ты міра гражданинъ!—ктобъ ни былъ;
Хоть житель каменныхъ пещеръ;
Или отшелецъ изъ *Аравіи*?—
Но естьли ты великодушенъ:
Позволь бесѣдовать съ собою!—
Я шелъ здѣсь мимо сей горы,
И велъ подъ тѣнь утеса стадо;
Кипящій зной взялъ полну власть
Надъ нами, какъ и надъ тобой;
И въ сихъ убѣжищахъ принудилъ
Искать прохладной тишины
И для себя, и ради стада. —
Остановились мы въ семъ мѣстѣ,
Чудилися,—и размышляли;—
Я въ первой юности своей
Въ *Элладѣ* и *Аравіи* бывъ,
Учился древностямъ сихъ царствъ;
Но я — со всѣмъ не доумѣю,
Почто является мнѣ все,
На что здѣсь взоръ ни обращу,
Единой темною гробницей?—
Сіи висящія скалы,
Сіи упадши ницъ вершины,
Сіи кораллы толь высоко

Съ морскими гадами подъяты,
И превращенны въ утлы камни,
И сей лежащій бренный прахъ
Въ глубокихъ каменныхъ гробахъ,
Гдѣ кость и черепъ пожелтѣли;—
Всѣ слезные сіи предметы
Скрываютъ отъ меня причину,
И въ исступленье лишь приводятъ.—
Но всѣ сіи добычи смерти
Межь тѣмъ вдохнули въ сердце пѣсни;—
Вотъ!—что заставило насъ пѣть
Въ недоумѣніи душевномъ!—
Пусть ясный гласъ твой разсѣчетъ
Сей мракъ густый,—туманъ сумнѣнья;—
Повѣждь!—я первой буду слушать!—

2 *ПАСТУХЪ КАДИЗАД.*

О просвѣщенный мужъ!—ты знаешь
Страну твоихъ единовѣрцовъ;
Ты знаешь древность *Херсониса*.—
Повѣдай намъ,—кто тамо спитъ!
Я здѣсь,—въ убѣжищѣ прохлады
Зрю каменно лишь царство смерти;
И что причиною?— —

ШЕРИФЪ.

Друзья?—

Я мню, что воздухъ созрѣваетъ
Теперь къ ужаснѣйшей грозѣ.—
Смотрите,—какъ чернѣетъ небо

Сквозь каменны сіи ущелья!—
Укроемся отъ бури здѣсь!—
Тогда дерзнемъ подъ самымъ громомъ
Открыть бытійственныя книги;
Лучь молній осіяетъ намъ,
Въ мрачны древности черты!—
Вы успокойтесь отъ вопросовъ!—
Повѣдаю,—какъ чада плоти
Нашли себѣ въ горахъ сихъ гробъ!—
Но вы читалиль древни свитки?
Нашли ли въ книгахъ бытія
И *Еллинскихъ* и *Аравійскихъ*?
Нашли ли имя *Херсониса*,
И созерцали ль здѣшню древность?—
Не созерцали!—то внимайте!—
Внимайте словесамъ *Шерифа*!—
И ты,— ты также, мой *Мурза*; ——
Тебѣ урокъ послѣдній будетъ,
Въ которомъ пользу ощутишь
Не только здѣсь,—и въ саму вѣчность,...

О Б А

О солнцевъ внукъ!—о нашъ мудрецъ!
О нашъ возлюбленный отецъ!

М У Р З А.

Повѣждь,— глава души моей!

Ш Е Р И Ф Ъ

Здѣсь древле мудры жили мужи;—
Сколь часто, какъ сословье ихъ
Въ гармоніи соединялось,—

Ихъ мысли,—ихъ небесны гимны,—
Горящи жертвы ихъ сердецъ—
Проникнувъ каменны навѣсы,
Или коралловые своды
На крыльяхъ огненныхъ парили
До горныхъ троновъ *Херувимскихъ*?—
Средь мирныхъ дней ихъ бытія
Всѣ ихъ бесѣды мудры были;
Всѣ ихъ бесѣды непрестано
Между горами отзывались,
Доколѣ не уснули въ гробѣ.—
Желаете ль, да повторю
Тѣ гимны, кои мудрецы
О древнемъ бытіи пѣвали,
Чтобъ лучше вамъ узнать причины?—

О Б А.

Желаемъ,—Солнцевъ внукъ!—желаемъ
Чтобъ познакомить насъ съ отцами.—

Ш Е Р И Ф Ъ.

„Сойдите,—духи свѣтоносны!—
„О звѣзды невечерней тверди!
„Сойдите съ облаковъ златыхъ,
„И вѣйтесь надъ гробами сими,
„Гдѣ бренна ваша риза тлѣетъ!—
„О! будте соприсущны пѣсни,
„Которую вы пѣли въ мірѣ,
„Котору я хочу пропѣть!—
„Развѣйте тусклы мраки здѣсь!

„Разсѣйте мраки всѣхъ сумнѣній!—
„Вы, бурны вѣтры, не свистите!
„И вы, смоковницы, молчите
„Приосѣняющи пещеру,
„Да ясно пѣснь мою услышатъ
„Пришельцы съ слезныя юдоли!—
„Пришельцы!—разумѣйте слово
„Съ начала до конца его!— —

„Еще отъ крови громодержца
„Небо-рожденны полу-боги
„Въ долинахъ міра не дышали;
„Еще не волновалась въ нихъ
„Тончайша *ихоръ*,—кровь небесна;
„*Волоты* изъ земли изшедши(1)
„Не возметали въ твердь утесовъ,
„Чтобъ тронъ перуновъ потрясти;
„*Алкидъ* не проходилъ вселенной,
„Чтобъ отъ земли живыхъ изгнать
„Племенъ строптивыхъ и преступныхъ;—
„Свирѣль *Орфея* не будила
„Въ ущельяхъ дикихъ камней спящихъ;—
„Скалы по скатамъ не скакали,
„Чтобъ въ храмы града сами клались,
„И въ сладки гласы не слагались
„Межъ дебрей дикихъ клики ликовъ,
„Какъ сей цвѣтущій полу-островъ
„Таился въ области *Нептуна*—

(1) Гиганты, такъ взывались въ древней Россіи.

„Уже въ *Экваторскихъ* холмахъ
„И *Африканскихъ* высотахъ
„Кипѣла зноемъ алчна суша?
„Но здѣсь во мракѣ древнихъ лѣтъ,
„Гдѣ нынѣ зримъ сады и нивы,
„Еще ревѣлъ сѣдый *Эвксинъ*,
„Еще бурливой Богъ пучины
„На страшныхъ бегемотахъ ѣздилъ;
„Еще *Нирея* рѣзвы дщери
„Караллowымъ чесали гребнемъ
„Зѣлено-синіе власы.—

„Всѣ зримыя стези *Өетиды*,
„Всѣ зримые слѣды подмоевъ
„Служащи нѣдромъ винограда,
„Всѣ зримы сребренны озера,
„Ключи и кладязи солены,
„Растѣнія и земли солки,
„Всѣ вразумляютъ пѣснь мою,
„Что въ глубинѣ сѣдыхъ вѣковъ
„Серебро-ногая *Өетида*
„Изъ бурной урны выкатала
„Разливны волны въ *Херсонисѣ*.—
„Тамъ, гдѣ елень и барсукъ нынѣ
„Между дубовъ высокихъ скачутъ,
„Тюлень, дельфинъ, огромный китъ
„Играли межь подводныхъ скалъ.—
„Тамъ, гдѣ гнѣздится куропатка,
„Плескалъ морской волной осетръ.—

„Все те ужасныя вершины
„И величавый *Чатыр-даг*
„Лишь были малы острова;
„А прочие из них служили
„Твердынею подводных камней
„На гибель древним мореходцам.—
„Вот *Херсониса* колыбель!—

Здесь песнь свою *Шериф* пресек,
И тако пастухам вещал: —
О чада;— не сумнитесь в том,
Что я изрек, и что реку; —
То книги бытия вещают. —
Се!—новыя колена песни,
Которым будете внимать! —
Вы онемеете, — услышав
В подземном царстве чудеса,
Когда чрез несколько веков
Дымящийся *Вулкан* звучал,
И в пылких жупелах пылал
Под ржущим дном дрожащих гор.—

Тут сильный глас возвысив пел,
Как страшна острога *Нептуна*
Была безсильна воспятить
Вулкана искрометным млатам;
Колико толща разседалась
Подженная огнем подземным
Колико крат хребты громадны

Въ утробахъ выли, и ревѣли,
Тогда, какъ тайны руды съ сѣрой
Скипясь, какъ волны, клокотали;
Тогда, какъ огненные вихри
Подъемлясь изъ бездонныхъ жерлъ
Подобные снопамъ палящимъ,
И надъ горами извиваясь
Весь полу-островъ озаряли;
Тогда, какъ смерчи (1) съ бурой мглой
Объявши облачную область
Огнисты капли ниспускали,
И сводъ небесный очерняли;
Иль какъ нарывы рдяны зрѣя
Расторгшись, лаву разливали,
И токомъ пламеннымъ покрывши
Багровы косогоры скалъ
Стремились огненной рѣкой
По блѣднымъ доламъ и полямъ,
И премѣняяся въ цвѣтахъ
Бѣжали съ смертью на ряду. —
Тогда ни зданье, ни оплотъ,
Ни насыпи, ни крѣпкій градъ
Не возбраняли бѣгу ихъ. —
Кусты, иль рощи предстояли?
Вода, иль камни имъ встрѣчались? —
Все похищали, — все губили,
И во мгновенье претворяли

(1) То же, что мрачная непогода, или безведріе.

То въ горьку извязь, то въ крушецъ, (1)
То въ мѣлкій пепелъ, или въ золу. —
Тогда—тогда природа взвыла,
Являя судорожный видъ. —

Онъ пѣлъ,—какъ горы представляли
Сіи позоры пылкихъ вихрей,
Какъ бойки молоты ковали
Подгорны громы средь горнилъ:
Тогда катясь подземный *трусъ*,
Какъ звучные шары Перуна,
Въ глухихъ клубился глубинахъ,
И длинный ревъ пуская вдоль
Подъ шаткими хребтами горъ
Верхи твердынь опровергалъ;
Тогда гора широко-зѣвна
Горѣвшая близъ *Кара-су*,
Гдѣ межь торчащими слоями,
Какъ межъ оплотами зубовъ
Снѣговъ буграми нынѣ полна
Спукается обширна бездна,
Во мрачный ужасъ облекалась,
А царство ада,— *Агермышъ*,
Сокрывъ въ себѣ безмѣрну хлябь
До неизвѣстной глубины,
Гдѣ вѣчна ночь престолъ воздвигла,
Гдѣ суевѣрье грубыхъ *Скиѳовъ*

---

(1) То же, что металлъ.

Бѣсовъ жилище полагаетъ, —
Изъ адска чрева изрыгалъ
Столпы дымовъ, столпы огней,
И рдяный тверди сводъ калилъ.—
Онъ пѣлъ,—какъ въ *Балуклавскомъ* краѣ
Хребты подверглись превращеньямъ,
То раздвигаясь по поламъ
Составили стремнины страшны,
То раздробленные повиснувъ
Поникнули надъ бездной индѣ,
То низвергаяся въ пучину
Легли въ ея водахъ ребромъ;
Вь ребрѣ скудель желѣзна рдѣетъ;
А индѣ по мѣстамъ пестрѣютъ
Марморо-видныя каменья
Со шпатовыми полосами;
Иль индѣ хрусталн сверкаютъ
Среди извилистыхъ разсѣлинъ,
Или чернѣетъ индѣ пемза,
И сѣрный колчаданъ блистаетъ
Съ винисатыми хрусталями,
Иль разліянная лежитъ
Родовъ разно-образныхъ лава;
Твердѣетъ лава; — но мир-волитъ
Душѣ былинъ среди долинъ,
Гдѣ красно-цвѣтный *Амарантъ* (1)

---

(1) Amaranthe; ou fleur de jalousie;— Amaranthus Caudatus.

Поднѣсь глубитъ сквозь толщу корень. —

Онъ воспѣвалъ хребты приморски,
И ихъ разметанны скалы;
Упоминалъ утесъ близъ *Ялты*
Съ уваломъ полнымъ дробныхъ камней;
Какъ онъ среди громовыхъ стрѣлъ
Пышалъ горючими дождями;
Какъ громко треснувши въ вершинѣ
Обрушился въ свою же пасть; —
Какъ мысъ при *Пареенитской* веси
Отвѣсной прежде бывъ горой,
Потомъ упадши въ глубину
И плотною облившись лавой
Разсѣкъ далече бездну вдоль;
Какъ стано-видный *Чатыр дагъ*
Чреватый нынѣ вѣчнымъ льдомъ
Свой страшный пламенникъ бросалъ
На подчиненные хребты;
А остро-челый братъ его
Былъ дольнимъ громомъ раздробленъ;
Какъ два пригорка обгорѣлы
Стоящи вмѣсто вратъ къ *Ускюту*
Подобны круглымъ двумъ столпамъ,
Иль мѣде-ногамъ тѣмъ воламъ,
Что препиралися съ *Язономъ*,
Свои отверзши красны пасти
Хранятъ запекшусь въ нихъ горючесть. —

Онъ воспѣвалъ ключи приморски
Поверхъ *Эникальскихъ* высотъ,
Отколѣ бьется горно масло;
Коснулся также мѣстъ *Таманскихъ*,
Отколѣ съ черной Нефтью илъ
Исторгшись наращаетъ холмы
Имѣющіе круглой станъ,
Изъ коихъ въ видѣ пузыря
Подъемлясь темно-сѣра жидкость
На всѣ страны вокругъ ліется.—
Онъ пѣлъ и тотъ горѣвшій холмъ,
Отколь недавно тяжки камни
Въ дыму высоко возметаясь,
Фаногорійцовъ устрашили.— (1)
Онъ пѣлъ,—и кончилъ пѣсни тѣмъ,
Что *Зевсъ* чрезъ сей законъ ужасный
Съ хромымъ обручникомъ *Венеры*
Нептуна жилы подсуша,
И претворяя воду въ землю
Спустилъ *Эвксинъ* смятенный нижѣ,
И силою возвысивъ горы
Открылъ здѣсь юный полу-островъ
Во образѣ Амфитеатра,
Подобно міру изъ Хаоса,
Подобно новымъ островамъ
Возникшимъ изъ морской утробы,

(1) 1795 года на Таманѣ одна небольшая гора открыла изверженіе свое съ огнемъ, дымомъ и пыгарками подобными камнямъ.

Межь тѣмъ, какъ нѣки *Атлантиды*
Погрязли въ сердцѣ океана.—
Онъ не забылъ къ сему прибавить,
Что всѣ черепо-кожны гады,
Нѣмыя *Желви* и *кораллы*
Не могши слѣдовать тогда
Съ высотъ за матерней стихіей,
Когда она скатилась съ горъ,
Въ чужей стихіи погреблись;
Что всѣ печальны чада моря,
Которыхъ жизнь была доколѣ
Лишь къ черепу прилѣплена,
Нашли средь черепа свой гробъ.—
Вода, что прежде оживляла,
Лишь только съ горъ спустилась долу;
То горный воздухъ ихъ убивъ,
Ихъ прежню жизнь окаменилъ,
И въ блѣдный мѣлъ перемѣнилъ.—
Но *Зевсовъ* громъ и млатъ *Вулкана*
Еще не умолкалъ и въ сушѣ,
Доколѣ родники горючи
Уже въ послѣдній поздый вѣкъ
Въ горахъ изсякнувши подъ льдами
Свирѣпствовать переставали.—
„Такъ пѣли жители пещеръ—
Шерифъ возкликнулъ наконецъ;—
„Такъ пѣли,—и молились небу,
„Да не возбудитъ паки бурь.—

Содержаніе.

Безпристрастное повѣствованіе Шерифа, *гдѣ изъясняется о населеніи полуострова Скиѳами, Греками, и Генуесцами;—о боготвореніи тамъ Діаны;—о ея храмѣ, гдѣ жрицею дочь Агамемнона, Ифигенія;—о приключеніи брата ея, Ореста;—о набѣгахъ Татаръ;— о овладѣніи Тавріи оружіемъ ихъ; — о бѣдствіи островлянъ, и затворниковъ; и напослѣдокъ о присоединеніи оной къ Россійской державѣ;—благомысленное заключеніе, гдѣ изъясняется чистое желаніе щастія Россіи, и отъ нее просвѣщенія для Херсониса;—признательное привѣтствіе пастуховъ.—*

Еще стояли пастухи
Безмолвственны подлѣ *Омара*,
Какъ марморы подлѣ орфея,
Иль истуканы пол-живыя
Съ примкнутыми ко груди дланьми;
Лишъ видно, что подъ дланьми вздохъ
Подъемлетъ бьющуюся грудь,—
Камена!—какъ ты согласишь
Звукъ тихій робкія свирѣли
Со гласомъ *Скиѳскаго Орфея?*—
Внемли же чувствамъ пастуховъ.—

I *пастухъ Кадизад*.

Шерифъ! вся пѣснь сія нова;
Лишь Геній *Тавріи* такъ можетъ
О бытіяхъ сего предѣла пѣть,
О неврозданномъ веществѣ,
О перво-бытной тьмѣ висѣвшей
Надъ бездной влажной, все-обьемной,
О ростѣ горъ, о жизни былій
О трусахъ, объ огняхъ подземныхъ. —
Но продолжай повѣдать намъ
Откол ѣ, — какъ явилась суша, —
Сюда вступили племена? —
Какіе мужи *Христіански*
Оставили тѣлесъ останки
Разсыпанны въ сихъ темныхъ падяхъ?

2 *пастухъ Кадизад*.

Какіе мужи *Агарянски*?
Какіе тамо чалмо-носцы
Лежатъ надъ сводами въ долинахъ,
Гдѣ возвышаются на кровахъ
Высоки каменны турбаны;
И гдѣ сидя печальны враны
Зло-вѣстны клики раздаютъ? —

I *пастухъ Кадизад*.

Не мудрецы ли спятъ какіе?
Ученые *Анахарисы*,

Арастусы или *Флатуны?* — (1)

2 *ПАСТУХЪ КАДИЗАД.*

Или *Девлеты* тамъ какіе?
Или *Гиреи* погребенны? —

ШЕРИФЪ

Конечно; — я скажу вамъ все; —
Здѣсь не были долины пусты. —
Нептунъ Цибелѣ уступя
Таемый въ безднѣ сей удѣлъ
Къ странамъ полудни отступилъ.
Открылись горы, — долъ разцвѣлъ;
Брега обсохли, — *Марсъ* ступилъ;
Стихій картина премѣнилась;
Другая жизнь — другая страсть
Уже дышать здѣсь начинаетъ.
Пусть взоръ испытный углубится
Въ глубоку древности пучину,
Отколѣ тридесять два вѣка
Свои колеса обернувши
На шумныхъ осяхъ прогремѣли,
Какъ древле славны *Аргонавты*
Пучину черну разсѣкая
Познали полуостровъ сей;
Уже надъ нимъ гремѣла слава,

---

(1) Магометане называютъ Греческихъ философовъ, *Аристотеля Арастусомъ*, а *Платона Флатуномъ*.

Когда *Язонъ* на кораблѣ
Наполненномъ полубогами
Въ Колхиду ѣхалъ за руномъ;
Въ то время жили въ сихъ горахъ
Суровы *Киммеры* (1) иль тавры
Подъ кровомъ лишь одной природы.
Издревле жители здѣсь дики
По свойству обоготворяли
Колчано-носную богиню
Дву-рогу фебову сестру,
Которую въ Колхидскомъ царствѣ
Подъ именемъ *Гекаты* страшной
Медея ночью призывала.—
Ей храмы были сооруженны
На каменныхъ столпахъ высокихъ, (2)
Гдѣ страшный истуканъ ея
Стоялъ безъ всякаго подножья,
А бѣло-каменный предъ нею
Стоящій жертвенникъ ужасный
Природный цвѣтъ свой потерялъ,
Всегда бывъ омываемъ кровью.
Сей страшный жертвенникъ всегда
Убивствомъ странныхъ пресыщаясь
Дымился отъ кровавой влаги;—

(1) По имени сихъ Цимбровъ, или Киммеровъ названъ сей полуостровъ *Крымомъ*.

(2) *Овидій* въ писмѣ съ чернаго моря кн. III.

Но, — что чуднѣе должно быть, —
Сіи производила жертвы
Безбрачна и младая жрица. —
Пришелецъ всякій долженъ пасть
Мечемъ дѣвичьимъ закалаемъ.
Въ то время божества и смертны
Сего предѣла убѣгали. —
Таковъ онъ былъ въ тѣ древни вѣки. —
Я здѣсь хощу повѣдать вамъ,
Какое дружбы торжество
Единожды въ семъ страшномъ храмѣ
Открылось отъ ведомыхъ къ жертвѣ.
Сіе есть дѣло знаменито
Въ *Таврическомъ* предѣлѣ семъ.
Во дни ужаснаго *Ѳоанта*,
Который нѣкогда съ грозою
Страною сею обладалъ,
Прекрасна дщерь *Агамемнона*,
Что *Ифигиніей* зовутъ, (1)
Сюда по воздуху явилась. —
Бытійственны вѣщаютъ книги,
Что *Фива* (2) сжаляся надъ нею,
Когда за отческій проступокъ
Она въ *Авлидѣ* ухищренно
Была ей въ жертву ведена,

---

(1) *Эврип*, *Ифигенія* въ *Тавріи*. *Цицеронъ* о дружествѣ: *Овидіи* въ *Элегій*, кн. IV

(2) *Діана*, богиня лѣсовъ, и ловли.

Отъяла отъ ножи ее. —
Внезапу тутъ изчезла жертва;
Но вмѣсто лишь ее предстала
Прекрасна серна подведенна. —
Богиня пренесла сюда
Спасенну дщерь *Агамемнона*
На крыльяхъ лехкихъ облаковъ. —
Ѳоантъ чудясь судьбамъ боговъ
Опредѣлилъ ее на вѣкъ
Священницею въ храмѣ семъ. —
Сія *Пелопская* дѣвица
Чрезъ много лѣтъ производила
Рукою токмо принужденной
Сіи плачевны жертвы въ храмѣ.

Во время жречества ея
Единожды два юныхъ *Грека*
Къ камнистымъ симъ брегамъ приплыли
Въ вѣтрило-лосной лодіѣ.
Они бывъ возрастомъ равны
По тѣлу были токмо два;
Но въ чувствахъ, склонностяхъ одинъ. —
Неистовствомъ ужасныхъ фурій
Одинъ изъ нихъ терзаемъ бывъ
За нѣкіе свои дѣянья,
Хотѣлъ свою очистить совѣсть
Въ единомъ храмѣ семъ отъ нихъ. —
Ведутъ сихъ странниковъ *Сарматы*

Предъ жертвенникъ неумолимый.
Священница кропитъ водой
Плѣненныхъ *Грековъ* передъ жертвой.
Готовится къ священно-дѣйству,
Пріемлетъ обнаженный мечь,
Увѣнчаваетъ ихъ власы
Растущимъ горнымъ дикимъ злакомъ;
Потомъ вѣщаетъ умиленно:
„Простите, юноши, вы мнѣ!
„Я не сурова, какъ вы мните;
„Сей лютый долгъ священно-дѣйства
„Обязана исполнить здѣсь,
„Гдѣ учрежденъ такой обрядъ;
„Но вы отколь?— какого града? —
„Какая столь корма безчастна
„Сюда направила вашь путь? —
Такъ говоритъ имъ въ грозный часъ
Благочестивая дѣвица,
И вдругъ изъ устъ услыша ихъ
Отечества именованье,
Съ біеньемъ сердца познаетъ
Въ нихъ обоихъ одногородцевъ.
„Одинъ изъ васъ, она вѣщала,
„Въ семъ мѣстѣ по святымъ обѣтамъ
„Пасть долженъ непремѣнной жертвой;
„Другой пусть вѣстникомъ поѣдетъ
„Въ отеческу свою страну! —
Тутъ первый жертвуя собою

Велитъ другому ѣхать въ домъ;
Но сей упорствуетъ ему,
И хочетъ самъ быть тою жертвой;
Всегда во всемъ согласны бывъ
Въ семъ случаѣ лишь не согласны;
И такъ о смерти оба спорятъ. —
Одинъ согласенъ былъ на то,
Чего другой и самъ хотѣлъ;
Но сей хотѣлъ того съ упорствомъ
На что согласенъ не былъ первой.
межь тѣмъ, какъ юноши прекрасны
Ведутъ сей общій споръ любви,
Она развертываетъ свитокъ,
которой писанъ къ брату былъ.
О дивно дѣйствіе судьбы! —
Одинъ изъ сихъ друзей въ немъ видитъ
Свое начертанное имя.
„Небесны силы!— онъ всклицаетъ,
„Возможноль?—жрица!— —ахъ, познай!
„Но льзяли въ жертвѣ— —брата знать?
„Какъ?—ты—мой братъ,-Орестъ;—о фива!
„Тыль бѣдной мой Орестъ?—мой братъ!—
„Се!— наконецъ мои вздыханья
„Проникли, *Фива*!— твой престолъ!—
Такъ жрица вопіяла тутъ;
Но гласъ ея въ гортани умеръ;
И слезы градомъ покатилися;

Потомъ другъ друга обнимая,
И силѣ рока удивляясь
Благословляли строгу *Фиву*. —
Что медлить? — жрица и *Орестъ*
И *Пиладъ*, юноша *Фокейскій*,
Вѣрнѣйшій спутникъ сей *Ореста*,
Похитивши кумиръ *Діаны*,
Чтобъ въ лучшихъ онъ стоялъ мѣстахъ,
Направили сокрытый парусъ
Къ брегамъ отеческимъ *Пелопскимъ*.

Вотъ! — чѣмъ сей древле полуостровъ
Хвалиться могъ, и нынѣ можетъ! —
Давно, — давно *Атрида* кровь
Дѣяньями блистала здѣсь.
Чудесна юношей любовь
Велику славу обрѣла
Межъ самой дикою толпой;
Всѣ *Скиѳы* не смотря на грубость
Почувствовали добродѣтель,
Почтили вѣрность сихъ друзей.
Но въ тѣ ужасны мрачны вѣки
Все было грубо и кроваво.
Однако *Греки* преселясь
Предѣлъ сей много просвѣтили.

Краса *Юническихъ* градовъ,
Источникъ первыхъ мудрецовъ,

Дѣеписателей преславныхъ,
Отечество *Өальсовъ* мудрыхъ,
И велерѣчивыхъ *Аспазій*,
Милетъ надувши парусъ шумный,
И истощивъ изъ нѣдръ своихъ
Довольное число племенъ
Сей дикій край одушевилъ
Несмѣтныхъ сонмами семействъ. (1)
Отъ сѣно-лиственныхъ бреговъ
Круто-излучиста *Меандра*,
И отъ полей приосѣненныхъ
Верхами *Латмы* возвышенной,
Гдѣ въ тихіе часы ночные
Богиня чистоты,—*Діана*,
Олимпа гордость забывая,
Въ объятьяхъ пламенныхъ лобзала
Прекраснаго *Эндимїона*,
Бѣгутъ *юночески* кормы,
И роютъ черны зыби рвами,
Дабы на западныхъ пустыхъ,
И южныхъ *Тавріи* брегахъ
Селенья многи утвердить,
И славу тамъ распространить.

---

(1) Hic quoque Mileto missi venére Coloni
Ovid. Eleg.

И здѣсь *Милетъ* свои селенья основалъ,
Ovid. Eleg.

Милетяне успѣли въ семъ.—
А выходцы изъ *Гераклеи*,
Приморскаго *Виѳинска* града,
Простерли далѣе успѣхи;—
Прекрасный въ древности *Херсонъ*
Былъ знатный плодъ ихъ хитрыхъ рукъ,
И корень ихъ цвѣтущей славы.—
Онъ всѣ тогда другіе грады
Могуществомъ превосходилъ. —
Сей самый градъ въ послѣдни вѣки
Отважный мудрой *Ольги* внукъ,
Подобно *Марсу*, поразилъ;
Но дружба и любовь его
Тамъ примирили съ *Византіей* ;
А *Вѣра*,—дщерь Царя Царей,
Усыновила къ божеству. —
Всѣ пышные плоды искуства
И славны памятники вкуса,
Что *Іонія* въ градахъ своихъ
На диво строила вѣкамъ,
И чѣмъ природа благотворна
Обиловала каждый годъ
На злачныхъ берегахъ *Меандра*;
Все то сюда переселялось.—
Тамъ хитрою рукой искуства
Столпы до облакъ воздвигались,
И своды въ тверди расширялись,
Блистая мраморомъ, *Мусеїей*;—

Или повапленны природой. —
Ключи оставивши подземность
Дивились новому пути;
Въ воздушныхъ проходя каналахъ,
Сребромъ струились наконецъ
Изъ стѣнъ въ чертогахъ богача,
И освѣжали гордый теремъ. —
Тогда чудиться надлежало
Скалъ дышущихъ нѣмому виду,
Гдѣ острой истощилъ рѣзецъ
Возможное свое искуство,
И твердой камень претворилъ
Въ живые жилы, въ мягку плоть. —
Тамъ сонмы Греческихъ Ироевъ,
Тезеевъ, или *Геркулесовъ*
Стояли въ важной тишинѣ;
А нѣки грозны *Діомиды*,
Бузирисы, *Антеи* мрачны,
Страшилища племенъ земныхъ,
Въ бѣлѣйшемъ марморѣ восточномъ
Сумрачно морщили чело;
Но ихъ красавицы любезны,
Аспазіи, и нѣжны *Сафы*
Миртисы, иль живые *Фрины*
Еще дышали страстью въ камнѣ,
Еще повѣлевали ими;

Восточной *Тавріи* страной
Воспорски Греки обладали;
Пантикапеумъ, иль *Воспоръ*. (1)
Ихъ главный былъ цвѣтущій градъ;
Но *Скиѳы* внутренней страной
Въ семъ полу-островѣ владѣя
Нашествіемъ опустошали
Селенья *Грековъ* знамениты. —
Воспорцы помощи искали
Въ царѣ *Понтійскомъ*, *Митридатѣ*. —
Сей славный сопротивникъ *Римлянъ*,
Не рѣдкій бичь царей вселенной
Вcѣ *Скиѳски* полчища изгнавъ,
Воспорско царство основалъ. —
Мѣста, гдѣ царствовали жены,
Гдѣ дѣвы побѣждали сильныхъ
И дерзостныхъ богатырей,
И сѣдо-главаго *Кавказа*,
Высоки снѣжные хребты
Отколѣ *Фазисъ* (2) и *Гиланисъ* (3)
Въ валахъ ревутъ, и въ понтъ бѣгутъ,

---

(1) Нынѣ *Керчъ*.
Bosporos & Tanais Superant, Scythicæque paludes,
vixque Satis noti nomina pauca loci. — *Ovid.*

(2) Нынѣ *Фасреонъ*

(3) Нынѣ *Кубанъ*; но и *Бугъ* назывался прежде *Гиланисъ*.

И часть восточна *Херсониса*
Вмѣщались въ царствѣ *Митридата*.
Но не смотря на цвѣтъ временъ
Воспорцовъ зависть ополчила
Кровавы руки на сосѣдовъ,
Переселенцовъ *Милезїйскихъ*.

Сарматы, *Готы* и *Аланы*,
Одни послѣдуя другимъ
Мѣстами сими обладали;
Потомъ владѣтели *Өракїйски*,
Самодержавцы *Византїйски*
Отъявши силой власть у нихъ
Присвоили къ себѣ всю область;
Но *Гунны*, *Венгры* и *Козары*
И Половцы въ толпахъ несмѣтныхъ
Срывали часто тѣ плоды,
Что *Византїйцамъ* созрѣвали.

Уже четвертый вѣкъ проходитъ
Какъ *Генуа* цвѣтуща въ силѣ
Лишилась пристаней Понтїйскихъ. —
Въ столѣтїи дванадесятомъ.
Она пучиной овладѣвъ,
И всѣми пристанями Понта
Свои селенья утвердя
По *Херсонизскимъ* берегамъ,
И знатну основавъ торговлю

По всѣмъ брегамъ восточнымъ *Понта*,
Высоки стѣны созидала
На обладаемыхъ предѣлахъ. —
Тамъ сильная рука искуства
Вносила также въ твердь столпы
Въ подпору тѣхъ обширныхъ сводовъ,
Подъ коими тогда рѣшились
Дѣла восточныя торговли.
Тамъ пышны стѣны, и помосты,
Воздвигнуты изъ соснъ приморскихъ
Подобныхъ кедрамъ благовоннымъ,
Иль изъ орѣшниковъ слоистыхъ,
Гордилися рѣзьбой узорной;
Тамъ марморъ чистый *Парїанскїй*
Подъ тонкой ловкостью рѣзца
Преобращался въ нѣжно тѣло,
И начиналъ почти дышать
Во образѣ *Энеевъ*, *Нумъ*,
Или старѣйшинъ *Генуескихъ*
 Чрезъ долгїй вѣкъ брега сїи
Цвѣли богатствомъ, тишиной,
И славой надъ водой гремѣли,
Какъ вдругъ то изъ степей *Гобейскихъ*,
То изъ разсѣлинъ горъ *Кавказскихъ*
Суровые потомки *Скиѳовъ*,
Монгалы въ видѣ жадныхъ пруговъ (1)

(1) пруги или саранча.

Между *Сивашем* и *Эвксином*
При звукѣ бубновъ и щитовъ
Столпились, взвили пыль,—подъялись,
И далѣ въ поле полетѣли.—
Уже въ пустыняхъ *Меотїйскихъ*
Давно колеса мѣдны Марса
Ревѣли межь сѣдой кавылью;
Давно коней бурливыхъ ржанье,
И топотъ ропотный копытъ
Въ утесахъ звучныхъ отзывался.—
Уже давно тамъ бранны трубы
Со трескомъ рѣзкимъ раздирали
Покровы черны тучь густыхъ. —
Останки мшисты тамо ставокъ, (1)
Что Росскіе орлы нашли
Во дни великаго *Петра*,
Еще напоминаютъ ясно
О страшномъ томъ бичѣ востока,
Подъ коимъ, какъ подъ тяжкимъ богомъ,
Кавкаскій громко ледъ трещалъ,
И кой на сихъ пустыхъ степяхъ
Еще храмъ славы назидая
На щетъ великодушныхъ *Скиѳовъ*,
Забылъ тогда, что онъ сынъ грома,
И внукъ всемощнаго *Сатурна*.—

---

(1) *Птоломей* полагалъ въ Азовской степи нѣкіе ставки Александра Македонскаго.

Подъ шумнымъ трескомъ молній бранныхъ
Пріявъ въ свои объятья нѣжны
Ѳалестру дышущую страстью, (1)
Царицу мужественныхъ женъ,
Явилъ въ себѣ лишь человѣка,
Рожденнаго *Олимпіадой*;
А зря, что славы тихъ полетъ
Укоромъ важнымъ *Скиѳовъ* мудрыхъ
Къ ихъ лучшей славѣ остановленъ,
Явилъ въ себѣ *Филиппа* сына,
И *Стагиритова* питомца. — (2)
Насталъ сей годъ; — ужасный годъ
Для островлянъ, — для чадъ сихъ камней. —
Чрезъ бранныя сіи поля
Межъ чернымъ и гнилымъ морямъ
Монгалы ворвавшись потопомъ,
Все, что ни встрѣтили въ пути,
Пожгли, посѣкли, потребили;
Что давный трудъ, и что торговля,
И что музъ чистый духъ и вкусъ
Въ градахъ дотолѣ оживляли,
Все ихъ мечемъ умерщвлено. —
Коликіе полки легли

---

(1) Говорятъ, что *Амазонки* жили по близости Рѣкъ *Дона и Ѳермодона*. Курцій пишетъ о свиданіи Ѳалестры, ихъ Царицы въ гл. 5. кн. ч.

(2) Такъ названъ *Аристотель* по мѣсту.

Въ сіи нещастны дни въ долинахъ?
Коликой кровью обагрились
Обороняемы права? —
Такъ пламенный протокъ *Лавы*
Изторгшись изъ горы ревущей
Бѣжитъ, и губитъ, что ни встрѣтитъ;
Найдетъ ли зданье заключенно?
Остановляется при немъ,
И оббѣгаетъ вкругъ его;
Потомъ поднявшися наверхъ
Всѣ связи въ пепелъ превращаетъ,
И вторгшись внутрь горящихъ стѣнъ
Пресуществляетъ въ уголь все;
Постигнетъ ли древа высоки? —
Онъ ихъ обтекши преломляетъ;
Иль въ долахъ встрѣтитъ тяжки камни?
Влечетъ съ собою тяжки камни,
Ипретворяетъ въ извязь ихъ,
Или въ кристаллъ цвѣтовъ различныхъ,
Доколѣ не нашедъ добычь
погаснетъ — и на мѣстѣ станетъ,
И въ ярости своей простынетъ.

Но *Генуэсцы* осторожны
Въ тѣ горки дни забраломъ твердымъ
Свои селенья оградили. —
Монгалы дики не могли
Оплотовъ ихъ поколебать.

Приморски замки укрѣпленны,
И пристани сооруженны
Рукою сильной на брегахъ
Стояли въ тишинѣ безпечной;
Кафа, столица ихъ торговли,
Еще цвѣла подъ кровомъ ихъ;
Еще *Меркурій* разсѣкалъ
Стопой крылатой зыбь *Кафинску*,
И по брегамъ леталъ *Понтійскимъ*
Въ спокойномъ оборотѣ года; —
Леталъ бы; — но отважны чада
Скитавшейся въ степяхъ *Агари*
Воздвигши пылкихъ *Янычаръ*,
И заключа всѣ бранные позоры,
Какіе прежде здѣсь бывали,
Позоромъ пламеннымъ лютѣйшимъ,
Покрыли тѣнью бунчуковъ
И долы и хребты сіи. —
Въ то время самовластны *Ханы*,
Потомки грозныхъ *Тамерлановъ*,
Аттилъ, и лютыхъ *Чингис-хановъ*
Лишь были данники *Стамбула*
Такъ славный полу-островъ палъ
Подъ звучною пятою *Магмета*. —
Природа рѣзвая дотолѣ
На сихъ горахъ, на сихъ лугахъ
Оцепенѣла, — поблѣднѣла

Подъ блѣдной сѣнію луны. —
Жаль *Крымской* вольности! — то правда;
Но честь моихъ единовѣрцовъ
Велитъ признать меча ихъ славу. —

Извѣстно, что народы здѣшни
Издревле въ образѣ *Гекаты*
Поставленномъ въ пустыхъ разпутьяхъ
Сію *Луну* боготворили,
Что древле страшная *Медея*
Съ небесъ низведши въ колесницѣ
Сганяла сонцевыхъ коней,
Удерживала токовъ бѣгъ,
Сдвигала съ мѣстъ скалы и дебри,
И мчася по погостамъ страшнымъ
Съ разтрепанными волосами
Сбирала кости изъ гробовъ,
И въ разныхъ заклинаньяхъ выла, —
Не се ли поводъ былъ къ тому,
Что *Агаряне* взяли въ гербъ
Луну, — богиню древнихъ страшну,
Подъ строгой властію которой
Природа воздыхала здѣсь. —

О сколь ужасна перемѣна
Во всемъ была во дни ихъ буйствъ! —
Тогда ни виноградъ, ни смоквы,
Ни персики, ни абрикосы

природныхъ вкусовъ не имѣли.—
Что въ томъ, что осклаблялось
Въ долинахъ тихо естество?—
Насилье также усмѣхалось.—
Вотще взиралъ нещастный житель
На нѣжный пухъ *Брусквинъ* душистыхъ,
На цвѣтъ червленый абрикосовъ,
На темный и густый багрецъ
Пріятныхъ сливъ и винограда;—
Все стало горько; все постыло;
Въ грозды крыли ядъ зміевъ,
Иль аспидовъ лютѣйшу желчь —
Миртиллы, — *Дафнисы*, — *Леандры*
Оплакивали похищенье
Своихъ *Кориннъ* и *Амариллъ*;
Не вились кудри на главахъ;
Упалъ румянецъ на щекахъ;—
Въ часы веселы кудри вьются;
Въ часы веселы зракъ цвѣтетъ;—
Миртъ гибкій не вѣнчалъ ихъ челъ;
Къ чему? — пастушки всѣ въ оковахъ,
А робки пастухи бѣжали
Въ уединенны горъ пещеры
Неся отчаянье туда,
И бывъ затворниками тамо
Содѣлывались мудрецами.—
Вотъ поводъ сихъ пустыно-любцовъ!—

Три страшныхъ вѣка проходило,
Какъ здѣсь природа содрогала
Въ горахъ, пещерахъ и долинахъ
Пронзаема *Гекаты* рогомъ.—

Отшельцы здѣсь два зла встрѣчали.—
Не рѣдко подземельны *Трусы*
Шатая треснувшія горы
Сыновъ сихъ камней подавляли,
Тогда, какъ осенью они
Плоды румяны собирали,
Иль жали въ гнетѣ виноградъ;
Нерѣдко жь *Скиѳы* простирали
Неумолимый свой кинжалъ
Въ сіи пещеры потрясенны,
Тогда, когда сіи нещастны
Себя безпечными тамъ чли.—
Сколь часто изъ злодѣйскихъ рукъ
Перунъ сверкалъ въ пещерахъ сихъ?
Сколь часто тамъ стенали жертвы
Поверженные подъ перуномъ?—

Вы зрите ль кости на помостѣ?—
Послѣдній то пустынникъ былъ;—
Ахъ!—былъ отчаянный пустынникъ;
Бѣда шла выше горъ;—то правда,
И онъ—едва не палъ въ смерть вѣчну;
Однакъ возтавленъ отъ паденья;

Онъ примирился съ вѣчной жизнью.
Вотъ какъ!—когда вокругъ сихъ горъ
Сраципски копія блистали;
А онъ, нещастный—умиралъ,
Отъ глада,—жажды умиралъ;—
Чего?—какихъ ужасныхъ словъ
Изъ устъ своихъ не отрыгалъ?—
Внемлите, что вѣщалъ тогда
Въ единъ отъ сихъ печальныхъ дней
Взирая слезными очами
На прахъ предмѣстниковъ своихъ;

,,Такъ точно,... скоро я умру;..
,,Низходитъ,—ахъ! низходитъ вечеръ
,,Моихъ нещастныхъ также дней,
,,Въ который свѣтъ очей погаснетъ.—
,,Увы!—когда жь сей сумракъ будетъ,
,,И дни мои на вѣкъ покроетъ?—
,,Покроетъ онъ,—а что потомъ?—
,,Уснуть,—и вѣчно не востать?--
,,Но ахъ!—какаяжь пустота,
,,Гдѣ я въ безвѣстности изчезну
,,Отъ ковъ зависти лукавой,
,,Отъ смертоносныхъ всѣхъ навѣтовъ,
,,Отъ своенравій наглой силы,
,,И всѣ дремоты жизни слезной,—
,,Печаль,—заботу,—нужду—жажду
,,Въ ничтожномъ мракѣ погружу?—

„Картина мрачна,—но любезна?—
„По что же мѣдлитъ мечь *Срацинъ*?—

„О!—ежели рокъ злой коснитъ
„Найти меня, и въ бурномъ гнѣвѣ
„Ударитъ прямо на меня;—
„Я самъ—я самъ найду его,
„И поспѣшу къ нему на срѣчу!—
„Нѣтъ въ самыхъ небесахъ руки,
„Котора бы отъ зла спасла!— —
„Нѣтъ!—слышу лишь колеса лѣтъ;
„Я слышу;—бичь небесный воетъ.—

Сказалъ;—и съ громомъ потряслась
Подъ нимъ разтрѣснувшась гора;
Тутъ засверкалъ въ очахъ его
Сквозь слезы дикій огнь;—и онъ—
Какъ изступленный возопилъ:—

„Воздушны силы!—яры бури!
„Завойте въ звонкихъ сихъ пещерахъ!
„Вертите флюгеры на башняхъ!
„Гасите факелы у жертвъ!
„А ты,—ты, черна птица ночи!
„Запой теперь мнѣ смертну пѣснь!—
„Я слышу *Парокъ* томный шумъ,
„Я слышу, какъ они за мной
„При гаснущей лампадѣ жизни

„Спѣшатъ окончить скучну нить,
„И горкій трудъ свой услаждаютъ
„Пророческимъ унылымъ пѣньемъ;
„Какое адское согласье!— — —

Звучите,—ножницы желѣзны,
И кончите судьбу творенья,—
Нещастнаго сего творенья!—
Нѣтъ болѣе уже надежды,
Чтобъ дряхлу пряжу продолжать;—
Уже устала *Клота* прясть.—
Позволь , *Перунъ*!--и нить прервется.--
Звучи желѣзо!—рви нить жизни?—

„Увы!—я слышу пѣснь сію,
„Я слышу адскій приговоръ. - - -
„Всемощна,—сильная судьба!—
„О естли бы я заблуждалъ! — —
„О естли бъ ты была теперь
„Тѣмъ первымъ божествомъ благимъ,
„Котораго давно ищу,
„Дабы отсѣль меня изхитить!—
„Повѣдай мнѣ! —я въ тужь минуту
„Охотно предъ тобой повергнусь;—
„Уже языкъ мой окончалъ
„Всю повѣсть дней моихъ плачевныхъ. —
„Богиня!—убивай!—вотъ грудь!
„Вотъ вѣкъ мой подъ твоимъ ударомъ!
„Пусть вѣчна ночь забвенья снидетъ

Съ своею тьмою седьмеричной,
„И поглотишь сей чѐрный вѣкъ! —
„Се нощи дверь! — се одръ готовъ! —
„Онъ тесанъ изъ безщастныхъ камней; —
„Тамъ лягу, — лягу я конечно; —
„И пусть пылиной паки буду!
„Пусть буду симъ: *ничѣмъ'* — *Саддокъ*! — (1)
„Что я несмысленный изрекъ? —
„Я слышу бурю; — — духъ мятется. —

Такъ умствовалъ нещастный сей! —
Внезапу нѣчто прошипѣло
Подобно молнiи сквозной
Въ обвороженный слухъ его. —
Ему то чудилося бурей; —
Онъ мнилъ, — не паръ ли то горящiй!
Иль воздухъ запертый въ пещерѣ
Движеньемъ тѣла запаленный? —
Его обьемлетъ хладный потъ;
Въ крови по жиламъ ходитъ мразъ?
Власы вздымаются на немъ;
Онъ внѣ себя; — онъ цепенѣетъ;
Онъ паки видитъ, — слышитъ нѣчто —
Тамъ въ мракѣ — въ темномъ дальномъ сводѣ; — —
Тутъ онъ собравъ послѣдни силы

---

(1) *Саддокъ*, Еврейскiй Скептикъ, и начальникъ Саддукеевъ.

Дерзаетъ тако возопить;—
,,Что бъ ни было сіе;—пойду,
,,Пойду на гласъ сей роковой!—
,,Что здѣсь меня остановляетъ?—
,,Ужель?—ужель мечты віются?
,,Уже ли призраки востали?—
,,Кто ты,—ужасно бытіе?
,,Мечта ли ты?—иль божество?—
,,Иль геній горъ?—иль ангелъ неба?—
,,Иль духъ сихъ праотцевъ лежащихъ?—
,,Сынъ камени!—откройся мнѣ!
,,Разсѣй воображеній мракъ!—

,,Отчаянна душа!—тутъ ангелъ
Подъ мрачнымъ сводомъ загремѣлъ;—
,,Тебѣ отецъ духовъ глаголетъ:
По что ты тонешь въ глумныхъ мысляхъ;
Ты заблуждаешь,—человѣкъ!—
Ты неизвѣстенъ самъ себѣ;—
Будь проклято твое желанье,
Съ которымъ чаешь—*быть ничѣмъ*!—
Вещественный сынъ бренной плоти!—
Какъ?—ты желаешь,—*быть ничѣмъ*!—
Чтожь значитъ: быть ничѣмъ — отвѣтствуй!—
Но ты не можешь отвѣчать;—
Конечно;— должно все изтлѣть,
Что смертнаго остаться должно

Что въ долгъ стихіи поручили,
И будутъ требовать назадъ; —
Истлѣть въ гніющей персти тѣла,
Гдѣ домъ тебѣ — земля сырая,
Имущая въ прохладномъ лонѣ
Тебя качать въ глухихъ дремотахъ;
Гдѣ братъ твой — неусыпный червь;
Сестра же — ночь, глубока ночь. —
Вотъ все, что значитъ: *Быть ничѣмъ*! —

Но ты, — ты мыслящій теперь,
Духовный человѣкъ, — сынъ неба, —
О важной сей статьѣ судящій, —
Кому безсмертна матерь — вѣчность,
Кому и братъ и другъ — есть Ангелъ,
Кому сестра, подруга — слава!
Куда ты мнишь полетъ свой взять? —
Въ безвѣстный кругъ, — въ безкровно царство! —
Въ духовну область тѣхъ умовъ,
Которые тамъ — тамъ сіяютъ? —
Но какъ ты могъ воззмнить, что здѣсь,
Гдѣ бренны кости спятъ сіи,
Сокрылось совершенно все? —
Сіи останки человѣка
Суть только дряхла оболочка;
Однакъ не самый человѣкъ. —
Пре мирный человѣкъ смѣется

Кривому лезвею косы. —
Онъ умираетъ, —безъ сумнѣнья,
Но возраждается опять. —
Онъ въ мрачную падетъ могилу,
Но паки возстаетъ оттолѣ. —
Отечество его есть — небо,
А достояніе— самъ богъ. —
Сей человѣкъ небо-рожденный, —
Сія бесмертна *само бытность* (1)
И бого-точная струя
Простясь на вѣкъ съ земною пылью
Взираетъ съ омерзѣньемъ духа,
Какъ въ вѣтрахъ прахъ его крутится,
Взираетъ, —отвращаетъ зракъ;
А самъ, —какъ небо-парна сущность, —
Взлетаетъ въ удаленну вѣчность. —
А ты ль, -сынъ персти- мнишь проникнуть,
Чего не знаетъ плоть и кровь?
Ты ль мнишь, что созданъ ты во гнѣвѣ,
Что ты рожденъ лишь для земли,
Земли страданья и терпѣнья? —
Какъ? —развѣ то со всѣмъ не разумъ,
Чрезъ что теперь о семъ ты судишь. —
Твой разумъ, —разумъ есть порука
Въ безсмертіи твоей души. —
Тотъ, кто возможетъ все творить,
Распространяетъ бытіе

(1) Substantia.

Свое съ другими существами.—
Производить, и сохранять,
Но никогда не раззорять
Могущества есть вышша сила;
Она не дѣйствуетъ надъ тѣмъ,
Чего межь бытіями нѣтъ.
Отецъ духовъ не есть Богъ мертвыхъ;
Онъ Богъ,—онъ Богъ есть вѣчной жизни.—
И такъ,—еще ли ты упоренъ?

Отвѣтствуй же мнѣ теперь, сынъ неба!
Имѣешъ ли ты срокъ довольный
Всѣ страсти въ жизни покорить,
И въ добродѣтели чистѣйшей
Установить мятущусь душу,
И прежде нежели умреши,
По степенямъ переходить
Отъ совершенства къ совершенству,
И наконецъ—достигнуть цѣли? —
Возможноль,—чтобъ *безмѣрно мудрый*,
Содѣлалъ славныя творенья
Для низкой цѣли,—жизни сей? —
Ужь ли онъ будетъ веселиться,
Создавъ умы несовершенны,
Единымъ ихъ скоротекущимъ,
Хотя разумнымъ бытіемъ? —
Такъ какъ ты можешь здѣсь достигнуть
Предѣловъ точныхъ совершенства?

Духъ шествуетъ безъ остановки
До высоты своей природы,
Но шествуетъ онъ такъ, что къ крайнимъ
Ея концамъ не достигаетъ,
Подобно той *чертѣ*, что ближе
Къ *другой* во всю стремится вѣчность,
Но никогда сойтись не можетъ. —
Сіе безмѣрно приращенье
Познанья,—славы,—совершенства,—
Сей непрестанный переходъ
Отъ силы къ силѣ и добротѣ,
Отъ доблести одной къ другой,—
Сей дальновидный духа путь
Конечно Господу угоденъ,
Когда Онъ предъ собою зритъ,
Что тварь возлюбленна Его
На цѣлу вѣчность разцвѣтаетъ,
И ближе шествуетъ къ Нему
По вышшимъ степенямъ подобья. —
Такъ;—духъ твой въ лучшемъ небо-склонѣ
Узнаетъ точку совершенства. —
Самъ первозданный *Херувимъ*,
Что человѣческой душѣ
Теперь здѣсь зрится божествомъ,
Весьма подробно понимаетъ,
Что будетъ въ вѣчности вращаться
Тотъ кругъ, гдѣ человѣка духъ
Быть долженъ столь же совершенъ,

Каким онъ зрится самъ теперь. —
Ахъ!—какъ же ты, злощастный сынъ,
Дерзнулъ желать такъ беззаконно,
Да сократится краткость дней,
Гдѣ духъ твой не успѣлъ еще
Уроковъ первыхъ изучить?—
Предайся лучше провидѣнію!
Молчи!—учись — терпи!—покорствуй,-
„И жди удара!—но не такъ; . . .
„Не состоитъ въ твоей онъ волѣ. . . .
Такъ Ангелъ рекъ!---и вдругъ сокрылся.—

„Небесный юноша!—ахъ! ты ли?
Въ слезахъ тогда пустыникъ рекъ,—
„Тыль Божій стражь души моей?—
„Какой ты свѣтъ теперь открылъ?—
„Ахъ!—какъ я въ мысляхъ могъ забыть,
„Что Божескій законъ всевѣченъ;
„Что онъ же есть во всей природѣ;
„Что миновавъ его—падешь;
„Лишь шагъ;—и въ вѣчну смерть падешь;—
„Какъ могъ забыть, что онъ есть мечь,
„Что обращаясь круго-зорно
„Поверхъ главы шумитъ не молчно;
„Что естьлибъ кто воздвигъ главу,
„Превыше круго-зора:— горе - - -

(1) Горизонтально.

„Что перескокъ?—незрѣлый шагъ;—
„Желавъ безвременно удара
„Не врагъ ли я сего закона?—
„Такъ;—я не властенъ въ семъ ударѣ.
„Терплю, доколѣ существую.
„Никто завѣсы не разверзетъ,
„Котора покрываетъ вѣчность.—
„И сама просвѣщенна мысль
„Въ своей стезѣ молніевидной,
„Должна имѣть стократный отдыхъ,
„Чтобы постигнуть вѣчный кругъ;—
„Едваль языкъ мнѣ *Серафима*
„Довлѣетъ описать сей кругъ?
„А мнѣ законъ велитъ созрѣть,
„И приготовиться въ сей кругъ.—

„Но прежде, нежели отъиду,
„Да обнажу всѣ сгибы сердца
„Предъ выспренними небесами!—
„О Боже!—кто я предъ Тобой?
„Что бытіе мое Тебѣ?—
„Ничто;—а Ты,—а Ты мнѣ все.—
„Ты Богъ и въ самое то время,
„Когда мои издавна кости
„Не будутъ кости человѣка.—
„Но нѣка нравственная жажда,
„Неутолима никогда,
„И нѣчто рѣюще впередъ

„И алчущее совершенства, —
„Духъ мой,—способный черпать небо,
„Съ тобой соединиться долженъ.—
„Сіе,—сіе мнѣ Ангелъ рекъ;
„Сіе теперь я познаю; —
„А безъ сего—я бъ не желалъ,
„Чтобъ созданъ былъ я солнце зрѣть. —

„Къ Тебѣ—о Боже!—возвращаюсь
„Изъ глубины юдоли слезной;
„Тебя ищу,—къ Тебѣ взываю;—
„Коль не былобъ въ Тебѣ любви:
„То нѣтъ ея во всѣхъ мірахъ,
„То жизнь дана лишь на мученье,
„То вѣчно должно быть нещастну;
„Увы!—дерзнуль сказать теперь? —
„Нѣтъ блага въ небѣ;— нѣтъ Тебя!---
„Но естьли Ты любовь всевѣчна;
„И Ты одѣянъ въ кроткій свѣтъ:
„То Ты еси,—и я—блаженъ, — —

„О Боже!—Ты единый знаешь
„Небесъ движенье,—древъ паденье;
„И хоть малѣйшій нѣкій червь
„Падетъ со шелковичной вѣтви;
„То Ты межь пѣсней Серафимовъ
„Его низлетъ печальный слыша
„Спасаешь на всемощныхъ крыльяхъ;
„Тогда сему дивится Ангелъ,

„И цепенѣетъ самый адъ; —
„О Боже мой! — не загради
„Твоихъ всеслышащихъ ушесъ
„Предъ тѣмъ, — который безъ Тебя
„Падетъ въ отчаянье ужасно! —
„Ахъ! — подкрѣпи меня, Всесильный,
„И примири мой духъ съ собой,
„И изъ ничтожности изринувъ
„Мнѣ возврати крылѣ безсмертья! —

„Ты, *муравiй*, подъ стопой ползущiй!
„Почто бѣжишь ты отъ меня?
„Творецъ мой тотъ же, что и твой;
„Природа вызываетъ въ твердь
„Едино розовое утро
„И для меня, и для тебя; —
„Ползи по длани сей спокойно!
„Я стану созерцать тебя,
„И мыслить, — нѣтъ ли внутрь тебя
„Какого поученья мнѣ,
„Или подобiя со мной; —
„И ты — увы! и ты, мой другъ!
„Состарѣешься мнѣ подобно;
„Получишь крылошки, — но бренны;
„А я безсмертiя крылѣ; —
„Не такъ ли? — но я самъ собою
„Доволенъ быти не могу,
„Что позже я тебя, мой другъ,

„Созрѣю къ вѣчной, страшной жатвѣ; —
„Ты долженъ постыдить меня,
„И укрѣпить во мнѣ надежду. —

„Ахъ! — какъ предстану я туда? —
„Явися предъ мною, — время
„Прекраснѣйшее въ цѣлой жизни! —
„Явися, *юность*! — ахъ! Создатель!
„Я громко изреку сіе; - -
„Пусть слышатъ *Ангели* Твои! —
„Достоитъ ли раскаеваться
„Въ прошедшихъ юныхъ дняхъ моихъ?
„Ты управлялъ тогда стопами
„Скользящими въ долинѣ міра; —
„Прости мнѣ, — отче дней моихъ,
„Когда не всѣ шаги стремились
„На пользу сердца моего! —
„Ты благъ; — я смерти жду спокойно; —
„Но столько живши — заблуждать! — —
„Гдѣ, *Мравій*? ты, что пресмыкался
„По сей сухой моей рукѣ! —
„Гдѣ ты безсмертія учитель!
„Ты паки скрылся въ неизвѣстность,
„Въ свою блаженну неизвѣстность. —

„Се одръ! — Се садъ, гдѣ прахъ нашъ тлѣетъ,
„Гдѣ кровь запекшаяся зрѣетъ,

„Гдѣ сѣмя плоти къ славѣ спѣетъ,
„Да къ жатвѣ вѣчности возникнетъ! —
„Тутъ буду я лежать дотолѣ,
„Доколь вертится міръ;— — потомъ,
„Потомъ проснуся въ новомъ мірѣ,
„Что не вертится никогда;
„Ктожь?— кто меня туда проводитъ?
„Солнце-образна дщерь Сіона! —
„Броня и щитъ отъ молній Божьихъ!
„Полднevно истинно свѣтило!
„О кротка, благодатна вѣра;
„Которая одна въ то время,
„Какъ все истлѣетъ,—твердь совьется,
„Растопятся міры горящи,
„Или отвсюду приходя
„Они низринутся всѣ въ чашу
„Спущенныхъ отъ небесъ вѣсовъ,
„Взгремятъ, и звонъ произведутъ,
„Сребру подобящійся звонъ,
„Провозвѣщающій судъ божій,
„Одна въ одеждѣ бого-тканной,
„Одна ногой попрешъ своей
„Луны дымящуюся персть,
„И прахъ курящійся *Венеры*
„*Сатурна*, *Марса* и *Урана*!
„Будь спутницей моей туда,
„Туда,—въ ту дверь безвѣстной бездны,
„Котору сильна смерть отворитъ!

Такъ размышлялъ тогда пустынникъ,
Бальзамъ отрады ощутивъ;
Но онъ не долго послѣ жилъ. —
Сарматскій нѣкій злый пастухъ,
Увы! — уѣтъ лишь раздражилъ,
И былъ цѣною живота, —
Пастухъ сразилъ его копьемъ;
Страдалецъ воздохнулъ; — и легъ. —

Вотъ плодъ насилія *Сарматовъ*!
А таковыхъ — изчислить не возможно,
Вотъ, что причиною сихъ гробовъ,
И сихъ пустынныхъ мудрецовъ!
Да возвеличится во вѣкъ
Престолъ великій полунощи! —
Колико кратно онъ смирялъ
Сихъ хищныхъ и продерзскихъ тигровъ, —
Которые изъ мрачныхъ лывъ
Въ стадахъ суровыхъ исторгаясь
Рыстали по градамъ, — вертепамъ,
И похищали тьму добычь, —
Добычижъ — безоружны зайцы, —
Корысть ихъ — были смирны агнцы; —
Они не стригли ихъ руна;
Но цѣлу кожу отторгая,
Ихъ плоть дрожащу поядали.
И тѣмъ ихъ пажить оскверняли. —
Такъ зубы звѣрски здѣсь терзали,

Да обезчадится весь островъ.
Я не сказалъ бы ничего,
Какъ сынъ *Агари*, въ честь полнощи;
Но благородна власть ея
Всегда возметъ надъ югомъ право.—
Колико кратно бѣлый царь
Прощалъ сіи толпы продерски,
И исторгалъ изъ тѣсныхъ узъ
Зависимости раболѣпной,
И дарствовалъ имъ вольность?—чтожъ?
Неблагодарность и раздоръ
Еще *Стигійскую* главу
Изъ праха къ тверди поднималъ;
А крамола еще таилась
Во мрачности густой плевы.—
Ее расторгнуть надлежало,
Дабы опять не разродилась.
Тутъ горька казнь во всеоружьи
Отъ дальнихъ сѣверныхъ предѣловъ
На бурныхъ шествуетъ стопахъ.—
Почтенный старецъ,—*Долгоруковъ*,
Подъ тѣнію знаменъ священныхъ
Покрывъ свои сѣдины шлемомъ
Караетъ буйныя сердца;
Онъ старческу свою десницу
Воздвигнулъ , какъ десницу смерти;—
Тутъ мнилося, что сами *Звѣзды*

Спустясь въ горящихъ колесницахъ
На помощь орло-сердымъ *Россамъ*
Шли въ жаркій бой противу *Тавровъ*;
Тутъ съ ревомъ падалъ *Скиөскій Марсъ*;
Желѣзны зубы псовъ его
Отъ громовъ Росскихъ сокрушались,
А пламенныхъ коней копыта
На прагѣ смертномъ притуплялись;
Но то начало токмо было. —
Любимецъ щастья несравненный, (1)
Гремящей славы рѣдкій сынъ
Все то съ успѣхомъ совершаетъ. —
Его блистающая мышца
Не ино что, какъ мѣдянъ щитъ;
Направя молнію меча
Онъ бури грозны отвращаетъ,
Крамольниковъ уничижаетъ,
И полуостровъ осѣняетъ
Прохладной тѣнью крылъ орлиныхъ,
И именемъ Царицы славной
Весь наполняетъ *Херсонисъ*. —
А ты — великая въ Владыкахъ!
Низходишъ съ высоты престола,
Отъ моря шествуешъ до моря,
И взорами одушевляешь
Сіи долины и хребты,
Богоподобная Царица! —

(1) Покойный Кн. *Потемкинъ*.

Да будетъ тронъ Твой бого-лѣпенъ,
Покрытый половиной неба,
Имущій въ твердую подпору
Блестящихъ пятьдесятъ столповъ,
Имущій стражами всегда
Премудрость,—вѣрность—прозорливость!
Пускай въ единый край его
Аврора сыплетъ лучь алмазный
Тогда, какъ край другой его
Вечерне солнце озаряетъ:
Пусть третій полнощь облекаетъ
Межъ тѣмъ, когда четвертый край
Въ полуденномъ блистаетъ свѣтѣ;—
Да тако тронъ Твой вѣчно зритъ
Сіи четыре виды сутокъ
Превозвышаясь надъ семью
Зерцалами морей глубокихъ,
Стоя незыблемѣй, и тверже
Чѣмъ величавый *Чатыр-дагъ*,
Или *Кавказъ* покрытый свѣгомъ,
Иль сѣдо-главый *Верхо-туръ*?—
И кто Тебѣ противо-станетъ?—
Кто не признаетъ предержащей
Твоей высокой власти силу?
Тебѣ всегда щиты готовы;
Гора *Кавказска* и *Рифей*

Надвинутъ мѣдные хребты,
И зазвучатъ стопой желѣзной——
Но ахъ?—гдѣ сѣвера Царица?—
Во гробѣ;—лейтесь слезы скорби! ———
Но сынъ— —но сынъ Ея Великій
На тронѣ;———лейте нѣжны очи
Восторга радостнаго слезы!—
Объемлетъ Онъ *державу*;—радость
Полу-планету озаряетъ;
Пріемлетъ жезлъ правленья;—милость
Стремится чрезъ полупланету
Струей небесной въ мракъ темницъ,
Иль въ хижины заслугъ забвенныхъ;
Пріемлетъ мечь;—и правосудность,
Какъ молній лучь, туда прочзаетъ,
Гдѣ роскошь съ лѣностью гнѣздилась;——
Уходитъ роскошь;—бдитъ порядокъ;
Да будетъ Царь благословенъ!—

Уже теперь ни *Савроматъ*,
Ниже *Исмаила* сынъ буйный
Покоя здѣсь не поколеблетъ.—
Гдѣ древле *Херсонискій* градъ
На брегѣ процвѣталъ стремнистомъ,
Пучино-родный тамъ заливъ
Во внутренность бреговъ просѣкши
Глубокіе другіе потоки

Затишну пристань составляетъ
Для Росскихъ флотовъ ополченныхъ;
Тамъ исполины воскрыленны
Имущи семдесятъ гортаней
Подъ тѣнію навислыхъ камней
Безмолвствуютъ въ покоѣ мира;
Но въ брань торжественно ревутъ,
И роя ребрами валы
Рыгаютъ смерть изъ мѣдныхъ жерлъ;
Тогда зѣленые *Дріады*
Что были души *Брянскихъ* соснъ,
Или дубовъ *Днѣстровскихъ* твердыхъ,
Объемля сестръ своихъ *Наядъ*,
Сихъ душъ *Эвксинскихъ* черныхъ водъ,
Бѣгутъ, и пѣнятъ грозну бездну;
Бѣгутъ , и зыбію играя
Сѣкутъ упругую пучину
Провозглашая смерть врагамъ.—
Другіе громы отдыхаютъ
На высотѣ бреговъ понурныхъ;
Нѣтъ;—всѣ устремлены стоятъ
Черезъ пѣнисты черны волны
Противъ чела столицы гордой.
Колико-кратъ Орлы отважны
Терзали злобныхъ тѣхъ драконовъ,
Которы тщетно изторгаясь
Изъ тьмы *Ѳракійскихъ* мрачныхъ горъ,

И вьясь подъ орлими когтями
На воздухъ изливали ядъ? —
Чесма тѣ раны вспоминаетъ,
Что въ ней произвели они;
Едва успѣла ихъ забыть,
Какъ вдругъ опять подновлены
Среди *Эвксина* и на сушѣ.
Кому сей случай неизвѣстенъ,
Могли ль Срацыны устоять
Близъ *Меотійскаго* пролива?
Могли ль они подъ Аджибеемъ
Соблюсть пернатыхъ исполиновъ,
Какъ гналъ ихъ Россій ярый громъ
Стремясь изъ крѣпости крылатой,
Котора волны разсѣкала,
А подъ ребромъ ея дубовымъ
Бурливые валы завыли. —
Ни смуглы *Азіатски* вои,
Ни чада *Африки* кипящей,
Ни хищный мстительный *Алжирецъ*
Не защитилися отъ грома,
Которой Россы непрестанно
Безсмертнымъ лавромъ увивали. —
Лишь *Дакія* (1) какъ поле Марса,
Пожравши трупы *Агарянъ*,
И упоенна кровью ихъ

(1) *Молдавія*.

Тучнѣетъ токмо въ землелогахъ. —
Чего не дѣлалъ тамо мечь,
Когда верховны воеводы
Полночныхъ грозныхъ, стройныхъ силъ
Крутили въ пламенныхъ кругахъ
Свои ужасныя десницы,
Десницы яростной судьбы? —
Чего не дѣлали доселѣ
Безбрачны рыцари отважны
Фанагорїйскихъ береговъ?
Надѣясь, что *Воспорскїй* край
Оплотомъ полнымъ ополченъ,
Соединяся въ дружну рать
Вселяютъ ужасъ непрестанный
Въ восточные предѣлы понта,
Гдѣ прежде жили героини,
Подобно имъ, безбрачны дѣвы,
Гдѣ нынѣ звѣронравны сонмы
Гнѣздятся межъ гранитныхъ скалъ. —

По таковыхъ побѣдахъ громкихъ,
И при такихъ защитахъ твердыхъ
При сихъ стѣнахъ одушевленныхъ
Возможноль, что бы *Херсонисъ*
Не благоденствовалъ во вѣкъ? —
Все то, что замысломъ *Эллады*,
И *Генуи* трудолюбивой
Оживлено, и рождено,

И что бурливыми толпами
Сокрушено—умерщвлено,
Все возродится,—оживетъ, —
Конечно,—тамъ, гдѣ процвѣтаютъ
Аллїйски лѣторасли нѣжны,
Гельвеція вторая будетъ,
И миръ съ обиліемъ обнявшись
Лобзаться будутъ межъ собой;
Тогда въ блаженные дни мира
Миртиллу Дафниса не скажетъ:
,,*Миртиллъ*!— ахъ!—какъ ты посмуглѣлъ,
,,Столь долго бывши въ полѣ брани! —
,,О черная богиня брани!
,,Какъ нынѣ бѣлое лице
,,*Миртилла* моего любезна
,,Отъ солнца въ полѣ загорѣло?—
Но естьлибъ Росски Геркулесы
Одушевленные Минервой
Ступая на сіи хребты
Здѣсь лики водворили музъ,
И пресѣлили въ мирны сѣни
Столѣтни опыты *Европы*
На помощь медленной природѣ:
Тогда бы гордый *Чатыр-дагъ*
Меонїей прекрасной былъ;
Салгиръ чистѣйшей *Ипокреной*;
Тогда исполнился бы тотъ

Періодъ славный просвѣщенья,
О коемъ безподобный *ПЕТРЪ*
Пророчески провозвѣщалъ;—
Безсмертны бъ музы совершили
Столь дивно странствіе свое,
И *Элиптическій* свой путь
Скончали бъ тамъ, гдѣ начинали.—
Изъ знойнаго изшедъ *Египта*
Въ *Элладу*, на брега *Эгейски*,
И поселясь при гордомъ *Тибрѣ*,
Тамизѣ, *Тагѣ* и *Секванѣ*,
Дунаѣ, *Ренѣ* и *Невѣ*
Обратный путь бы возпріяли,
И возвратилися въ источникъ.—
Тогда бы новые *Омиры*,
Сократы мудры и *Платоны*
На горизонтъ наукъ взошли,
И потекли бы, какъ свѣтила,
По новому порядку лѣтъ,—
О—будь благословенна полночь!—
Вотъ,–что, какъ старецъ безпристрастный,
Я долженъ былъ сказать въ честь Россовъ!–
Но да почіютъ съ міромъ тѣни. – –
И мы,—и мы отыдемъ къ нимъ – – –
„О!—вѣнценосны Существа,—
„Парящіе въ сіи минуты
„Надъ спящимъ вашимъ прахомъ въ мирѣ!---

„Пребудте соприсущны *Музамъ*,
„Которы нѣкогда пріидутъ
„Въ сію обитель размышленья,
„И будутъ такъ, какъ вы, парить
„Торжественно на крыльяхъ мыслей
„Въ неизмѣримыя пространства,
„Гдѣ вы наслѣдье обрѣли! —
„Теперь простите! — — но и я
„Сей часъ, — иль завтра свижусь съ вами;
„Сей часъ, — иль завтра; — вѣчность! —
вѣчность! —
„О духи! — будте здѣсь присущи! —
„Приходитъ часъ сей. - - - тутъ умолкъ.
Умолкъ; — а кроткая *Камена*
Плѣненна сладкимъ гласомъ старца
Еще внимать въ то время чаетъ
Въ своемъ обвороженномъ слухѣ
Звѣнящій сладостный сей гласъ;
Но тутъ *Шерифъ* уже простился;
Отшелъ, — какъ Ангелъ посѣтитель. —
Камена будто нѣки видитъ
Подобны молніи черты
И буквы пламенны во мракѣ; —
Читаетъ ихъ, — и печатлѣетъ
Внутри своихъ кипящихъ персей;
Потомъ пріявъ цѣвницу нѣжну,
Которая досель молчала,

Провозглашаетъ пѣснь восторга.—
„Будь въ вѣкъ твое священно имя,
„Сынъ гласа!—гость пещеръ и горъ!
„Да снидутъ съ высоты скорѣе
„Сіи минуты вождѣленны,
„Какъ будемъ паки повторять
„Бесѣды будущія мудрыхъ,
„И громко возклицать вѣкамъ:—
Шерифъ съ *Мурзой* идетъ съ горы;—
Палящій зной остановляетъ
Свой ключь кипящій надъ главой.—
О черны облака спустите
Надъ ними тѣнь свою прохладну!—
Они идутъ;—*Шерифъ* въ пути
Вѣщаетъ своему питомцу:—
„*Мурза*!—щастливъ ты сей день будешъ;
Щастливъ на цѣлу жизнь твою.—

М у р з а.

„Благодарю я за желанье!—
„Но чѣмъ,— отецъ!—щастливъ я буду?

Ш е р и ф ъ.

„При нѣжной рѣчи пастуховъ
„О ихъ возлюбленныхъ особахъ
„Примѣтилъ я, что ты вздыхалъ,
„И не единый разъ вздыхалъ;—
„Признайся, сынъ мой!—кто такая,
„На кою цѣлитъ грудь твоя?—
„Ахъ!— не на *Цульму* ли?—ты мнѣ

„Объ ней вѣщалъ,—и много плакалъ;—
„По что краснѣешъ?

Мурза.

Ахъ!—отецъ! . . . .

Шерифъ.

„Я не виню твоей любви;
„Но радуюсь, что ты успѣлъ,
„Толь ранне чувство побѣдить,
„Исполня чувствіе къ святынѣ;
„Теперь не поздо быть щастливымъ;
„Ты любишъ *Цульму*;—сочетайся!—
„Какъ живъ я,—сочетайся съ ней!—
„Сынъ мой!—она тебя достойна.—
„Да будетъ брачный одръ покоенъ,
„Доколѣ смертнаго не узришъ!—
„Пока дышу еще;—съ тобой
„Я раздѣлю вечерню радость.—
Мурза во время сей бесѣды
Молчалъ,— краснѣлъ,—и воздыхалъ;
Но старецъ былъ великодушенъ;
„Пойдемъ,—вѣщалъ онъ,— въ тѣ поля,
„Гдѣ трудъ природы ожидаетъ
„Дождя небесной благостыни;
„Молися!—скоро съ тверди *Мекки*
„Сойдетъ роса на холмъ *Мурзы*!—
Такъ собесѣдуя въ пути
Шерифъ съ Мурзой сошелъ со утеса.—
Но благодарны пастухи

Отшельцовъ величая сихъ
И само эхо пробудили,
Которо пѣснь твердило ихъ.

1 *ПАСТУХЪ.*

,,Будь ввѣкъ благословенъ, сынъ неба,
,,Сынъ *Гурій* присноцвѣтущей!
,,Да поспѣшатъ съ седьмаго неба
,,Тѣ райскія минуты снити,
,,Какъ *бѣлаго Владыки* имя
,,На разныхъ языкахъ въ сихъ долахъ
,,Немолчно будетъ пѣто въ вѣки! —
,,А вы, — нѣмѣющія кости! —
,,Сокровища гробовъ печальны!
,,Невѣдомы останки тѣлъ! —
,,Дождитеся зари небесной,
,,Котора послѣ сновъ глубокихъ
,,Пробудитъ васъ; — потомъ востанетъ,
,,Какъ возсіяетъ новый міръ, —

ЭХО

Миръ - - -

2 *ПАСТУХЪ*

,,О вы, — оземлененны члены!
,,Чьибъ ни были? — *Омара? Шейха?*
,,Или ужаснаго *Мамая?* —
,,Пусть отдыхаете до дня,
,,До общаго всѣмъ дня суда,
,,Какъ въ свѣтъ одѣянный Пророкъ

„Васъ паки соберетъ изъ персти
„Подъ животворну ризы сѣнь!—
„Какая жь сѣнь?—иль нощи тѣнь?—

ЭХО

День. . .

1 ПАСТУХЪ.

„*Замбека*!—можноль здѣсь сказать?—
„*Замбека*!—ты живи еще! —
„Но естли нѣка есть печаль,—
„О! пусть она бѣжитъ далече!—
„И ты вздыхаешъ иногда:—
„Увы!—гдѣ свѣтъ безъ тусклой тѣни? ——
„Тогда возможно ли страшиться?—
„Тогда не смерть;—она лишь къ злымъ
„Во образѣ *Мегеры* сходитъ;—
„Но *Генiй* кроткiй,—свѣто-носный
„Возметъ тебя рукою нѣжной,
„И въ вѣчныхъ нѣдрахъ *Эмпирея*
„Твою печаль преложитъ въ нектаръ.—
„Тамъ,—тамъ на тихомъ лонѣ неба
„Тебя лелѣитъ будетъ миръ,
„Чтобъ ты забыла желчь и горечь,
„Что пилостраждущее сердце;—
„Ты внидешь въ млечный вертоградъ!—

ЭХО

Въ вѣчный градъ . . . .

2 *ПАСТУХЪ*

„*Сульмена*!—ты еще должна
„Щастливой жизнью наслаждаться; —
„Но ежелибъ какая горесть
„Стѣсняла бѣлу грудь твою: —
„О!— да не будетъ сей тиранки!—
„То ты должна ли унывать,
„Когда не смерть,—но тихій *Ингъ* (1)
„Возметъ тебя за бѣлу руку,
„И ризу *Гурій* надѣнетъ
„На плеча мраморны твои.—
„Тамъ,—на седьмой степени неба
„Всѣ горести,—какъ ты избранной
„Наперсницей пророка будешь—,

ЕХО

Забудешъ.

„О сынъ *Афетовъ*!—онъ примолвилъ,—
„Уже отселѣ скрылся старецъ.—
„Пойдемъ!—оставимъ мѣсто страшно!
„Уже довольно прохладились
„Подъ свѣсомъ сихъ студеныхъ сводовъ,
„Гдѣ тѣнь глубокая густѣетъ
„Въ отсутствіи отъ солнца вѣчномъ. —
„Стада насъ ждутъ;-бери свой посохъ!-
„Вотъ лѣствица!—ужели жаръ—

ЕХО

Досѣле яръ!—

---

(1) *Ингъ* у Маговъ Ангелъ.

Сказалъ, — и вышелъ изъ пещеры;
За нимъ послѣдовалъ сопутникъ; —
Лишь *эхо* ихъ твердитъ шаги; —
Но я, — я долго бъ пробылъ здѣсь. —
Ступайте вы, — *Агари* чада! —
Здѣсь хладенъ мракъ сгущенный; — правда;
Но онъ торжественъ и священъ; —
Люблю чертогъ небесныхъ мыслей,
И глубину уединенья. —
Межь тѣмъ, какъ я здѣсь размышляю,
Вдругъ мелькъ! - - - какой сребристый лучь
Блеснулъ въ отверстіе пещеры,
И въ воздухѣ дрогнувъ трикраты
Кривой разсѣкъ тьму полосой,
И обнажилъ пещерны гробы; —
Еще лучь велькъ! - - - потомъ въ глуши
Ревъ нѣкій низомъ пророптал ъ,
Потрясъ весь воздухъ; — вдругъ въ стѣнахъ
Толпы слѣпыхъ нетопырей
Встрепенулись — запорхали; —
Что ихъ полетъ стремитъ? —

ЭХО!

Гремитъ! —

СОДЕРЖАНІЕ.

Гроза надъ Таврическими горами;—разныя перемѣны во время ея;—молнія и громъ;—надежда Таврическихъ Евреевъ при семъ,—мольба къ небесному судіѣ —многократное повтореніе громовыхъ ударовъ, и блистаніе;—воспоминаніе Рихмана, *убитомъ отъ грома;—бесѣдованіе при семъ* Ломоносова;— *дождь и буря; повалъ хлѣба на пашнѣ,—плачь крестьянина при семъ;—перемѣны на морѣ; — отшествіе грозы,—дѣйствіе остальныхъ тучь между горами; — радуга; — оживленіе растѣній.—радость животныхъ.—*

Гремитъ;—отколѣ важный гласъ?—
Изъ коей дальней тверди ревъ
Сюда въ глухихъ несется гулахъ?—
Отколѣ вѣсть небесна мчится?—

Возлюблена моя *Камена!*—
Трепещетъ ли твоя здѣсь арфа?—
Ахъ!—ты робѣешь въ грозный часъ
Повѣдать торжество небесъ!—
Почто же такъ?—пусть нова нощь
Надъ сими свѣсившись горами

Покровъ свой черный развиваетъ!—
Ужасна нощь,—но лучшій часъ
Для возвышенныхъ чувствъ и мыслей!—

Зри!—какъ тамъ дикій паръ сизѣетъ,
И стелется между горами!—
Зри!—тамъ еще ужасна мгла
Надъ той синѣющей дубравой
Растетъ,—густѣетъ,—выспрь идетъ!—
Се тотъ зловредный прахъ клубится,
Который зноемъ извлеченъ
Изъ сокровеннѣйшихъ одровъ,
Гдѣ тайны руды спятъ во маркѣ,
Гдѣ воздухъ тайный, смертоносный
Облегши темны минералы
Въ покоѣ роковомъ виситъ,
И ждетъ путей, чтобъ вспыхнуть съ тре-
скомъ! —
Се ключь,—отколѣ прахъ изходитъ! —
Онъ къ тѣмю сихъ хребтовъ влечется,—
Сокрытый пламень заключая,
Ссѣдается, — тучнѣетъ— вьется, —
И ликъ свѣтила закрывая
Сіянье помрачаетъ дня. —

Въ сей грозной, безобразной тучѣ
И самый мракъ чермнѣетъ, рдѣетъ
Сокрывъ въ себѣ источникъ бѣдствій.

Сія ужасная громада
Зѳирнымъ споромъ раздраженна
Въ бурливыхъ вихряхъ брань вжигаетъ.
Летятъ противны вѣтры въ тверди,
Спираютъ тучи межь собою ;
Но долу все еще спокойно;
Безмолвье мрачно, роковое
Въ юдоли царствуетъ плачевной ;
Лишъ въ тощихъ, шумныхъ камышахъ
Мнѣ чудится въ сей страшный часъ
Органный нѣкій тихій звукъ. —
Зефиры грозныхъ бурь трепеща,
И зыбля сѣтчатые крылья
Лишь только шепчутъ межъ собой,
И крылышкомъ коснувшись струнъ
Чинятъ въ моей звонъ нѣкій арфѣ ;
Лишь только слышенъ дикій стонъ
Изъ сердца изходящій горъ,
Предтеча вѣрный сильной бури.
Онъ долу съ ропотомъ катяся
Безъ вѣтру горны рощи ломитъ;
Безъ вѣтру листвія щепечутъ
На вѣтвяхъ тополовъ высокихъ. —
Зри тамъ! — въ дали; — въ долинѣ Илемъ
Въ близи *Салгирскаго* протока
Не престаетъ предъ гласомъ неба
Со страхомъ нѣкимъ преклоняться! —

Сей стонъ пронзаетъ черный понтъ,
Мутитъ съ песками темну бездну. —
Стада делфиновъ выпрядаютъ
Изъ подъ чернѣющихъ зыбей;
Въ волнахъ, какъ въ шаткихъ колыбеляхъ,
Играютъ, прыгаютъ, ныряютъ;
Ключи воды соленой бьются
Изъ водометныхъ ихъ ноздрей;
Вокругъ колеблемыхъ судовъ
Они рѣзвяся предвѣщаютъ
Пришествіе грозы ужасной. —
Вдругъ съ страшнымъ шумомъ пыль воз-
двигшись
То клубомъ, то крутымъ столбомъ,
То легкой нѣкой сѣрой тучей
И степь и стогны поглощаетъ;
Летятъ разметанны скирды
Крутясь на крыльяхъ *урагана*. —
Нещастный путникъ цепенѣетъ,
И въ пыльномъ вихрѣ задыхаясь,
Въ лощину перву повергаясь
Глаза руками зажимаетъ,
Насильны слезы отираетъ,
И ждетъ, какъ небо прояснится. —

Въ утробѣ мѣльницъ возвышенныхъ
Стоящихъ гордо надъ пустыней
Гремитъ Механика сильнѣе,

И плодъ *Цереры* превращаетъ
Мгновенно въ мѣлку снѣжну пыль;
Тамъ жерновъ средь колесъ ревущій
Вертится быстро,—мещетъ искры;
Отвѣслы ихъ крылѣ широки
Отъ напряженья бурныхъ вихрей
Быстрѣйшей силою крутятъ
Горизонтальный оборотъ.

Воздушны жители слетаютъ
Стремглавъ въ глубокія юдоли;
Ихъ быстрому полету крыльевъ
попутны вѣтры помогаютъ.
Едва буре-любивый вранъ
Тогда дерзаетъ воспарять
Среди сумраковъ неизвѣстныхъ.
Стада остановляясь въ страхѣ
Слезами очи окропленны
На гнѣвны мещутъ небеса. —
Блѣднѣющіе пастухи
Покрыты молніи кругами
Бѣгутъ, накинувши на плеча
Убого рубище свое,
Въ ближайшу кущу опрометомъ;
Но естли же ее находятъ
Наполненную пастухами:
То подъ навислостью скалы
Покрова ищутъ для себя.

И я, — я также уклонюсь
Подъ сей камнистый, грозный свѣсъ,
И буду ожидать чудесъ. —
Се! — тамъ въ окрестностяхъ селенья
Шумъ раздается вѣщихъ птицъ, —
То *гоготъ* гуся, то *Крикъ* врана!
Се! — пѣтелъ громко возглашаетъ!
Конечно сей печальный вѣстникъ
Оборотясь къ странѣ грозы
Провозвѣщаетъ неба гнѣвъ
И слезный часъ страданья твари!
Се! — пѣтелъ повторяетъ вѣсть! —
Конечно — между силъ небесныхъ
Совѣтъ ужасный заключенъ,
Чтобъ бури съ громомъ покатить
Подъ рдянымъ трономъ *Іеговы*. —
Все, — все теперь недоумѣетъ,
Дрожитъ, — препещетъ, — и нѣмѣетъ;
Но вдругъ внезапный быстрый блескъ
Сверкнулъ, — и дальній югъ разсѣкъ. —
Чѣмъ гуще мракъ; — тѣмъ блескъ ярчѣе.
Не таково ли свѣтоносно
Есть царство горнихъ Херувимовъ? —
Не се ли тотъ блестящій мигъ,
Что мещетъ въ дольній міръ въ Эѳира
Всевидящее страшно око! —
Но ахъ! — въ одно ли мѣсто мещетъ!
Нѣтъ; — тамъ, и здѣсь — съ преди, и съ тылу,

Иль вдругъ во кругъ меня обьемлетъ; —
Кудажь теперь бѣжишь? — нещастный!
Куда укроешься отъ ока,
Которо въ молніяхъ блистая
Тебя преслѣдуетъ повсюду? —
Чу! — тамъ гремитъ, — гремитъ протяжно! —
Какіе бурные колеса
Ревутъ по сводамъ разкаленнымъ?
Не тьма ли молотовъ колотитъ
Въ горнилахъ *тверди* углубленныхъ?
Или теперь природа страждетъ,
Или грядетъ судья вселенной
Съ своимъ лицемъ молніе-зрачнымъ? —
  О *Караибы*! — вы кого
При храминахъ отверстыхъ ждете? —
Тоголь, что въ молніяхъ багряныхъ,
И въ громахъ отъ страны восточной
На вашъ камнистый снидетъ холмъ, (1)
И въ вашемъ шумномъ Синагогѣ
Откроетъ вамъ въ себѣ *Мессїю*,
Который возвратитъ *Салимъ*
И Соломоново блаженство? —
Сего! — такъ это Царь отъ міра; —
А сей есть судія небесъ,

---

(1) Джуфутъ Кале, селеніе такъ называемое, построенное на одной высокой горѣ въ Тавріи близъ Бахчи-сарая, гдѣ живутъ Жиды.

Которой ваше заблужденье
Единой молніи чертой
Довлѣетъ въ мигъ единъ разсѣчь —

„Ужасенъ гласъ твой — Судія!
„Глаголъ Твой дольній міръ колеблетъ. —
„Тебѣ предьидетъ огнь и пламень,
„А тракъ и буря за тобою:
„Ты въ ужасы сіи одѣянъ
„На вѣтреныхъ крылахъ несешься;
„Какой же приговоръ, — о Боже!
„Ты робкимъ тварямъ изречешъ,
„Симъ червямъ немощнымъ, и слабымъ?
„Уже ли Ты — небесный Отче,
„Который потрясаешъ сферы,
„Колеблешъ словомъ твердь безмѣрну,
„Котораго единый взоръ
„Средь самой чистоты души,
„Провидитъ черноту сокрыту,
„Но что? — въ святомъ зритъ существѣ
„Духовъ шестокрылатыхъ тьму? —
„Ужель перуны устремишъ,
„Въ пылинки малы оживленны
„Твоей любовью безконечной,
„На коихъ Ты среди перуновъ
„Осклабленнымъ лицемъ взираешъ? —
„Нѣтъ; — паче громовымъ ударомъ
„Ты разсѣкаешъ гордый дубъ,

„Чѣмъ нѣжный и смиренный миртъ.
„Ахъ! горделивый человѣкъ!
„Ты, что одѣянъ въ власть пустую,
„Совсѣмъ не знающій того,
„О чемъ ты болѣе увѣренъ,
„Ты, что передъ лицемъ небесъ
„Подобно какъ *Урангъ Утангъ* (1)
„Тщетою токмо раздраженный
„Мечты пустые представляешъ,
„Что Ангеловъ приводятъ въ слезы,
„Страшись пылающей десницы!
„Сей гласъ ревущій въ черной тучѣ
„Гремитъ для строптныхъ сердецъ,
„И въ нихъ вселяетъ блѣдный трепетъ;
„Тебѣ же — о душа невинна!
„Языкомъ кроткимъ серафима
„Миръ—тихій миръ средь бури шепчетъ;
„Душа!—не содрогайся въ бурѣ!—
„Содрогнется ли тотъ, кто чистъ?
„Подвигнется ли тотъ, кто правъ?
„Хотябъ ревуща пала твердь
„Въ развалинны вселенной дымны;
„Сей духъ не устрашимъ пребудетъ.—
„О!—пощади тогда меня,
„Неизреченный судія!

---

(1) Родъ большей обезьяны совсѣмъ похожей на человѣка.

„Се! робки преклоня колѣна,
„И съ томнымъ содроганьемъ сердца
„Лобзаю ризы Твоея
„Воскряія огнеобразны!—
„Я трепещу звучать на арфѣ.—
„Но Ты позволь хотя съ дрожаньемъ
„Взыграть на арфѣ важну пѣснь.

Еще черта мелькаетъ сиза;
Едва мелькнетъ;— зіяетъ туча,
И вдругъ сжимается опять;
Сжимается;—зіяетъ паки
И протягается объемлясь
Огнепалящимъ всюду моремъ.—
Уже отъ ската *Чаты-рдага*,
И отъ другихъ стремнистыхъ горъ
Къ сосѣднимъ скатамъ стукъ отдавшись,
И многократно отражаясь
Не смѣтны дѣлаетъ углы
Въ своихъ быстротекущихъ звукахъ.—
Чу!—гулъ трoякій—пятеричный!
Онъ подлинный перуна гласъ
Твердитъ въ твердыняхъ долго - - - долго.—
Всѣ звуки мѣди въ дольнемъ мірѣ
Совокупленные въ едино
Противъ него—лишь суть жужжанье.

Еще блеститъ,—еще гремитъ; — —
Блеститъ второй и третій разъ,
Гремитъ второй и третій разъ.—
Свѣтъ раздираетъ кровы мрака;
Громъ давитъ долу робкій міръ.
Вдругъ твердь трещитъ, —и вдругъ изъ твердии
Слетѣлъ стремглавъ смертельный блескъ;
Въ тьмѣ выстрѣловъ сей рѣзкій трескъ
Разсыпался надъ головой.—
Преступники дрожатъ,—блѣднѣютъ
Отъ блѣдной молніи низпадшей,
Отъ грозныхъ гласовъ *Судіи*;—
Но ахъ!—всегдаль ударъ его
Прицѣленъ на чело злодѣя?—
Коликократъ не осторожна
Невинность гибла отъ удара?
Нещастный *Рихманъ*!—пусть моя
Слеза на мшистый гробъ твой канетъ!

Давно *Уранія* рыдаетъ
О бѣдномъ семъ своемъ питомцѣ.
Тажь самая эѳирна сила,
Которой въ царство онъ входилъ
Съ отвагой рѣдкой мудреца,
Его похитила къ себѣ.—
Природа, мнится, клавъ его
Въ младенческую колыбель

Еще въ то время усумнилась
О слезномъ бытiи его.
Лишь усумнилась;—Парка хитра
Сокрылася въ желѣзномъ прутѣ. (1)
Но *Ломоносовъ*,—другъ его
Не такъ не щастливъ былъ тогда,
Какъ въ смѣломъ опытѣ того
Судьба свое скрывала жало,
И токмо шага ожидала;—
Онъ самый жребiй превозмогъ:—
Прошедъ онъ философскiй мiръ
Достигъ святилища природы.—
Не многiе предѣлы крылись
Въ безмѣрной области наукъ
Отъ взоровъ пламенныхъ его.—
Ахъ!—какъ онъ въ сердцѣ восхищался
При испытанiи эѳира,
Когда шипящiе лучи
Одѣянны въ цвѣты различны
Скакали съ трескомъ изъ металла?
„Скоръ быстрый шагъ бѣгущихъ вѣтровъ;
Такъ онъ въ то время разсуждалъ,
„Еще быстрѣе вѣтръ эѳирный!
„Онъ бывъ отъ точки отраженъ,

---

(1) Извѣстно, что Г. Рихманъ, Професоръ Санктпетерской Академiи, убитъ громомъ при испытанiи Электрической силы.

„И быстро преносясь по тверди
„Летитъ мгновенно въ точку зрѣнья:
„Но звукъ эѳирнымъ вѣтромъ данный
„Подобно какъ бы лучь звѣнящій
„Слои воздушны потрясая,
„И далѣ кругъ свой разширяя
„Слабѣйшимъ шагомъ въ слухъ течетъ.—
„Смотри!—сверкнулъ эѳирный лучь;—
„Смотри!—какъ сребренъ вихрь крутится
„Зміеобразною чертой!
„Съ какой чудесной быстротой
„Стремится въ жидку часть изъ сжатой?
„Здѣсь онъ въ стремленіи шумитъ,
„Шипитъ — трещитъ,—и твердь сѣчетъ;
„А гласъ далекъ;—приходитъ поздо.
„Уже гроза на крыльяхъ вѣтра
„Сюда сокрытый пламень мчитъ,
„Который скоро покоритъ
„Себѣ дрожащій здѣшній воздухъ.
„Перунъ чертится полосами
„По растяженнымъ чернымъ сводамъ;
„Се! сто небесныхъ тяжкихъ млатовъ
„Готовы свой удвоить стукъ! —
Такъ мыслилъ сѣверный мудрецъ;
Вдругъ грянулъ громъ;— а ты,
О неизслѣдны небеса! —
А ты, достойный плача *Рихманъ*,
Печальной опыта сталъ жертвой!

Потрясся тутъ, вострепеталъ
Сердо—болящій *Ломоносовъ* (1)
Узря бездушнаго тебя. —
Философъ долго былъ въ безмолвьи:
Потомъ онъ тако возопилъ :
„Громъ грянулъ;—нѣтъ на свѣтѣ друга!—
„Какъ палъ почтенный мой герой,
„Герой премудрости, природы?—
„Уже ли онъ поверженъ тако?
„Немилосердая судьба!
„Какая мстительная зависть
„Тебя сей часъ вооружила
„Толико гибельнымъ кинжаломъ,
„Чтобъ юный опытъ погубить
„Въ зародышѣ еще лишь нѣжномъ?
„Или согласнѣе казалось
„Давить Алкида въ колыбели?
„Да;—въ мудромъ зришь всегда *Алкида;*
„Но возмужалы мудрецы
„Какъ на тебя, Мегера, смотрятъ?—
„Съ усмѣшкой—съ безмятежнымъ духомъ—
„Страшился ли тебя *Франклинъ*,
„Иль тонкій *Мушенброкъ*, и *Эйлеръ*,
„Какъ тайный океанъ эѳира
„Разлитый въ глубинѣ природы

(1) См. письмо г. Ломоносова о изслѣдованіи громовой силы и участи Профессора Рихмана.

„Съ отважной грудью измѣряли?
„Нѣтъ;--духъ ихъ столь же страшенъ былъ,
„Какъ сей же самый вихрь эѳира.—
„Они открыли входъ безвѣстной
„Въ сей тонкій океанъ эѳирный,
„И вѣрный дали намъ компасъ,
„Чтобъ истинныхъ стезей держаться,
„И править тонкой силой сей.
„Вотще безумецъ вопіетъ
„Противу мудрыхъ покушеній;
„Вотще слѣпецъ сей нарицаетъ
„Продерзкимъ и безбожнымъ дѣломъ
„Багряну Зевсову десницу
„удерживать среди ударовъ.
„Но ахъ! когда надежда наша
„Еще построждетъ въ пеленахъ:
„То горе!—юна дщерь небесъ!
„Уранія любезна — горе! —
„Но я уже позабываюсь,
„Что воздыхаю при тебѣ,
„Моя Божественная муза!
„Предвижу, что разсѣешь скоро
„Отчаяніе наше мрачно,
„И въ пламенѣющіе духи
„Вліешь бальзамъ надежды сладкой.—
„Доколѣ дышутъ мудрыхъ сонмы:
„Ты будешь въ зрѣлость приводить
„Разцвѣтши опыты сіи,
„И будешь разверзать ядро

„Сокрытое въ густой корѣ;
„Но *Рихмана* на свѣтѣ нѣтъ! —
„Здѣсь прахъ его лежитъ бездушенъ;
„Здѣсь драгоцѣнные остатки,
„Гдѣ нѣкогда былъ духъ эѳирный! —
„Я въ немъ лишился друга,—друга,
„Жреца священныя натуры.—
„Кто паки воззоветъ духъ жизни
„Въ обитель прежнюю его?
„Кто мнѣ сопутствовать дерзнетъ
„По страшной глубинѣ познаній?
„Кто мнѣ подастъ благую руку
„Тогда, какъ буду погрязать
„Еще не въ вымѣренной безднѣ,
„Или скользить по длинной цѣпи,
„Которая ведетъ отъ червя
„До пламеннаго Серафима?—
„Его на свѣтѣ больше нѣтъ.—
„О!—пусть сіи горячи капли;—
„Послѣдня жертва нѣжной дружбы—
„Его останки оросятъ,
„И нѣкогда на мрачномъ гробѣ
„Взрастятъ печальны Гіацинты! (1)

---

(1) Баснословы говорятъ, что Гіацинтъ являетъ на листахъ своихъ буквы начертанные горестію Аполлона. Ибо сей Богъ нечаянно убилъ Гіацинта, изъ крови коего выросъ цвѣточикъ подъ симъ именемъ со изображеніемъ въ составѣ жилочекъ

„Тогда,—тогда плачевны музы
„На камнѣ сядутъ надъ могилой,
„Пожмутъ другъ другу нѣжны персты,
„И всплакавъ, скажутъ!—*Ахъ!*—*Какъ жаль!*—

Такъ сѣверный мудрецъ вѣщалъ,
Мудрецъ съ состраждущей душей;
Вздохнулъ,—и опытъ продолжалъ;—
Высокій духъ не содрогнулся
Отъ грозной ярости судьбы.—

Ужель такой же рокъ постигнетъ
И здѣсь кого въ сей мрачный часъ?—
Небесны силы!—удержите
Сію гремящую десницу!—
Вдругъ дождь шумящій съ градомъ
Стуча по звучнымъ скатамъ горъ
Потопомъ цѣлымъ ниспадаетъ
Изъ нѣдръ разверстыхъ облаковъ.
Крутятся вихри дождевые
Средь бурь бушующихъ на небѣ.
Взвиваются отъ твердыхъ скатовъ
Сѣдые брызги легкимъ дымомъ.
Уже отъ влаги всѣ потускли
Вершины мѣловыхъ хребтовъ,
А въ селахъ низки кровли хижинъ,

горестнаго восклицанія чрезъ Греческое междометіе которое, значитъ: Увы! Увы!

И пыльны стогны покровенны
Шумящими вездѣ ручьями.
Но пламенникѣ не укротимый
Среди дождей еще не гаснетѣ,
И новы силы напрягая
Мелькаетѣ ярко надѣ пустыней.—
Блѣднѣютѣ чресла облаковѣ
Отѣ краснаго лица огней:
Блѣднѣютѣ бедра горѣ камнистыхѣ
Покрытые до половины
Спустившимися облаками,
И пламенѣетѣ дождь косой
Лiющiйся вѣ холмы пустынны.—
Сiи небесные мечи
То разсѣкаютѣ missing мракѣ змiей,
То разсыпаются звѣздами,
То вьются гибкой полосой,
То вѣ образѣ вождей (1) огнистыхѣ,
Иль пламеннаго водопада
Вѣ пустыню низпадаютѣ вдругѣ.—
Но громѣ кругомѣ перебѣгая
Подобно разкаленнымѣ ядрамѣ,
И всюду вѣ силахѣ раздѣлясь
Зарницей рдяной освѣщаетѣ
Вершины горды *Чатыр-дага*,
Или огнями опаляетѣ
Чело космато *Агермыша*.

---

(1) Тоже, что по просту, вожжи.

Се! тамъ высокая раина,
А здѣсь твердо—коренный дубъ;
Тамъ букъ развѣсистый, печальный;
А здѣсь приморска темна сосна
Перуномъ боевымъ Зевеса
Отторженны отъ твердыхъ скалъ
Разчепленны, иль обнаженны
Какъ голы остовы стоятъ!
Лишъ ясени одни врачебны,
Артышъ пахучій, красно-тѣлый,
Сребристый тополь, тисъ зубчатый,
Одни безвредно зѣленѣютъ.
Подъ ними ландыши, подлѣски
Слезятся,—но цвѣтутъ спокойно;
Лишь вѣтръ головки наклонилъ. —
Стада бывъ встрѣчены грозою
Въ оцѣпенѣній простерты
Лежатъ, какъ нѣкій сонмъ бездушный;
Сребристо-рунны кротки агнцы
Въ своемъ невинномъ, мнится, взорѣ
Еще живѣютъ,—размышляютъ.
Верблюдъ дву-холмный, изумленный
Стоитъ колѣна преклонивъ;
А грозный быкъ, и страшный буй-волъ
Лищь морщатъ дикое чело.

Кто здѣсь не можетъ содрогнуться
Подъ шумомъ молній смертоносныхъ?—

Гдѣ?—гдѣ моя *Зарена* нѣжна?—
Зарена!—какъ ужасно видѣть
Во гнѣвѣ горни небеса
И страждущее естество?—
Когдабъ ты здѣсь со мною бывъ
Внимала ревъ трубы небесной,
При звукѣ коей и *Камена*
Принуждена дрожа,—молчать:
Могла ли бъ ты сидѣть здѣсь долго?
Твой ликъ смеркался бы, какъ небо,
А взоръ дождямъ симъ подражалъ;—
Зря слезы агнцовъ возмущенныхъ,
Зря блѣдныхъ пастуховъ бѣгущихъ
Подъ сгибами перуновъ быстрыхъ,
И зря паденье нивъ и древъ,
Ахъ!—какъ бы ты тогда смутилась,
Заплакала, ... и скрыла слезы!—
Но я тогда бъ тебѣ сказалъ;—
Зарена!—ахъ!—и ты здѣсь плачешь!
Ты плачешь, какъ ключи кипятъ,
Слезишься, какъ жемчугъ катится;
Поди, *Зарена*, въ тотъ шалашъ!—
Стихій буйныя бунтуя
Еще въ смятеньи раздираютъ
И твердь, и дольній міръ, и тартаръ;
Укрой себя отъ гнѣва неба!—
Поди, *Зарьна*, въ тотъ шалашь!—
Укройся отъ бѣгущихъ бурь!—

Но что оратай ощущаетъ
Живущій на брегахъ *Салгира*
Тогда, какъ видитъ онъ во страхѣ,
Что туче-носна буря губитъ
Трудъ стоившій толикихъ вздоховъ?
Ахъ!—то его лишь сердце скажетъ.— —
Лишь только буря засвистала:
То мягка нива ницъ легла
Вершинки нѣжны злато-класны
Пшеницы блѣдной всѣ упали.
Онъ зритъ; и зракъ свой отвращаетъ;— —
Съ небесъ шумливый дождь ліется;
Изъ глазъ его токъ слезъ катится;
Изъ горъ со свистомъ буря дуетъ;
Изъ груди тяжкой вздохъ изходитъ.
„Чѣмъ?—правосудный нашъ создатель!
Въ слезахъ взываетъ онъ тогда,
„Чѣмъ ты толико раздраженъ?
„Что днесь послѣднюю отъ-емлешъ
„Подпору нашу бытія!—
„Се!—жертва падша подъ рукой
„Твоей небесной бури нынѣ!
„Возстанетъ ли она?—когдажъ!—
„Нѣтъ;—корень въ жертвѣ преломленъ;
„Нѣтъ;—не востанетъ никогда.—
„Тебѣ угодна, видно, Боже!
„Сія нещастна жертва нивы.

,,О неиспытанны судьбы!
,,Воистинну толика буря
,,Ни что, какъ лишь Твоя десница,
,,Котора хощетъ наказать
,,Межь нами скрытаго злодѣя.
,,Гдѣ сей преступникъ, что грѣхами
,,Разгнѣвалъ сильно Божество,
,,И насъ подвергнулъ той же долѣ,
,,Какой лишь онъ единъ достоинъ?
,,Гдѣ онъ?—пусть мщеніе небесно
,,Низвергнется въ преступно сердце!
,,О сердце-вѣдецъ!—что я рекъ!—
,,Мнѣ сердце возклицать велитъ:
Великъ въ уликѣ всѣхъ ты золъ,
Великъ и въ ликѣ благостыни!—
,,Незнаемъ ли, небесный Отче,
,,Что Ты насущный хлѣбъ даешь?
,,Что Ты тѣ долги намъ прощаешь,
,,Которыми насъ обязуешъ.
,,Кто—Боже! кто изъ земнородныхъ
,,Не препинается о камень?
,,Гдѣ злакъ безъ плеveловъ бываетъ?—
,,Святѣйшій часто упадаетъ.——
,,Сотрудники!—не воздыхайте!
,,Преклоньте вы со мной колѣна!
,,Пролейте слезную мольбу
,,Къ тому, который въ бурномъ вихрѣ

„Грядетъ сей часъ надъ нашей нивой!
„Онъ милостивъ;—Онъ наградитъ
„Потерю, недостатка матерь.—
Такъ сельскій старецъ вопіетъ,
И слезы градомъ испускаетъ.

По всюду буря перемѣны
Творитъ въ сію минуту новы.—
Пусть токмо обращу я взоръ
На треволненіе *Эвксина!*
Валы стремятся другъ за другомъ
Напружа выи горделивы.—
Девятый валъ хребтомъ горы
Напыщившись валитъ изъ бездны,
И прочи зѣвомъ поглощаетъ; —
Нахлынувъ на пещаный брегъ
Взбѣгаетъ— пѣнится, —реветъ,
И на далеко растоянье
Растлавшись полотномъ сѣдымъ
Разится ѡ подошву горъ;
Тутъ взвивъ онъ новый дождь дугами
Назадъ сѣдой тылъ обращаетъ,
Пески и камни похищаетъ;
Но вдругъ встрѣчаетъ валъ другой;
Здѣсь страшну должно зрѣть картину;
Они сцѣпяся съ равной силой
Спираются— ревутъ,—клокочутъ,
И виды чужды представляютъ.—

Гдѣ, мнится, естество грозитъ
Въ возможны ужасы одѣто,
Тамъ рѣзвится оно,—играетъ.
Я зрю, что съ ихъ обѣихъ странъ
Прозрачные выходятъ своды,
Или разсыпчивы навѣсы,
Или лазорные снопы,
Растутъ,— и вдругъ опять падутъ.
Но тамъ,— на лонѣ волнъ носясь
Корабль,— какъ легкая кора,—
Стократно черпаетъ, и пьетъ
Закраинами горьку бездну;
Тамъ отроки цѣпляясь крѣпко
Бѣгутъ то въ низъ, то въ верхъ по вервямъ
Главой касаясь волнъ гребнямъ.—
Отъ ужасовъ такихъ ревущихъ,
Мнѣ мнится,— смерть сама бъ проснулась;
Но отроки сіи отважны
Иль спятъ спокойно,— иль играютъ,
Надеждой усыпленны въ буряхъ.

Свирѣпая гроза проходитъ;— —
Далече слышенъ ревъ ея;
Разсѣянные облака
Бывъ легче бродятъ, какъ стада,
Не стройно по лицу небесъ.
Но нѣкіе послѣдню влагу

Туманомъ долу низпускаютъ.
Одинъ изъ нихъ сюда влечется
Чреватый тягостною влагой.
Уже столь низко тяготѣя
Готовъ онъ скоро ницъ упасть;
Онъ поясъ горъ лишъ обнимаетъ,
Но ихъ главы не досязаетъ. —
Я здѣсь—въ семъ облакѣ сижу,
И мнится,— въ влагѣ утопаю.
Вся нижня часть хребтовъ покрыта
Съ ихъ рощами туманной влагой.
Сей голый каменный отрогъ
Отъ мокрой густоты темнѣетъ;
Но бѣлая глава его
Въ вѣнцѣ сіяетъ свѣтозарномъ;
Лишь жадный взоръ сквозь дождь свистящій
Съ вѣнца разсыпчивый лучь ловитъ. —
Мнѣ мнится,—зрю вокругъ себя
Дождливу, иль туманну осень;
Но сквозь сію ползущу осень
Зрю надъ собой возшедше лѣто. —
Полночный вѣтръ отъ сна воставши
Для очищенья мрачной тверди
Остатокъ гонитъ низкой тучи;
Изъ урны пасмурной ея
Послѣдни капли изливаетъ,
Которы въ ней еще скрывались. —

Уже къ хребту она валится;
Хребетъ остановляетъ урну;
Она упора не терпя
Тогда, какъ часъ уже приспѣлъ
Низвергнуть долу влажно бремя,
Рѣкою дождь свой источаетъ.
Какая здѣсь игра природы! —
Тогда, какъ въ сей странѣ скалы
Господствуетъ и дождь и мракъ,
По ту страну блистаетъ солнце,
И зной кипящій паритъ воздухъ;
Одна стѣна лишь отдѣляетъ
Отъ темной нощи ясный день,
Отъ осени горяще лѣто.—

Но зрѣлище уже свершилось.—
Лишь рѣдки капли краплютъ съ кровли
Пустынной хижины на землю.
Пространна твердь чистѣйшимъ сводомъ
Надъ тихимъ полемъ воздымаясь
Эмаль лазорну представляетъ.
Омытый фебъ спустясь съ полденъ
Въ эмаль лучи косые мещетъ
Съ своихъ пылающихъ колесъ.
Се!—радости прекрасный поясъ
Семью цвѣтами изпещренный
Въ завѣтъ погибели минувшей
Препоясуетъ тѣ равнины,

Которыя еще по бурѣ
Во влагѣ моются кристальной. —
Тамъ узорочная *Ирида*
Алмазны зерна въ тишинѣ. —
На стебли прозябеній нижетъ
Здѣсь! — остроумный *Ломоносовъ!*
Списатель таинствъ естества!
Сіи разтопленные тучи
Влечась противъ лица свѣтила
Тебѣ въ дождяхъ явили призму,
И въ поясѣ желто-зѣленомъ
Тѣ показали нити свѣта,
Которыхъ седмеричны роды
Ты столько тщился развязать.
  Теперь природа оживленна
Послѣ страданья отдыхаетъ,
И осклабляется въ покоѣ. —
Колико ни былъ страшенъ вѣтръ,
Но онъ развѣялъ мглу густую;
А сила тонкаго эѳира
Столь часто разсѣкая твердь
Сожгла тлетворныя пары,
Что разстилались надъ горами,
Надъ блатнымъ тростникомъ зловоннымъ
И надъ *Сивашскими* водами. —
Теперь сталъ воздухъ чищѣ, — легчѣ,
И возвратилась тишина;
Лишь только легкій вѣтерокъ

Не пересталъ въ кустахъ шептать;
А злакъ среди долинъ живѣе;
Лишь капли въ немъ блестятъ слезой,
И моютъ нѣжны стебельки.—
Въ фіалкахъ, василькахъ душистыхъ,
Въ иссопѣ и подлѣскахъ нѣжныхъ
Синѣетъ лучше цвѣтъ небесный;
Алѣе въ розахъ и гвоздикахъ
Заря румяна торжествуетъ;
Желтѣй въ подсолнечникахъ гибкихъ
Играетъ солнца лучь златой;
Яснѣй въ лилеяхъ поражаетъ
Млечныхъ бѣлизна облачковъ.—
На нихъ блистаетъ пестра ткань
Изъ сочныхъ жилочекъ сплетенна;
—Неподражаема работа
Таинственныхъ духовъ природы?
Тѣ юны геніи прелестны,
Что прежде въ темной поднебесной
Густые мраки развивали,
Теперь туманы соклубляя,
То въ глубины безвѣстны носятъ,
То въ сихъ удоліяхъ зѣленыхъ
Изъ тонкихъ жилочекъ прядутъ
Цвѣточкамъ свѣжіе листы.
Почто сижу?— пойду отсѣль,
И буду черпать чистый воздухъ!
Какъ все по грозной бурѣ живо?—

Во кругъ меня подъ самымъ слухомъ
Жузжатъ толпящіяся мошки;
Въ своемъ пронзительномъ согласьи
Не смѣтны гласы издаютъ;
Въ глазахъ рисуются стада
То быстрыхъ ласточекъ, то горлицъ,
То жаворонковъ свирѣстящихъ;
Въ дубахъ торжественно открылась
Симфонія пѣвицъ небесныхъ.—
Съ какимъ весельемъ на омытыхъ
Дождями легкихъ бѣлыхъ крыльяхъ
Въ часъ лѣтній лебеди летаютъ?
Какъ рѣзво каменки прелестны
И розовы дрозды порхаютъ
Между сгущенныхъ шелковицъ? —
Ихъ междо-рамія блестящи
Сребромъ и златомъ отливаютъ
Среди разсыпанныхъ лучей;
Мычаніе тѣльцовъ и юницъ
Съ блѣяньемъ агнцевъ съединилось.—
Съ какою радостью безмѣрной
Бѣгутъ они щипать толпами
Траву въ долинѣ усыренной?—

Какое врачевство?—прохлада
Въ сіи спокойныя часы
Въ струяхъ студеныхъ погружаться,
Въ струяхъ, гдѣ крѣпки мышцы *Римски*

Что горды строили трофеи
На преклоненной вые міра,
Училися порабощать
Себе пространныя пучины?
Но пусть Сарматы утомленны
Своими смуглыми руками
Струи *Салгирски* разсекаютъ!—
Меня явленія вечерни
Въ прохладны недра призываютъ. —
Явленья вечера прекрасны,
Когда со мной *Зарена* ходитъ,
Когда она съ зарею споритъ.—
Да; - - - — утромъ поле, пенье птицъ,
Въ полудни тень пещеръ и соснъ,
И хладный родниковъ кристаллъ,
А въ вечеръ тихій брегъ морской
И пурпурный закатъ надъ зыбью
Конечно—всякому пріятны;—
Но мне,—*Зарена* завсегда.
Безъ голубыхъ ея очей,
Безъ вишневыхъ ея устенъ,
Ни чистая лазурь небесъ
Ни лугъ, ни пенье птицъ по утру,
Безъ русыхъ вьющихся кудрей
И безъ каштановыхъ бровей
Ни тень, ни цветники въ полудни,
Безъ розовыхъ ея ланитъ,

И безъ ея блистанья взоровъ,
Ни поздный пурпуръ въ морѣ зыбкій,
Ниже вечерняя звѣзда
Очаровать меня не могутъ;—
Лишь ты, *Зарена!*—ты мнѣ все . . .

СОДЕРЖАНІЕ.

Низхожденїе солнца; — Западъ · — вечерния беседы въ Татарской деревнѣ; — печальный бракъ Мурзы; — последнее увѣщанїе Шерифа; смерть его; — плачь; сумерки; — тѣни Хановъ; — горячїй морской вѣтръ; — рыбы; — ихъ ловля весенняя и осенняя; — дѣйствїе ночныхъ и другихъ творенїй; — соловей; — бдительность состраданья и зависти; — воздушныя явленїя; — размышленїе извлеченное изъ поэмы; — имнъ. —

Дщерь пѣсни! — Се молчитъ гроза!
Нѣтъ бури! — тихїй часъ катится; —
Владыка грома примирился,
И хощетъ съ тверди слухъ склонить
Къ твоей вечерней томной Арфѣ.
Воспой прекрасный вечеръ сей,
Который скоро, — скоро снидетъ
Надъ Херсонизскими холмами! —

Уже горящее свѣтило,
Къ помосту запада спускаетъ
Лампаду нискую свою,

И кажется тогда при каждой
Степени нисходяща дня
Свой увеличиваетъ кругъ. —
Мятущіеся облака
Сбираяся веселымъ сонмомъ
Готовятся великолѣпно
Его на ложе проводить,
И съ пышностію окружаютъ
Престолъ его вечерній тихій.

Отъ низкихъ облака краевъ,
Лучи златыми полосами
Низпадши косо ударяютъ
Въ вершины рощей амфитриты;
Но предъ лицемъ пурпурнымъ свѣта
Еще едина влажна туча
Прозрачны сыплетъ капли ницъ. —
Мнѣ мнится огненный тамъ дождь
Низходитъ на холмы вечерни.

Какъ тамо протяженъ мелькаетъ
Сквозь раздвоенный верхъ утеса
Въ пылинки воплощенный лучь?
Онъ тянется, какъ тонка нить
Блистающая яркимъ златомъ;
Но ударяясь въ косогоръ
Отсверкиваетъ на другомъ.
Какъ онъ играетъ въ рдяномъ свѣтѣ

На строптномъ скалы концѣ,—
Мерцаетъ—гаснетъ—умираетъ?—
Такъ жизнь—какъ слабая свѣща,
Или какъ тонкій паръ въ лучахъ
Средь игръ дрожитъ—и погасаетъ. —

Уже свѣтило ниспустившись
Чело багрово омываетъ
Въ Атлантской озаренной безднѣ.—
Его торжествено лице
Подобно какъ алмазный щитъ
Въ зерцалѣ плаваетъ лазорномъ,
Межъ тѣмъ, какъ подлинникъ склонясь
И половиною единой
Въ волнахъ кипящихъ окунувшись
Полкругъ намъ токмо представляетъ. —
Се!—край единъ чела являетъ,
И вдругъ въ послѣдній разъ взглянувъ
Со всѣмъ погрузнулъ въ глубинѣ!—
Одни его власы червлены,
Подъяты вверхъ на Горизонтъ
Стремятъ лучи на высоту
Изъ подъ земнаго рдяна ската. —
Смотри въ вечерни облачка!—
Колико разныхъ тамъ цвѣтовъ,
Злато-румяныхъ,—рудожелтыхъ,—
Багровыхъ, сизыхъ, фіолетныхъ
Въ смѣшеніи непостижимомъ?—

Какая *Химія* могла бы
Подобны краски разтворить
Для хитрой кисти живописца?
Одно искусное перо,
Или живое вображенье
Лишь можетъ вѣрно начертать
Сіи природныя картины.—

Спускаяся съ сего хребта
Я зрю уединенны веси
Средъ тихихъ усыренныхъ доловъ,
Гдѣ *Савроматы* обитаютъ
Подъ кровомъ лишь одной природы,
Вечерни вѣтерки играютъ,
И тихи свисты испускаютъ
По шумнымъ кровель тростникамъ;
Послѣдній рдяный свѣтъ скользитъ
По блѣднымъ стволамъ камышей.—
Томящіеся пастухи
Влекутся съ горныхъ перелѣсковъ,
Ведя къ спокойнѣйшимъ загонамъ
Стада исполненны млека.—
Они свиряютъ протяженно
На свѣтло-звучныхъ *Камышинахъ*;
Ихъ поздныя унылы пѣсни
Дыша изъ шумныхъ ихъ *Сопелей*
По горнымъ рощамъ раздаются,—
Здѣсь отроки изъ шалашей

Бѣгутъ на шаткихъ къ нимъ стопахъ,
Чтобъ встрѣтить агнцовъ утомленныхъ;
Иной ведетъ за рогъ козла,
Которой споря съ малой силой
Упорствуетъ дѣтей насилью;
Другой дерзаетъ съ легкимъ скокомъ
На мягку спину ангца сѣсть.—
Такъ всѣ стада свой кончатъ день!—

А тамо подлѣ хижинъ низкихъ
Сидятъ и юноши и старцы;
Простосердечіе и честность
Толь славимая въ древнихъ Скиѳахъ
Еще видна въ сихъ поселянахъ;
Вечерни кроткіе часы
Сопровождаютъ ихъ бесѣды;
Послѣдни повѣствуютъ съ жаромъ,
А первы слушаютъ усердно.
Все то, что древность сообщила,
Что брань и подвиги кровавы
Въ своихъ, или чужихъ земляхъ
Произвели дѣяній славныхъ,
И что по *Азіи* пути
Открыли странствующихъ въ Мекку
Все въ разглагольствій ихъ не скрыто.—
Я съ удовольствіемъ взираю
На собесѣдниковъ сихъ сельскихъ.—

Се! — старецъ окруженъ сидитъ,
И блѣдной дланью помаваетъ!
Уже въ густой брадѣ его
Сѣдины сребрены блистаютъ;
Брада его, какъ бѣлый ленъ,
Не малу груди часть покрыла. —
Всѣ внемлютъ словесамъ его;
И кажется, ихъ жадны взоры,
Висятъ на старческихъ устахъ. —
Я приближаюся туда;
И чтожъ? — Я познаю *Шерифа*. —
Омаръ по опытамъ своимъ,
По многимъ странствіямъ въ востокѣ
За мудреца теперь почтенъ;
Мурза, который для него,
Готовилъ вечерю и ложе
Увѣрилъ прежде всѣхъ сосѣдей,
Коль мудръ и добръ его наставникъ. —
Какая жь важная причина
Толь важному его движенью? —
Въ устахъ его тогда шумѣла
Надута рѣчь о славной *Меккѣ*;
Шерифъ въ то время поучалъ:

„Я самъ, — я самъ, друзья, былъ тамъ;
„Я видѣлъ страшны чудеса
„Въ сей Бого-шественной землѣ; —
„Кленусь брадою, — чудеса. — —

„Тотъ славный камень, что при прагѣ
„Дверей святаго храма виденъ,
„Сколь многія цѣльбы творитъ?—
„Весь Оттоманскій Портъ, Каиръ,
„Тунисъ, Марокко и Алжиръ,
„Персіанѣ, и всѣ Татары
„Свидѣтельствуютъ славу камня.—
„Востокъ и дальній югъ приемлютъ
„Отъ корене сего плоды.—
„Блаженъ, кто въ жизни однократно
„Коснется сихъ священныхъ праговъ.—
„Но горе! горе тѣмъ, что въ жизни
„Имѣя духъ лѣнивый,—томный
„Не отлагаютъ всѣхъ суетъ,
„Чтобъ быть въ семъ градѣ треблаженномъ,
„Гдѣ каждый вѣрный Музульманинъ
„Благословенье получаетъ:
„Гдѣ каждый будетъ облегченъ
„Отъ трудной тяготы грѣховъ.—
„Сіе благословенье неба,
„Которо силой превозходитъ
„Благословенье тучныхъ горъ,
„И вѣчныхъ лѣпоту холмовъ,
„Нисходитъ только тамъ съ избыткомъ.
„Ни гладъ въ пути, ни нагота,
„Ни хищники, ни люты звѣри
„Не долженствуютъ отвлекать

„Отъ тѣхъ благословенныхъ мѣстъ,
„Гдѣ токмо благодать живетъ.—
„Кто сихъ препонъ страшиться будетъ,
„И не поклонится при гробѣ
„Пророку Божію:—то горе?
„Онъ вѣчно будетъ отдаленъ
„Отъ нѣдръ пророческихъ его.—
„Но ахъ!—друзья!— сказать ли вамъ?—
„Вихръ огненъ;—адъ подгнѣлъ его;—
„Отъ юга дышетъ онъ; —онъ страшенъ,
„И рвется вертоградъ священный
„Огнемъ проклятымъ попалить.
„Я слышалъ,—нѣкій лже-учитель (1)
„Въ послѣдній вѣкъ сей проявился.—
„И храмъ, и Магометъ премудрый,
„Тѣнь Божія,—наперсникъ неба
„Имъ приняты за суету.—
„О!—проклятъ буди оный день,
„Когда сія Шайтана тѣнь,
„Сынъ лжи,—языкъ бѣсовъ родился!—
„Отецъ его былъ лютый Тигръ;
„А сей есть *Скименъ;* вы же Агнцы;

(1) По недавнымъ вѣдомостямъ было извѣстно, что въ *Аравіи* недавно открылся сей человѣкъ, которой опровергая весь законъ Магомета, привлекъ уже къ себѣ многи тысячи Арабавъ; но послѣ того вѣдомости больше не говорятъ, сколь далеки его успѣхи нынѣ.

„Берегитесь, бѣдны Агнцы, скимна!
„Сей *Шейхъ—Гуяби*,—(такъ зовется),
„Столь хитръ, и столь пронырливъ,
„Что потрясется твердый марморъ,
„Закона марморъ,—самый *Муфтій*.—
„Слова его суть медъ и сотъ;
„Но остры, яко тонка бритва;
„Гласъ сладокъ, яко мусикія,
„А взоръ,— какъ звѣзды близнецовъ;
„Но духъ,—какъ тусклой ликъ луны
„Провозвѣщающій часъ бури.
„Лице его,—лице пророка;
„Но въ строптивной груди его,
„Друзья!—Геенна страшна ржетъ,—

„Вамъ должно знать хулы жестоки,
„Какіе онъ уже отрыгнулъ
„Среди тѣхъ сонмовъ нечестивыхъ
„Которыхъ сей лукавый извергъ
„Уже во множествѣ стяжалъ;
„Вамъ должно знать, чтобъ вы не впали
„Тогда, какъ я отсель отыду,
„Въ ровъ гибели и заблужденья.—

„О бурно море!—не шуми!
„О буйна буря!—не бушуй!
„Пусть токмо кроткій дышетъ вѣтръ,
„И отъ полудни гласъ несетъ
„На легкихъ крыліяхъ своихъ!—

„Да слышатъ гласъ долины чада!—
„Се!—страшный гласъ сюда несется,
„Какъ вихрь сквозь звонкую трубу!—
„Внемлите же,—долины чада,
„Что гнусной изрыгаетъ адъ
„Устами сына льсти и лжи!—

Открыто небо,—онъ реветъ,—
Да будетъ общая мечеть!—
Пророкъ да будетъ лишь природа
Вѣщающая объ *Аллѣ*,
Единомъ духѣ всѣхъ движеній!
Се!—истинный законъ,—клевреты,
Который должно исповѣдать!—
Какъ?—зло коварный сынъ *Абдалловъ*
Во имя сильнаго Аллы
Дерзнулъ корану покорить
Восточные долины злачны,
Полуденны поля пещаны
И западны хребты высоки!—
Такъ онъ имъ точный путь открылъ!—
Нѣтъ,—нѣтъ;—онъ паче поглумлялся
Надъ непостижнымъ существомъ,
Чѣмъ чистое понятье далъ
О немъ невѣждамъ Аравійскимъ.—
Нѣтъ,—не любовь,—не миръ небесный,
Не вдохновеніе;—но мечь,
Но сила ухищренье,—слава

Дѣяній сихъ пружиной были.—
Возможноль, чтобъ *Алла* премудрый
Такой коранъ намъ начерталъ,
Гдѣ буквы будто бы *Аллы*,
А мысль, и страсти человѣка,
И пылкіе мечты *Араба*?—
Возможноль, чтобъ изъ глубины
Премудрости непостижимой
Текли плоды нелѣпы мозга?
Совмѣстноль, чтобъ всевѣчна милость
Низшла въ толико низку слабость,
Чтобъ вмѣстѣ съ правосудьемъ стала
Предъ похотію смертныхъ ползать;
Иль сдѣлавъ совѣсть палачемъ,
И вѣчною души геенной,
Межь тѣмъ бы рай духовъ создала
Жилищемъ плоти сладострастной?—
Совмѣстноль небо наполнять
Златымъ, хрустальнымъ, изумруднымъ
Или серебреннымъ эдемомъ?
Увы!—согласноль со Всевѣдцемъ,
Чтобъ духъ *Аллы* слеталъ съ небесъ
Клевать въ ушахъ пророка зерна?
Друзья любезны!—Кто изъ васъ
Въ Дамаскѣ голубей не знаетъ,
Которы бывъ пріучены
Носить въ другіе грады письма,
Хорошими гонцами служатъ?—

Такъ чудноль, что *Алла Магметовъ*
Къ ушамъ Его былъ пріученъ?—
Однако мнятъ, что тѣмъ *Алла*
Пророку таинства вдыхалъ.—
Вотъ хитрый какъ простымъ играетъ!—
Законодатель возбраня
Наукамъ входъ къ своимъ невѣждамъ,
И въ западны страны отгнавъ
Не тѣль намѣренья имѣлъ,
Чтобъ въ мракѣ замыслы укрыть,
И закрѣпя такимъ узломъ
Нелѣпы правила закона,
Закрыть глаза простыхъ народовъ
Отъ тайныхъ хитростей своихъ?—

Клевреты!—се ли путь небесный?—
Онъ есть собранье тѣхъ же басней,
Какіе древняя *Эллада*
Во дни *Орфеевъ* и *Омировъ*
Похитила отъ *Финикіанъ*,
Или отъ мудрецовъ *Мемфиса*.—
Ахъ!—кто у нихъ не похищалъ
Отростковъ въ новый свой цвѣтникъ?—

Богъ всюду царствуетъ въ семъ мірѣ;
Богъ всюду подаетъ законы,
Безчисленнымъ кругамъ блестящимъ
На четырехъ концахъ небесъ,

Въ пространствахъ, — въ безконечныхъ безднахъ,
И въ семъ млечномъ пути Еѳира
Исполненномъ несчетныхъ звѣздъ; —
Но каковыежь то законы? —
Не плодъ пера, или чернилъ. —
Алла открылъ всѣмъ общу книгу;
Еще со времени хаоса
Простеръ златой натуры свитокъ. —
Пусть всякъ читаетъ буквы тамъ!
Друзья! — вотъ самая та книга,
Гдѣ буквы не черты, — но вещи,
Гдѣ имя писано *Аллы*! —
Закрой всѣ книги, — всѣ писанья!
Читай природу! узришь Бога;
Ты узришь рамена его. —
Воспитанный умъ будетъ свѣтомъ,
А любомудріе вождемъ. —

Друзья! — всѣ рукотворны храмы,
Всѣ изобрѣтенны обряды
Лишь паче отдаляютъ насъ
Отъ истиннаго существа,
Отъ высочайшаго *Аллы*. —
Тамъ видны только рукъ дѣла;
Послушайте же! — высота
И глубина и широта, —
Вотъ міръ! — вотъ истинна мечеть! —

Послушайте!—и человѣкъ
Есть малый міръ, но храмъ великій,
Одушевленная мечеть; —
Сей храмъ—сей храмъ будь святъ Аллѣ!—
Пламенно-звѣздный сводъ небесъ, —
Высоки *Тавруса* вершины,
Поля цвѣтущи *Аравійски*, —
И чисто сердце человѣка, —
Вотъ настоящій храмъ его! —
Они,—они насъ приближаютъ
Къ святилищу его чудесъ.—
Какоежъ должно быть по семъ
Еще другое откровенье? —
О Ты единый вездѣсущій!
Расторгни тьмы покровъ *Магметовъ*!
Яви свѣтъ истинны въ востокѣ! —

„Такъ окаянный льстецъ трубилъ,
„Мужъ съ хитрымъ и лукавымъ сердцемъ!—
„Въ устахъ егъ *Гоморра* ржала; —
„Слова его ужасны,—правда; —
„Но вы мужайтесь— правовѣрны!—
„Что славимая имъ натура? —
„Что любомудріе его? —
„Лишь паръ свѣтящій при болотахъ.
„Что гордый разумъ человѣковъ? —
„Лишь слабый свѣтъ;—невѣрный вождь. —

„Онъ часто ползаетъ у ногъ
„Какой нибудь *Фатимы* гордой,
„Иль своенравнаго *Паши*. —
Друзья!— берегитесь!—то соблазнъ.—
„Ахъ!— малое поползновенье
„Лишитъ васъ тѣни ризы той,
„Чѣмъ посредѣ огней въ день судный
„Пророкъ покроетъ Музульманъ,
„И ихъ спасетъ отъ *Ингистана*. — (1)

„Берегитесь премѣнять законъ,
„Въ которомъ праотцы дышали! —
„Не вѣрьте ложному ученью!—
„Коликихъ каплей крови стоитъ
„Въ законахъ кажда перемѣна? —
„Да будетъ вѣчный вождь пророкъ!
„Да въ вѣкъ надъ вами онъ сіяетъ,
„Какъ огненный въ пустынѣ столпъ!—
„Вотъ,—заповѣдаю, что вамъ! —
„Я вѣрю;—естьли звѣзды грѣли
„Язычника студену вѣру;
„То *Шейхъ—Гумбїевъ* законъ
„Ничто,— какъ *Лютикъ* (2) ядовитый
„Которой лишь для козлищь годенъ; —

(1) На татарскомъ значитъ адъ.
(2) *Лютикъ*, растѣніе ядовитое для всѣхъ животныхъ, но по чрезмѣрной холодности для козловъ въ горячкахъ лѣкарственно и питательно.

„Такъ можноль, чтобы ваша вѣра
„Простужена была отъ солнца,
„Кому братъ первый,—*Магометъ*? —

„Ей!—братья! нашь законъ есть духъ.—
„Небесна твердь сія прейдетъ,
„Изтлѣетъ небо,—будетъ ново;
„Егожь пребудетъ вѣчно слово; —
„А сей крамольникъ злый,—возможноль?—
„Дерзаетъ истребить его. —
„Но знайте сколь *Алла* всевѣдущь! —
„Онъ видитъ все,—онъ слышитъ все.—
„Онъ столь всевѣдущь на престолѣ,
„Что естлибъ черный муравей
„На самомъ марморѣ темнѣйшимъ
„Намъ непримѣтно пресмыкался:
„То бы Алла его увидѣлъ,
„И топотъ ногъ его услышалъ. —
„Онъ слышитъ тихій сердца бой,
„Онъ слышитъ крови нашей токъ,
„Извилины страстей предвидитъ,
„И тайны обороты мыслей. —
„Ахъ!—не предвидитъ ли въ васъ мыслей,
„Лишь только бъ мнили вы скользнуть?—
„Ахъ!—не предвидитъ ли всѣхъ козней
„Сего злодѣя, изувѣра? —
„Не слышитъ ли шаговъ коварныхъ
„Сего зло-божнаго *Араба*? —

„Не возгремитъ ли онъ съ небесъ? —
„Друзья! — и самый *Сынъ Марiй*,
„Великiй сей законодатель,
„Великiй Царь-Царей всѣхъ бѣлыхъ,
„Владычествующихъ надъ вами
„Соединясь съ *Сагебъ-Земаномъ* — (1)
„На пламенныхъ явится тучахъ,
„И изувѣра поразитъ
„Подобно такъ какъ *Тааджала*. —
„Столь онъ противенъ всѣмъ пророкамъ,
„И всѣмъ творцамъ святыхъ законовъ! —

„*Алла*, — всесильный мститель! — грянь!
„И громомъ порази злодѣя,
„Да вѣрныхъ нашихъ Музульманъ
„Не приведетъ въ погибель люту!
„Но ты, — ты лучше знаешь время,
„Когда исторгнуть духъ его. —
Сказалъ сiе; — и вдругъ повергся; —
Работа чувствъ перестаетъ;
Боль судорожна нападаетъ; —
Такъ рѣвность пламенна играетъ!
Сарматы изумленны мнили,
Что духъ *Аллы* объялъ его

---

(1) Магометане вѣрятъ, что при кончинѣ мiра прiидетъ пророкъ *Сагебъ-Земанъ*, и купно со Христомъ побѣдитъ Тааджала, которой у нихъ тоже, что у насъ Анти-христъ.

Подобно—какъ пророка ихъ;—
Чрезъ двѣ минуты жизнь открылась;
Шерифъ вѣщаетъ паки томно:
„*Алла*!—такъ посѣщаешь вѣрныхъ;
„Ты святъ, *Алла*! колико святъ!—
„Всѣ дивны суть дѣла твои.—
„Ты въ сей преклонный вечеръ жизни
„Благоволилъ мнѣ нынѣ самъ
„Коснуться праговъ освященныхъ
„Вводящихъ въ храмъ,—чертогъ небесъ;
„Будь ввѣкъ благословенъ отнынѣ?—
„Коль радостно, что въ нову юность
„Я скоро,—скоро облекусь?—
„Уже я слышу гласъ волшебный
„Свѣтлѣйшихъ солнца нѣжныхъ Гурій
„Зовущихъ на седьмое небо,
„Чтобъ въ мягкихъ отдыхать диванахъ
„Средь винныхъ и млечныхъ ручьевъ,
„Гдѣ ни мятежей, ни коварствъ,
„Ни ложныхъ мудрованій нѣтъ;
„Гдѣ нѣтъ во времени премѣнъ,
„Ни запада, ниже востока;
„Но истинна и вѣчный миръ
„Сіяетъ въ радужныхъ лучахъ;
„Ахъ Коль! я грѣшенъ? — какъ тѣмъ льститься?—
„О братья!—повторяю вамъ.
„Что скоро я не буду видѣть

„Красы вечерней сей зари.—
„Быть может;—час придет такой,
„Когда она в отраду тѣни
„Разсыплет свой алмазный блеск
„В темнѣющих углах могилы.—
„Но что?—какая польза мнѣ?—
„Се!—перва немощь,—первый червь,
„Предтеча вѣчности,—враг жизни
„Вонзив кровавую главу
„В мою разпадшуюся плоть,
„Уже ползет в застывших жилах!—
„Тогда и ту ослабшу ногу,
„Котора в мірѣ колебалась,
„В отверсту занесу гробницу,
„Гдѣ погрузилася одна.—
„Ах!—мѣдленно уже вратится
„На оси треснувшей своей
„Лѣт поздных томно колесо.—
„Вы видите ли горлиц там
„Пред западным лицем свѣтила
„Из теплых вылетѣвших гнѣзд,
„Воркующих на вѣтхой кровлѣ?—
„Вы видите;—их в миг не будет;
„Изчезнут в синевѣ.—
„О!—скоро с стоном разрушится
„Тѣлесна храмина моя,
„В которой горлица тосклива
„В слезах взирая непрестанно

„Въ ея рѣшетчатую дверь
„Мнитъ скоро выпорхнуть на волю.—
„Ахъ! близокъ часъ сей, какъ душа
„Подобно горлицѣ стенящей
„Возметъ полетъ свой ; — а куда? . . . .

Тутъ старецъ орошенъ слезой
Умолкъ;—а юноши и старцы
Твердили весь увѣтъ его,
И впечатлѣли внутрь сердецъ;
Но дряхлы жены обаянны
Арабскаго словами гостя,
У коихъ сгибъ морщинъ рисуетъ
Печать печальну:— *помни смерть*!
Съ нѣмымъ почтеньемъ приступили
Лобзать края его одежды;
Ни пыль, ни грязь не отвращали
Благоговѣйныхъ устъ отъ ризы;—
Не менѣе тогда почтили
Мурзу,—*Омарова* питомца.—

Въ сихъ тихихъ нравственныхъ бесѣдахъ
Селянѣ горныхъ деревень
Часы вечерни провождали
Пья сизой дымъ изъ трубокъ длинныхъ,
Доколь на западѣ заря,
Мерцая стала потухать;
И въ хижинахъ тогда возжгли

Огнище посреди помоста
Питаемое горнымъ масломъ,
Вкругъ коего сидя они
Пропѣли свой *Акшамъ римасъ.* (1)
Но нашъ *Шерифъ* изнеможенный
Не могъ, какъ прочіе, сидѣть.
Онъ на коврѣ лежалъ узорномъ;
Потомъ подъявъ свою главу
Съ печальнымъ вздохомъ возгласилъ: —
„Гдѣ вѣрный посохъ мой! —
„И онъ устпалъ; — подайте мнѣ!
„Подайте бѣдный посохъ мой! —
„Уже довольно онъ служилъ; —
„Съ нимъ я окончу *драмму* жизни! —
„Ты отрокъ! — подойди ко мнѣ! —
„И поведи меня туда, —
„На оный мшистый скатъ горы! —
„Тамъ я въ сей часъ, — въ прекрасный часъ, —
„Ахъ! — можетъ быть — уже въ послѣдній
„Пріятнымъ насладдуся видомъ
„Сей потухающей зари,
„Сего мерцающаго неба,
„Сихъ хороводныхъ ясныхъ звѣздъ;
„Потомъ — приникнувъ обращу
„Слезящій взоръ на общу матерь, —
„Сырую землю, — гдѣ усну,

---

(1) Молитва Магометанъ по захожденіи солнца.

,,На сей врачебный сумракъ свѣта,—
,,Любезну зѣлень прозябеній!—
,,Ахъ!—вы— оставте здѣсь меня!—
,,Идите въ храмину сію,
,,И торжествуйте бракъ *Мурзы*!
,,Уже свѣтильники возженны
,,Пылаютъ радостнымъ движеньемъ
,,Въ чертогахъ брачныя любви. —
Тутъ старецъ нѣсколько осклабясь
Встаетъ,—и свой объемлетъ посохъ.—
,,Я токмо отдохну,—сказалъ,
,,А успокоя духъ и плоть
,,Я скоро возвращуся къ вамъ.
,,Ахъ!—какъ болѣзнуетъ душа',
,,Что мнѣ теперь,—Мурза любезный,
,,Участникомъ не можно быть
,,Въ твоемъ священномъ торжествѣ!
,,Ты,—ты оставишь насъ, *Шерифъ*!—
Вѣщаетъ съ нѣжностью *Мурза*,—
,,Нѣтъ;—ты не долженъ насъ покинуть;
,,Какая радость брака будетъ,
,,Которую не возвышаетъ
,,Отецъ,—учитель,—другъ,—мудрецъ?—
,,Увы!—*Шерифъ*!— я трепещу!- - -

,,Не бойся!—старецъ рѣчь пресѣкъ,—
,,Я въ тѣлѣ здравъ еще теперь,
,,И чаю радость раздѣлить;

,,Но есть теперь во мнѣ особо,
,,Что выразить я не могу;
,,Оно меня зоветъ на скатъ ;
,,Яви покорность мнѣ ты въ семъ!—
,,Дай мнѣ единому гласъ сердца
,,Вознесть Отцу души и жизни!—
,,Сей часъ мнѣ дорогъ,—невозвратенъ;—
,,Иль ты не можешь безъ меня
,,Съ своею *Цульмой* ликовать?—
,,Желаю получить тебѣ
,,Вѣрнѣйшу руку отъ нее!—
,,Вотъ!—что мое желаетъ сердце!
,,Да снидетъ Божеская тѣнь
,,На долгоденствіе твое;—
,,Сіе благословенье неба
,,Превыспренностью превосходитъ
,,Всѣ тучны въ *Тавргги* холмы;
,,Супругъ ты будешь;—буди нѣженъ!
,,Ты буди въ милости подобенъ
,,*Хашему*,—другу всѣхъ убогихъ?—
,,Вельможа славный сей въ востокѣ
,,Четыредесять вратъ имѣлъ
,,Въ забралахъ дома своего;
,,Но ни едина не была
,,Возбранна бѣдности стенящей;—
,,А ты едину дверь имѣвъ
,,Не заключенну отъ убогихъ

„Яви щедроты разну цѣну! —
„Безъ ропота и безъ киченья
„При маломъ, — не богатомъ брашнѣ
„Укругъ послѣдній данный бѣднымъ,
„Какъ сорокъ величайшихъ кошницъ
„Съ пшеницею или плодами. —
„Такъ буди къ бѣднымъ сердоболенъ!
„И не забудь всего того,
„Что сердце вопіетъ мое!
„Твоя же нѣжная подруга
„Да уподобится супругѣ
„Святаго мужа, — *Ибрагима*; —
„Тогда, — всѣ узрите *Эдемъ*; —
„Но время; — я иду на гору. — —

Такъ рекъ онъ, — и повлекся. —
Остановись еще, — заря! —
Ликуйте, — сребреные звѣзды, —
И выводите полный мѣсяцъ! —
Играйте вѣтерки вечерни! —
О сладкопѣвецъ, — соловей!
Запой теперь ты брачну пѣснь!
Се, — юноша любезный, — нѣжный
Идетъ въ украшенный чертогъ! —
Кто тамъ, прекрасна, какъ луна
Покрыта дымкой, — стройна станомъ
Опершись на плечо его
Идетъ такъ скромно, — благородно?

То *Цульма*,—свѣтъ очей *Мурзы*- - -
Возможноль, чтобы черна горесть
Летала надъ главами ихъ?—
Какая туча смѣетъ грянуть?
Какая грусть теперь дерзнетъ
Смутить веселыя минуты?—
Уже вечерній пиръ шумитъ.—
Пирянъ всѣхъ лица разцвѣтаютъ;
Всѣ божества забавъ летаютъ;
Тамъ быстро скачетъ *Терпсихора*;
Тамъноситъ *Именей* свой факелъ.
Церера ставитъ сладки яства,
Помона ставитъ плодъ душистый
Съ багровымъ сокомъ нѣжной *Асмы*; (1)
Все весело, и все цвѣтетъ;
Но тутъ и мракъ, гдѣ полный блескъ.- -
От ужаса обмершій отрокъ
Въ гостинницу вбѣгаетъ блѣденъ,
И вопіетъ прерывнымъ гласомъ;
„Не ждите болѣе *Шерифа*!
„Не придетъ въ брачный пиръ учитель;
„Сидя на косогорѣ долго
„Взиралъ на небо,—и вздыхалъ;
„По томъ—увы!—безъ чувствъ повергся,
„И болѣе не пробужался.—

(1) *Асма* лучшій виноградъ изъ красныхъ во всей *Таврїи*.

Не столь перуны огромляютъ,
Какъ страшные сіи слова;
Шумъ радости сталъ воплемъ слезнымъ;
Тогда и само горно масло
Въ лампадахъ съ трескомъ зашипѣло. —
„О Боже мой! — *Мурза* рыдаетъ, —
„Какъ можно ликовать тогда,
„Когда учитель гибнетъ нашъ?
„Увы! — когда женихъ здѣсь скачетъ,
„Учитель нашъ женихъ сталъ гроба; —
„Пойдемъ! — отложимъ торжество! —
„Какая радость въ горкій часъ? —

Печальны гости прибѣгаютъ,
И зря простерта вопіютъ: —
О бѣдный нашъ Омаръ! — о бѣдный!
Отъ сихъ рыданій духъ *Шерифа*
Какъ будто паки возвратился. —
Онъ томны очи отверзаетъ,
И слабымъ гласомъ имъ вѣщаетъ:
„Глубокій сонъ, — желѣзный сонъ,
„Друзья! — меня одолѣваетъ. — —
„Ахъ! знать я скоро въ вѣкъ усну. —
„О чада, — приступите всѣ! —
„И ты, — *Мурза!* — почто ты плачешь?
„Всѣ также уснете, какъ я; —
„Не сѣтуйте, — дражайши дѣти! —
„Вы пѣли свой *Акшамъ-Римасъ*;

„А я въ послѣдній разъ скончалъ
„Сію вечерню пѣснь священну.—
„Вы божество благодарили,
„Что день спокойно провели;
„А я благодарю за то,
„Что тихій жизни день свершилъ,
„О мой *Мурза*:—се западъ дней!
„А ты въ сей западъ начинаешь
„*Возходъ* супружественныхъ дней;—
„Какъ жаль, что сонъ мой роковой
„Смутилъ блескъ радости твоей!—
„Воспомни мудрецовъ *Мемфиса*!
„При пирѣ ихъ всегда лежали
„Умершихъ кости на столахъ.
„Хотя дышу въ послѣдній часъ;
„Но да не всуе я дышу!—
„Не сѣтуй.—буди мудръ ты такъ,
„Какъ мудры жители *Мемфиса*!
„Вотъ что,—пока дышу,—вѣщаю!—
„Ты завтра узришь Божье солнце;—
„Но я - - я больше не узрю;—
„Уже - - надъ окомъ ночь виситъ,—
„Ночь вѣчная виситъ,—увы!—
„Моя жизнь - - - также закатилась - - -
„Увы!—Алла не позволяетъ,
„Чтобъ въ третій разъ сходить въ Медину,
„И тамъ близъ праотца почить —
„А послѣ—встать - - къ разсвѣту славы,—

„Но заклинаю васъ - - пророкомъ ; - -
„По крайней мѣрѣ—пренесите —
„Въ Натолію—мой бѣдный—прахъ!
„Сіе—лишь только мнѣ пріятно,
„Что - - гдѣ изъ персти я изшелъ, - -
„Тамъ - - паки въ персть - - пойду родную;
„Ахъ!—я - - уже слабѣю, - - - млѣю, - - -
„Вотъ! часъ - - - приспѣлъ ново-рожденья!
„Прощайте! - - - и пребудьте - - - вѣрны —
„Аллѣ. - - - и бѣлому царю! —
„Никто другой,—лишь онъ единъ
„Да будетъ вашею главой!
„Познайте, что его щитомъ
„Ограждена терпимость вѣръ!
„Скажите то же чадамъ вашимъ!—
„Скажите имъ что въ бодромъ ПАВЛѢ
„Безсмертный ПЕТРЪ встаетъ изъ мертвыхъ,
„И вспомните - - - когда - - - о мнѣ! - - -
Ахъ!—какъ - - - рѣдѣетъ въ сердцѣ - -бой?
„Се - - - смертный - - - мракъ!—о вѣчна ночь!
„Алла!—при-ми мой - - - духъ! и - - - о-о - - -
Сказалъ!—и отвратясь лицемъ
простерся,—воздохнулъ,—и умеръ. —
Безчисленные токи слезъ
Пролиты по его кончинѣ
Гораздо были изобильнѣй,
Чѣмъ наполнявшая вода

Тотъ драгоцѣнный водоносъ,
Въ который праотецъ его
Главу лишь внѣдрилъ на минуту;
Онъ ощутилъ въ одну минуту,
Что на седьмомъ онъ пробылъ небѣ
Ужь нѣсколько пресвѣтлыхъ лѣтъ.—
Вѣщаютъ, что при семъ *Мурза*
Провозгласилъ въ хвалу *Шерифа*
Прекрасную надгробну рѣчь.—

Тудажь приспѣвши *Пастухи*,
Что были въ горныхъ съ нимъ пещерахъ,
Пріусугубили свой стонъ,
И такъ оплакивали смерть
Сего достойнаго слезъ друга:—

1 *ПАСТУХЪ.*

О дщерь *Киммеріи* цвѣтущей?—
Кто тамъ лежитъ на мшистомъ скатѣ?-
Краса и слава Музульманъ!—
Какъ?—какъ оставилъ міръ *Омаръ*,
Омаръ любезный и почтенный?—
Онъ кончилъ странствіе на вѣки! ...
Покой его душѣ да будетъ!—

2 *ПАСТУХЪ.*

О сынъ *Исмаила*!—внемли!—
Когда другихъ изсохшій прахъ

Развѣется въ шумящихъ вихряхъ:
Тогда его пребудетъ имя
Въ сердцахъ Исмаильтянъ безсмертно;—
Покой его душѣ да будетъ!—

1 *ПАСТУХЪ.*

Друзья!—какъ первый завтра лучь
Сіи останки озаритъ:
Проводимъ по его завѣту
Ихъ въ лоно матерней земли!
Покой его душѣ да будетъ!—

2 *ПАСТУХЪ.*

Сіе долгъ дружбы обязуетъ,
Чтобъ и усопшимъ мы друзьямъ
Осталися еще друзьями.—
Онъ сей лишь жертвы съ насъ взыскуетъ;
Покой его душѣ да будетъ!—

Мурза

И такъ, друзья, и вы пришельцы!
Оставимъ пѣніе толь слезно,—
И подкрѣпимъ себя мы сномъ!—
Но завтра—какъ румяно утро
На рощи спустится сосновы,
Положимъ марморъ здѣсь—на мѣстѣ;
А тамъ воздвигнемъ монументъ!—
О вождь мой!—ты того достоинъ!—
Покой твоей душѣ да будетъ!—

Такъ кончилось рыданье горько; —
Но здѣсь я око отвращу
Отъ столь плачевнаго позора,
И возведу спокойный взоръ
На перву степень трона нощи! —
Смотри! — какъ сумракъ воспріемлетъ
Обыкновенный свой престолъ
Въ тѣнистомъ нашемъ *Круго-зорѣ*, (1)
И кажется, что торжествуетъ
Умершаго *Шерифа* смерть.
Увы, — *Омаръ*, — и ты скончалъ
Урочно странствіе свое! —
Хоть ты свое считая рвенье
Священнымъ, препинался много;
Но добрый путь тебѣ, — *Омаръ!*
Оставь пещися храбрымъ *Россамъ*,
Пещися мудрому Царю
О соплеменникахъ твоихъ,
О коихъ столько ты тужилъ!
Побѣдамъ Россовъ въ слѣдъ течетъ
Миръ вѣчный долу здѣсь и тамъ. —
Ты спишь, и не проснешься завтра;
Твоя ночь гроба, — вѣчна ночь;
А здѣсь — ночь міра начинаетъ
Свинцовый скипетръ потрясать. —

---

(1) Такъ переведенъ горизонтъ; но я осмѣлился въ первыхъ пѣсняхъ перевесть его *глазо-емъ*, или *Обзоръ*, что кажется лучше означаетъ силу термина.

Ея ужасну мановенью
Покорствуютъ различны тѣни:
Однѣ нисходятъ съ сверху скалъ,
И длинной мантіей своей
Далече покрываютъ долы;
Другія цвѣтъ имѣя грубый
Идутъ не скоро созади. —
Мнѣ мнится, — съ ними востаютъ
Изъ праха грозны тѣни *Скиѳовъ*. —
Тамъ тѣни странствуютъ Шерифовъ;
Тамъ ходятъ признаки *Ѳоантовъ*,
Или ужасныхъ *Митридатовъ*, —
Или разтрепанныхъ *Медей*,
Или *Ѳальстры* копье-носной? —
Здѣсь тѣнь является *Мамая*,
Что зверскимъ окомъ озираясь
Терзаетъ съ стономъ грудь власату,
Гдѣ раны тѣ еще горятъ,
Которые впечатлѣны
Десницей страшною *Донскаго*, (1)
Тогда, какъ съ грубою гордыней
Мамай изъ *Перекола* мчась
Хотѣлъ въ *Куликовскихъ* долинахъ
Нещастныхъ Россовъ подавить; —

(1) Великій Князь *Димитрій*, прииенованный *Донскій* по случаю славной побѣды надъ Мамаемъ, былъ отецъ и утѣшитель бѣдной тогда Россіи.

А тамо вьются надъ гробами
Угрюмы тѣни *Мубарековъ*,
Муратъ-Гиреевъ и *Салметовъ*.—
Ужасны тѣни сихъ мужей!—
Ихъ смуглы, кажется мнѣ, чела
Покрыты преисподнимъ мракомъ;
Ихъ чорны взоры не находятъ
Своихъ потомковъ на хребтахъ.—
Какъ воютъ тамъ они въ скалахъ?—
Какіе страшныя стези
Въ равнинахъ горныхъ пролагаютъ?—
Касаясь бисерной росы
Сухими перстами своими
Слѣды ужасны оставляютъ
Въ страхъ утреннему пастуху.—

Но что?—какой свирѣпый вѣтръ
Еще отъ моря возстаетъ? — (1)
Онъ съ юга дуетъ и шумитъ,
Подобно быстрой, жаркой бурѣ.—
Какъ стонутъ южныя брега?
Какъ здѣсь качается сей лавръ
Съ опущенными въ низъ листами? —
Какъ тамъ ручьи трепещутъ въ падяхъ

---

(1) Около южныхъ береговъ Тавріи въ сумерки бываетъ съ моря пресвирѣпой вѣтръ, подобной шквалу, отмѣнно горячій и тяжко пахучій; но онъ скоро утихаетъ.

Отъ сей внезапныя тревоги?—
Я ощущаю зной;—онъ жжетъ
Тогда, какъ должно охладиться;
Я слышу тяжкій духъ;—онъ душитъ
Тогда, какъ должно освѣжиться;
Но сѣрный паръ сей давитъ чувство. —
Ахъ!—знать, еще въ пучинѣ скрыты
Подземны вещества горючи.—
Они парами изъ подъ бездны
Въ сумрачную изшедши твердь
Разносятся по доламъ бурей.—
Къ тебѣ,—природа благотворна!
Хвалу возноситъ житель здѣсь,
Что знойный вихрь преходитъ скоро,
Что сей воздушный демонъ мести
Едва гортань разинетъ знойну;
Сжимаетъ, и смыкаетъ паки.—
Зри!—тамо въ отдаленномъ югѣ
Въ краю сумрачна горизонта
Еще въ полкругахъ нѣкій громъ
Чертитъ сребристые бразды ; —
Но ревъ уже не слышенъ прежній. —
Зарница не гремитъ надъ нивой. —
Здѣсь все спокойно; — все молчитъ. —

Се! — пролегаетъ путь къ брегамъ ! —
Я темный путь туда пріемлю,
И зрю вдали кустарникъ малый,

Иль пастуха идуща съ моря
Высокимъ длиннымъ великаномъ,
Или густымъ столпомъ тумана —
Но злато-перыхъ *щуръ* соборы,
Любители зари послѣдней,
Парятъ вблизи приморскихъ горъ,
И зыбля крылошки зѣлены
Надъ темной спинкою своей
Прохладной сумракъ разсѣкаютъ,
А желты шейки протягая
Еще поютъ пискливымъ гласомъ
Свободу отъ дневнаго зноя, —
Какая тишина въ водахъ? —
Они, какъ зеркало, стоятъ.
Когда съ *Кафинскихъ* береговъ
Взираешь на равнину моря:
Тогда печальны стѣны града
Рисуются въ стеклѣ пучины
Во образѣ развалинъ зыбкихъ,
И слезную въ слезахъ *Ѳетиды*
Картину въ сумракъ представляютъ. —
Какъ тамо рыбы выпрядаютъ,
И здѣлавъ въ воздухѣ полкругъ
Тотчасъ опять стремятся въ бездну?
Лишь за собою оставляютъ
Круговъ морщины по водамъ.
Тамъ рыбы *Ханскіе*, *Пеструшки*,
При свѣтѣ звѣздъ, или луны

Выставливаютъ въ быстромъ ходѣ
Изъ зыби черно-пѣги бедра,
Или *Султански рыбы* тучны, (1)
Которыхъ вѣсъ въ роскошномъ Римѣ
Равняясь съ вѣсомъ серебра,
Пурпуровой блистаютъ кожей
Сквозь чещую свою прозрачну. —

Но какъ *Овенъ* нетерпѣливый
Расторгнувъ топотомъ своимъ
Покровы снѣжные зимы
Откроетъ кроткій мѣсяцъ розъ,
И выведетъ изъ зимнихъ хлѣвовъ
Стада блеющи въ царство *Флоры*;
Иль какъ печальный *Скорпіонъ*
Низпуститъ надъ пучиной гладкой
Съ небесъ туманныя завѣсы,
И длинную осенню ночь
Въ троякомъ мракѣ углубитъ:
Тогда пронырливый рыбакъ
Примѣтивъ въ воздухѣ покой
И въ морѣ чаемую тихость
Пускается съ подсвѣтомъ въ бездну. —
Горящій пламень проницая
Далеко въ тиху глубину
Огнисту башню протягаетъ

---

(1) Ханскіе и Султанскіе рыбы такъ называются отъ Татаръ по отмѣнно-хорошему вкусу и виду.

По жидкимъ вьющуюсь зыбямъ. —
Тогда, — подъ скромнымъ какъ весломъ
Сверкая рѣзвый пурпуръ скачетъ,
Обманутые чада моря
Стремясь на роковой сей огнь
Бываютъ жертвою плачевной. —
Рыбакъ неумолимый ждавъ
Сего съ дрожаньемъ потаеннымъ,
Уже давно разкинулъ сѣть
Съ колеблемой лодьи возклонщись
Въ вредъ симъ простымъ народамъ водъ. —

Тогда *Кефаль* сребро-чешуйна,
И остро-носый жирный *Скомберъ*
Въ послѣдній разъ перомъ плеснувъ
Средь матерней своей стихіи
Въ жестокой попадаютъ плѣнъ.
Уже въ въ грядущую весну
Не будутъ съ братьями чинить
Періодическій свой ходъ
Къ *Дунайскимъ* устьямъ быстротечнымъ,
Или черезъ проливъ *Стамбула*
Въ *Архипелажскую* пучину,
А послѣ паки возвращаться
въ осенни мрачны дни въ *Эвксинъ*. —

При тихихъ сихъ водахъ блестящихъ,
Гдѣ сводъ небесъ изображенъ
Какъ въ ясномъ нѣкоемъ зерцалѣ,

Что служитъ эхомъ для цвѣтовъ,
И гдѣ всѣ яворы прибрежны
Наклонши въ зыбь власы зѣлены
Являются во глубинѣ
Бѣгущими рядами быстро,
Я всюду зрю безмолвный мракъ
И всюду кротки тѣни нощи.—
Лишь въ злакѣ шелковицъ густыхъ
Среди приморскихъ вертоградовъ
Не дремлютъ токмо *Листо-лилки*, (1)
И тонкимъ гласомъ сонъ наводятъ.—
Они изъ усыренныхъ доловъ
Взбираясь въ мрачный часъ по древу,
И къ тылу листвій прилипая
Всю темну ночь поютъ до утра.—
Межъ тѣмъ, какъ подъ густой гробиной
Качаясь бѣло-первый *Сычъ*
На вѣтви томно возклицаетъ,
И въ цѣлу нощь окрестны долы
Тоскливой пѣснью оглашаетъ,
А въ злачной густотѣ аржанца (2)
Бродящій рябоватый крастель

---

(1) Родъ очень малыхъ и легкихъ лягушекъ, которые прицѣпясь къ листамъ дерева всю ночь кричатъ. Голосъ ихъ не противенъ, и нѣсколько похожъ на крикъ сверчка, но громчѣ. Они больше подходятъ къ травянымъ кобылкамъ, или стрекозамъ.

(2) Родъ травы похожей видомъ на рожь.

Съ зарею тусклой раздаетъ
Кликъ громкій по холмамъ пустыни;
Горящи *Свѣтляки* въ садахъ (1)
Свой тусклый факелъ возжигаютъ.
Какъ слабо отгоняютъ тьму
Сіи толь дробные огни,
Сіи трубчатые свѣточи,
Которыми песокъ морской
И тучный злакъ вездѣ усѣянъ
То посредѣ сырыхъ ложбинъ,
То средь бреговъ покрытыхъ влагой?—
Съ какою радостью віющись
Ночныя бабочки надъ полемъ
По свойственному имъ влеченью
Стремятся къ слабымъ симъ *Свѣточамъ*?—
Смертельна радость!—ахъ!—сколь часто
На самомъ полету бываютъ
Лишь жертвою нетопырей,
Что выпорхнувши изъ среды
Кафинскихъ дремлющихъ столповъ,
Или осиротѣвшей веси
Ихъ жаднымъ поглощаютъ ртомъ?—

Но всѣ сіи ночные виды
Еще не сильны разбудить
Моихъ теперь вздремавшихъ чувствъ

(3) Свѣтящіеся червячки.

Съ такою силою живою,
Какъ доброгласье соловья.—

Какъ нѣжно тамо *Филомела*
Подъ тѣнію раинъ высокихъ
Ночную возклицаетъ пѣснь?—
Чу!—какъ нѣмтующій сей гулъ
Колѣна пѣсни повторяя,
Волшебной трѣли подражаетъ!—
Вотъ!—то воздушное зерцало,
Что преломя лучи звѣнящи,
Хотя невѣрно, но пріятно
Утесамъ смѣжнымъ ихъ собщаетъ!—

Пой!—пой! любезная пѣвица,
Наставница моей *Камены*!—
Пой въ славу нощи, — въ честь любви!
Сія пріятна нощь одѣта
Не въ зимню ризу грубой волны,
Или стигійской черной ткани,
Но въ мантію пушисту, легку,
Которая не заграждаетъ,
Не подавляетъ,—но разноситъ
Твой громкій голосъ по долинамъ.—
Тебѣ прекрасная звѣзда,
Тебѣ *Венера* перекапна,—
Дщерь ночи,—дщерь пучины внемлетъ.—
Ахъ! какъ плѣняюсь я лучемъ
Ея мигающихъ очей,—

Когда изъ захолмовъ камнистыхъ
Она дрожащій сыплетъ свѣтъ,
И сладостны часы любви
Низводитъ въ осѣненный міръ? —
Пой! — пой! любезная пѣвица,
Во славу нощи въ честь любви, —
  Все дремлетъ; — токмо двѣ *печали*,
Печаль сострождущихъ сердецъ, —
Печаль *завистливыхъ* сердецъ, —
Покровомъ блѣднымъ осѣненны
Одни теперь безсонны стонутъ.
Ахъ! — обѣ факелъ возжигаютъ,
И обѣ слезы испускаютъ; —
Но перва Ангельски льетъ слезы,
Другая *Стиксовые* токи
Иль крокодиловы крутитъ. —
Въ слезахъ печали благородной
Играютъ божески лучи
И милосердья райски слезы
О жребіи нещастномъ ближнихъ; —
Въ слезахъ послѣдней огнь крутится,
Огнь смертна факела ея,
Которой зыбля непрестанно
Скрежещетъ ржавыми зубами,
Дрожащи движетъ сини губы,
Глотаетъ внутрь мяса зміины,
Терзается, что щастливъ ближній,

И вымышляетъ тайны ковы
Чтобъ возмутить огнемъ тлетворнымъ
Блаженные сосѣда дни,
То приписуя тѣ пороки,
Какихъ совсѣмъ онъ не имѣетъ,
То устрояя ложну славу
Въ оклеветаніе его; —
А слава, — кто того не знаетъ? —
Широкіе имѣетъ уши,
Подобно такъ, какъ сильный страхъ
Великіе глаза имѣетъ. —
Но *зависть* льетъ на пуховикъ
Ночныя слезы и о томъ,
Почто судьбина не сравнила
Ее съ отважнымъ *Геркулесомъ*,
Иль съ сыномъ славнаго *Филиппа*,
Или съ *Адонисомъ*, иль съ *Крезомъ* — —
Алекта воплощенна! — (1) долголь? —
Ахъ! — долголь прогоритъ твой факелъ? —
О небо! — ниспусти всѣ вѣтры,
И погаси сей страшный факелъ! —
Пускай не дремлетъ лишь премудрость,
И ищетъ благодатны мѣры,
Чтобъ зависти пути пресѣчь,
Обезоружить мышцы ей,
И радости бальзамъ вліять
Заутра въ удрученно сердце! —

---

(1) Фурія

Премудрость скромна,—благородна; —
Ея благотворенья тихи
Подобны облачной росѣ,
Что падаютъ съ небесъ въ молчаньи. —
Какъ назову такое сердце? —
Источникъ слезо-струйный благъ,
Отколѣ капли сожалѣнья,
Отрада, благость и веселье
Во грудь злощастному текутъ. —

Межь тѣмъ премудрость созерцаетъ
Явленье въ тверди съ возхищеньемъ,
Что суевѣріе считаетъ
Злымъ знаменіемъ для вселенной,
И заключаетъ нѣкій рокъ
Для селъ, градовъ, и сильныхъ царствъ. —

Сіи блудящіе огни,
Сій горящіе зміи
Спадаютъ съ небеси отвѣсно,
Или летятъ горизонтально
Въ чудесныхъ видахъ перемѣнъ. —
Сія комета быстротечна
Бѣжитъ,—стремится въ бездну солнца;
Но возвращаяся назадъ
Изъ страшнаго пространства неба
Спускается въ сей дольній міръ,
И увеличеннымъ хвостомъ
Дрожащу землю осѣняетъ.

Тутъ, — мнится, что она падетъ
На первый *Чатыр-дагскій* верхъ;
Но верхъ сей передъ ней пылинка. —
Она страшна; — когожъ страшитъ? —
Порокъ, — слѣпое суевѣрье,
И зависть у самой себя
Средь ночи крадущую сонъ. —

Но важна мудрость, — дщерь *Зевеса*,
Что чувствуетъ въ сей важный часъ?
Она превыше всѣхъ сумнѣній
Сего пришельца поздравляетъ,
И видитъ токмо въ семъ предметѣ
Обычный оборотъ звѣзды,
Котора такъ, какъ и другіе
Вратится въ длани провидѣнья. —
Востокъ, и полдень, поздный вечеръ
Не есть ли солнца путь урочный?
Почтожъ сей путь не страшенъ намъ? —
Почтожъ его палящій зной
Ключей студеныхъ не страшнѣе
Для дышущихъ подъ вѣчнымъ зноемъ,
Подъ пламенемъ лучей отвѣсныхъ. —

Но о *Камена*! — кончи пѣснь! —
Ты общи зришь теперь красы,
Какія вся вселенна зритъ;
А видъ *Тавригескаго* дня
Отъ насъ теперь закрылся въ мракѣ; —

Престань же пѣть сей лѣтній день!—
Уже завѣса ницъ упала.—

Тобою,—кротко размышленье!—
Хощу теперь я заключить?—
Твоею перевязью твердой
Хощу вѣнчать я томну пѣснь;—
Я цѣлый день принесъ на жертву
Приморской арфѣ въ *Херсонисѣ*;—
Я пробѣжалъ,—хотя небрежно,—
Подъ *Херсонискимъ* небомъ поле
Явленій не воспѣтыхъ Россомъ;
Пусть строгій судъ и нѣжный вкусъ
Проститъ мои здѣсь преткновенья!—
Должналь отвага оставаться
Въ притворѣ храма *Аполлонна*?—
И долженъ ли порывъ души
Дрожать и мѣдлить при трудѣ,
Что кроетъ новы тоны музъ
Еще не порожденны индѣ?—

Моя сопутница, *Камена*
По утру въ орошенныхъ долахъ,
А въ полдень на горахъ прохладныхъ
Дорически вдыхала пѣсни;—
Теперь послѣднюю вдыхаетъ.——
Пусть пѣснь,—какъ размышленья дщерь,

Еще въ послѣдній разъ проникнетъ
Небесный сводъ сквозь тьму висящу
При всходѣ сребреной луны!—
Природа днемъ плѣняла много,
Какъ бѣло-курая красотка;
Теперь еще плѣняетъ больше,
Какъ черно-власая дѣвица;
Природа, какъ моя *Зарена*,
Котора въ ясный день являетъ
Одно блистаніе лица,
А въ тихія минуты ночи
Тайнѣйши прелести свои. —
Се!—тамъ въ восточной сторонѣ
Обширный холмъ,—темно-янтарный
Подъ тихой бездною растетъ!—
Какъ тамо протяженъ ко мнѣ
Свѣтъ зыблется по безднѣ длинный?—
Какое серебро струится
Въ волнистомъ свѣтломъ семъ столпѣ
Упадшемъ,—мнится мнѣ,—въ пучину?—
Я зрю въ торжественномъ безмолвьи
Съ начала полу-кругъ великій.—
Великъ онъ;—тонкій сей туманъ
Обводъ кровавый расширяетъ;
Кровавъ онъ;—стелющійся паръ
Въ немъ блѣдный цвѣтъ перемѣняетъ.—

Се! — цѣлое луны чело! —
Отъ сребреныхъ ея лучей
Блѣднѣютъ мшистые холмы,
Блѣднѣютъ бѣлы стѣны башней,
Блѣднѣютъ куполы мечетей.

Ахъ! — пусть она дню подражаетъ? —
Но день, — сей день не возвратится! —
Гдѣ дѣлось розовое утро? —
Гдѣ слава полдней? — пролетѣла, —
Чу! — бьетъ часъ нощи! — вотъ бой крови,
Сатурновой бой быстрой крови! —
Вотъ мѣра настоящей жизни! —
Что наша жизнь? — мелькнувшій день! —

О сколь тиха заря дней юныхъ! —
Въ семъ утреннемъ сумракѣ зримъ
Предметы токмо въ половину. —
Но нужная внутри *Дражимость* (1)
Уже пріемлетъ царство въ сердцѣ;
Она каналъ есть легкій жизни;
Она теченьемъ правитъ соковъ;
А какъ? — все то тогда сокрыто. —
Что чувствуемъ, того не знаемъ;
Поемъ, — какъ утреннія птицы
Не зная радости причины,

---

(1) Irritabilitas Reitz; дражимость, или раздражимость, будкость.

Играемъ,—какъ младые агнцы
На шелкову идущи пажить,
Не зная, встрѣтится ли волкъ?—
Слезимся,—какъ роса воздушна,
Что лишь напыщится:—изчезнетъ.—
Ни пылка страсть, ни тихій разумъ
Листковъ своихъ не развиваютъ,
И кроютъ ихъ еще въ пукетѣ.—
Увы!—гдѣжъ дни сіи блаженны?—
Какъ сонъ минули:—а невинность;—
Повязка съ скромныхъ глазъ спадаетъ,
И въ чувствіяхъ разсвѣтъ бѣлѣетъ.—

Бурливый вихрь страстей слегка
Шипѣть въ то время начинаетъ.—
Любовь разкладываетъ огнь,
Чтобъ остру стрѣлу разкалить,
И въ жилахъ кровь возкипятить.—
Та тиха искра, что въ очахъ
Во время юныхъ дней сіяла,
И чистый огнь лишь возвѣщала,
Теперь ужь пламенемъ пылаетъ.—
Горящій взоръ перелетаетъ
Съ предмета на другой предметъ.—
Не милы сверстники младые,
Съ кѣмъ игры прежде раздѣляли.—
И самая вѣрнѣйша дружба
Свои права тогда теряетъ.—

Не милы тѣ поля открыты,
Гдѣ прежде игры ожидали.—
Уединенныхъ рощей тѣнь
Убѣжищемъ любимымъ стала;
И кто свидѣтель страсти нашей,
Которая тогда снѣдаетъ?—
Свидѣтель токмо лѣсъ, и тѣни.—
Ни музы, ни *Минерва* мудра
Не отвлекутъ отъ мѣстъ печали
Въ бесмертные свои объятья.
Лишь знанья занимали мозгъ,
А сердца—не коснулись музы;
Любовъ,—любовь владѣетъ имъ;
Тогда пылающее сердце
Подобится плавильной пещи
При чтеніи лишь нѣжной пѣсни
Въ честь нѣкіимъ бровямъ прелестнымъ.
Нужна подруга;—что же мѣдлить?—
„Гдѣ ты, прекрасная? —гдѣ ты?
„Въ какихъ предѣлахъ обитаешь?
„Какое насъ дѣлитъ проспранство?
„Хотя не знаю я тебя!
„Но *Симпатія* потаенна
„Уже давно знакомитъ насъ;
„Уже давно соединились
„Пылающіе наши души.
„Приди ко мнѣ!—сужденна Нимфа!
„Ахъ!—вѣришь ли, какъ серлце бьется?—

Такъ въ страсти мы тогда взываемъ;
Глаза для сердца *клада* ищутъ;
Глаза встрѣчаются;—и съ кѣмъ?
Съ той самою завѣтной Нимфой,
Что стоила толикихъ вздоховъ.—
Потомъ усмѣшки,—рѣчи,—клятвы;- - -
Когда препоны нѣтъ къ союзу,—
Все укрѣпляетъ нѣжну страсть;—
Ктожъ прочаго потомъ не знаетъ?
Тогда сбираемъ мы фіалки,
Гвоздики пестры, розы алы,
Чтобъ русы увѣнчать власы
Возлюбленной своей *Лаисы*,
Или украсить съ нѣжнымъ вкусомъ
Цвѣтами полну грудь ея; —
Тутъ мнимъ, что розы и фіалки
Гораздо менѣе цвѣтущи,
Чѣмъ нѣжное лице ея,
И запахъ ихъ не столь душистъ,
Какъ тихое ея дыханье.
Ахъ! коль пріятны дни любви!—
Но естьли бурны *Ураганы*
Ужасной рѣвности востанутъ:
Увы!—тогда мы все клянемъ,
Клянемъ и самый день рожденья.—

Се! —миртъ разцвѣлъ! — се! — лавръ растетъ!—

Что мѣдлить?—время лавры жать!—
Уже блистают надъ главой
Кипящіе часы лѣтъ пылкихъ;
Другая страсть въ крови пылаетъ;
Палящій чести зной горитъ,
И разкаляетъ скромный духъ.—
Забывъ, что истинно блаженство
Внутрь сердца тронъ свой основало,
Преслѣдуемъ иное щастье
По стромкимъ онаго скаламъ;
Но часто лишь его рамена
Въ мятежномъ мірѣ уловляемъ;
Хотя бы на брегахъ *Невы*,
Хотя бы на брегахъ *Эвксина*,
Или въ златыхъ пескахъ *Востока*,
Или въ златыхъ *Ливійскихъ* сушахъ,
Или въ *Голкондскихъ* рудокопняхъ
За нимъ гнались мы опрометомъ:
Когда усмѣшки не покажетъ;
Все суетно;—оно летитъ,
Какъ молнія летитъ оно,
И слѣпо на главу падетъ;—
Гдѣ жъ чаще?—тамъ, гдѣ лесть ползетъ,
И съ нею на ряду идетъ;—
И на кого же?——на раба,
Кому,—какъ страстная блудница
Слѣпою жертвуя любовью
Даетъ свою роскошну руку,

И разверзаетъ нѣжно лоно.—
Однако—гонимся за нимъ,
Хотя лишь зримъ его рамена.—

Тутъ мы на *Марсовы* поля,
Гдѣ зыблется кровавый пламень,
Гдѣ кровожадная Мегера
Ужасный факелъ потрясаетъ,—
Бѣжимъ, себя позабывая;—
Раздастсяль тамо пушекъ громъ?
Восторгъ военный духъ объемлетъ;
Сверкнетъ ли длинный копьевъ лѣсъ?
Бѣжимъ въ сію желѣзну рощу;—
Подставитъ ли смерть остру косу?
Мы скачемъ бодро черезъ косу;—
Или спѣшимъ лице представить
Въ шумящемъ зрѣлищѣ градовъ?—
Кипяще рвенье насъ выводитъ
На горизонтъ въ гражданскомъ мірѣ.—
Какъ славно быть планетой тамъ,
Гдѣ блещутъ всѣ плоды оливъ!

Или грядемъ въ уединенье,—
Преслѣдуемы въ прочемъ славой,—
Открыть всю *сродность* чрезъ перо?—
Внутрь уду пробудяся жаръ,
Возженный нѣкогда едва
Безсмертнымъ духомъ чистыхъ музъ,
Но затушенный вихремъ страсти,

Воспламеняетъ паки душу,
И проницаетъ поздный вѣкъ,
Хотябъ не разгорѣлся нынѣ. —
Природа доставляетъ краски;
Вкусъ очищаетъ тонку кисть;
А слава шепчетъ, — какъ зефиръ,
О тѣхъ веселыхъ шумныхъ плескахъ,
Что при сужденіи картинъ
Въ позднѣйшемъ мірѣ возгремятъ. —

Но ахъ! — сколь часто удается
Ступить тогда на верхню степень,
Когда неумолимо время
Точить желѣзо начинаетъ? —
Сколь часто на главу сѣдую
Вѣнецъ лавровой надѣваемъ,
И кажется, что только съ тѣмъ
Возносимъ на трофей блестящій
Одну очарованну ногу,
Чтобы съ слезами проливными,
Или съ параличемъ сильнѣйшимъ
Другую водрузить во гробъ. —

Такъ мы въ полуденны часы
Кипящей нашей средней жизни
Стремимся къ выспреннимъ звѣздамъ; —
Взбираемся до замка славы. —
Хотя гора ея стремниста,

Какъ *Чатыр-дагъ*, или *Кавказъ*;
Хоть дышуща ея труба
Пустыя буквы въ воздухъ мещетъ;
Но мы идемъ,—скользимъ, встаемъ,
И иногда - - - туда возходимъ.—
Возходимъ;—тутъ ты,— *Сибаритъ*,
Просиживаешь цѣлы ночи
Подъ свѣтлостью ночныхъ лампадъ
За лакомымъ столомъ въ чертогѣ;—
Тутъ ты отъ щастья охмѣлѣвъ,
И бывъ любовью упоенъ
Среди своихъ прекрасныхъ *Фринъ*
Въ себѣ не помнишь человѣка,
И мыслить о себѣ дерзаешь,
Какъ бы о новомъ божествѣ;—
Тутъ ты сидишь надмѣнъ;—а тамъ
Невидима десница пишетъ
На марморной твоей стѣнѣ
Печальну мѣру живота,
И часъ небеснаго суда;—
А тамъ—торжественный гнѣвъ неба
Уже катаетъ грозны громы
Подъ рдѣющимъ *Судьи* престоломъ.—
Какъ?—ты блѣднѣешь, новый Богъ!—
Ты измѣняешься въ лицѣ!
Ты тщишься ложнымъ толкомъ словъ
Сіи черты небесъ изгладить!—
Ты тщишься ради ободренья

Подъ шумомъ Вакховыхъ знаменъ,
Подъ тѣнью шепотливыхъ миртовъ
Уста у совѣсти зажать!—
Не безпокойся!—приговоръ
Уже произнесенъ на небѣ.— —

О небо!—всѣ сіи дѣянья,
Которыхъ образы блестящи
Въ очахъ земли велики суть,
Предъ тобою — — — что такое?—
Извилины неважны червя,
Иль блудные шаги грѣха.—
Ахъ!—кто бъ изъ человѣкъ не палъ?
Ктобъ былъ всегда неколебимъ?
И мудраго стопа неблазна
Не рѣдко подлѣ рва скользитъ.—
Гдѣжъ точный человѣкъ найдется?—
Отвѣтствуйте мнѣ мудрецы!!— —
Вотще ты, чудный *Діогенъ*,
Его на торжищахъ искалъ; —
Фонарь твой вѣчно не погаснетъ;
Весь міръ ничто какъ маскерадъ.—
Нѣтъ въ мірѣ ни одной души,
Котора бы подобно небу
Отъ дерзостныхъ нашествій облакъ
Не помрачалась никогда.—
Сія душа,—сей протяженный
Свѣтильникъ столпо-видный съ неба,

Лучь сыплющій въ юдоль плачевну
Всегда ли чистъ, — и не тускнѣетъ
Отъ мглы изъ моря изходящей? —
Ахъ! — часто пятна пристаютъ
На чресла пламенны его; —
Но ты, — о милосердо небо! —
Женешь ихъ духомъ устъ своихъ,
И радугой его вѣнчаешь. —
По бурѣ устаемъ въ пути; —
Зной, — громъ, и молнія паляща
Свирѣпствовать перестаютъ. —
Мы ищемъ тишины въ тѣняхъ;
Горящій духъ внутри хладѣетъ;
Тогда пришедши важна *мудрость*,
И съ нею *Опытность* сѣдая
Снимаетъ съ глазъ завѣсу мрачну,
И радужный развивши поясъ
Насъ съ строгимъ небомъ примиряетъ,
И рдянымъ перстомъ указуетъ
На вечеряющій день жизни. —

Въ то время шествуемъ ли въ рощѣ?
Идемъ ли по полямъ зѣленымъ?
Идемъ ли на холмы кладьбища? —
Тамъ слышишь воздыханье міра;
Тамъ зримъ развалины его,
И сгнившій механизмъ его. —
Здѣсь зришь источенныя мышцы,
И ноги лже-безсмертныхъ Марсовъ;

Тамъ попираешь прахъ и кости
блистательныхъ любимцовъ щастья,
Въ которые еще по нынѣ
Сиротски слезы проливаютъ;
Здѣсь плачешь надъ сухой ланитой
И грудью нѣкоей *Астарты*,
Гдѣ прежде лиліи бѣлѣли,
Гдѣ прежде розоны дышали;
Но только лишь краса изчезла:
Всѣ лиліи сіи потускли,
Всѣ розоны сіи поблекли, —

Такъ дщерь весны въ саду цвѣла
Раскинувши свои листочки,
Какъ гибки длани, благовонны;
Ее лелѣили Зефиры,
Поили тихіе дожди,
А красили лучи небесны;
Тогда – – любезна дщерь весны
На тонкомъ стебелькѣ прямомъ
Головку нѣжну поднимала,
И всѣхъ плѣняла, и манила; —
Всѣ отроки ее любили; —
Она Божественна, — вопили;
Всѣ дѣвушки ее хвалили,
Она прекрасна, — говорили; —
Но лишь могуща кисть природы
Толико прелестей въ цвѣточкѣ,

Толико свѣта перемѣнъ
преобразила въ темну смѣсь;
И дщерь весны бездушна пала;
Тогда ни отроки не любятъ;
Она Божественна , — не вопятъ;
Тогда ни дѣвушки не хвалятъ
Она прекрасный цвѣтъ , — не вопятъ —

Здѣсь видишь челюсть *Сибарита*,
Тамъ топчешь ребра великановъ,
И черепы полу-боговъ. —
Ахъ! — гдѣ корона съ митрой были,
Тамъ изъ червей вѣнецъ плетется ;
Гдѣ роза на щекахъ алѣла,
Тамъ черный муравей влечется. —
Да;—важны были полу-боги;
Ихъ всѣ страшились, какъ елени;
Теперь на мшистыхъ ихъ могилахъ
Елени,—дики козы скачутъ.—
Единый нѣжный другъ нещастныхъ,
Кому стихія—есть любовь,
Въ комъ дышетъ жизнь одной любовью,
Кончаетъ поприще спокойно;
Его брада бѣлѣетъ поздно;
Глаза зрятъ тихій западъ дней;
А естли онъ во гробъ низходитъ:
То гробъ ничто,—какъ лишь трофей. —
Но Злый,— сынъ пагубы,—завистникъ

Разсыплется не погребенъ. —
Тогда его ужасны кости
Во вѣки не обрящутъ гроба,
Но будутъ въ вѣкъ въ степи бѣлѣть,
И въ вѣкъ на знойномъ солнцѣ тлѣть;
Поросшій васильками холмъ
Надъ нимъ не будетъ возвышаться;
Не станетъ устрашенный путникъ
Сидѣть на страшномъ семъ холмѣ;
Но отвратясь, минуетъ кости
Что будутъ спать желѣзнымъ сномъ. —

Но что же тамо извлекаетъ
Изъ нашихъ глазъ нѣжнѣйши слезы? —
Се! — персть почіющая присныхъ,
Или истлѣвшій тотъ убрусъ,
Который покрываетъ чела
Отцевъ, — супруги, — иль любезной - - -
Или залоговъ сердца, — или друга,
Которой я лобзалъ въ слезахъ
При длинномъ похоронномъ звонѣ! —
Какъ сей предметъ остановляетъ?
Какъ быстро душу проницаетъ!
Съ какимъ внушеніемъ сильнѣйшимъ
Напоминаетъ о кончинѣ? —

Когда приходитъ кто изъ нихъ
Въ сію гостинницу почить,

И посохъ у дверей бросаетъ:
Ахъ!—что тогда мы ощущаемъ? —
При боѣ той дрожащей мѣди,
Которая на башнѣ, стонетъ
И смертный звонъ свой протягаетъ,
Мы тотчасъ слышимъ: — *помни смерть!* —
Какое строго поученье! —
Мы слышимъ тайный *парокъ* трудъ
Надъ нитью жизни человѣковъ. —
Когда дыханіе втекаетъ
Въ окудельной *Промется* трудъ;
То *Парки* взявъ тончайшій ленъ
Вертятъ крутящеся древко,
И начинаютъ свой урокъ
Съ пророческою сею пѣснью: —
,,Крутись, мое веретено!
,,Пряди!—пряди!—Лампада жизни
,,Уже засвѣчена отъ неба: —
,,Пряди судьбину существа
,,Явившагося нынѣ въ міръ! —
,,Почто сія скудель слезится? —
,,Или предчувствуетъ бѣды
,,И горки токи пота съ кровью? —
,Крутись, —мое веретено! —

Такъ сестры тутъ поютъ рожденье,
А Небеса дивятся твари
Произведенной ими въ гнѣвѣ;—

Но только лишь скудельный трудъ
Теряетъ огнь, и разпадаетъ,
Дабы опять преобратиться
Въ бездушну прежнюю скудель:
Тогда поютъ почтенны сестры
Иную роковую пѣснь:—

„Престань,—веретено, вертѣться,
„И прясть судьбину вещества!—
„Вотъ;—скоро дряхла нить порвется!
„Ахъ—такъ преходитъ слава дня;—
„Ночь вѣчна крадется изъ бездны,
„Чтобъ заступить престолъ его.—
„*Атропа*!—гдѣ твое желѣзо?—
„Увы!—коликіе страданья
„Сынъ крови долженъ перенесть,
„Доколѣ стричь начнетъ сестра?—
„Престань, веретено вертѣться!—„

Нить кончится;—а вы, любезны
Залоги бьющагося сердца!
Вы послѣ бурь стремясь къ покою,
Залогомъ становитесь гроба.—
Мы видимъ,—чувствуемъ сіе.—
О!—естлибъ послѣ грозныхъ бурь
И нашихъ дней былъ западъ чистъ!
„Что до меня,—вѣщаетъ здѣсь
Козмополитъ,—и зритель мира,—
„Когда судьбина не покажетъ

„Усмѣшки лучшей, какъ сія:
„То пусть въ блаженномъ равновѣсьи
„Мое содержитъ бытіе!—
„Пускай огонь страстей въ душѣ
„На три степени жаръ опуститъ!—
„Гордыня!— любочестье!— гнѣвъ!
„Забота!— суета!—всѣ страсти!—
„И ты,— — рабо-любиво щастье!—
„Я научился вѣдать ваши
„Обманы,— ласки, и насмѣшки.—
„Да уничтожатъ бурный приступъ
„Ко входу моея души
„Сіи крутые вихри ада! —
„Да снимутъ страшную осаду
„Сіи тиранны дерски съ сердца!—
„Клену я всѣхъ *Сиренъ* коварства!
„Клену я всѣ плоды *Гоморры*!—
„Но пусть въ челѣ и сердцѣ свѣтъ
„Не погасаетъ никогда!—
„Пусть совѣсти моей свобода
„Ни кѣмъ отъемлема не будетъ!
„Но бывъ всегда мнѣ соприсущна
„Отгонитъ всякій страхъ тѣснящій,
„И духу дастъ златые крылья!—
„А *Фебъ* не возранитъ мнѣ въ лирѣ,
„И держитъ надъ главой лампаду!—
„Тогда то миръ и радость духа
„Моей стихіею пребудутъ.—

„Тогда ко мнѣ въ долину снидетъ
„Хотя малѣйша тѣнь *Эдема*
„Съ блаженной высоты востока.
„Но коль блудящіе огни
„Что путника въ обманъ приводятъ,
„Черту покажутъ ложну свѣта,
„И нарисуютъ въ точкѣ зрѣнья
„Свѣтильникъ суетной надежды;
„Или предскажутъ гнѣвъ судьбы,
„Которой дни мои отравитъ;
„Друзья оставятъ,—ахъ!—оставятъ;—
„Тогда пусть—*Духъ благій Сократа*
„Мнѣ шепчущій:— *Познай себя*!
„Ведетъ по слѣзной сей долинѣ
„Разумно до предѣла дней!—
„И развѣ,—развѣ бывъ водимъ
„Я богомудріемъ и *Юнгомъ*
„Въ часъ нѣкій буду созерцать
„Одними *Томсона* очами
„Прекрасно царство сельскихъ видовъ!—
„Тогда въ гостинницѣ спокойно
„Оставлю вѣрный жезлъ,—и лягу,
„И тамъ помажусь,—уврачуюсь
„Спасенья вѣчнаго елеемъ.—

„И тако я умру безвѣстно
„Отъ дому матери далече!—
„Сопутники моихъ дней юныхъ
„Искать меня повсюду будутъ,

„Но не найдутъ уже меня.—
„Они послѣдуютъ стезямъ
„Проложеннымъ моей стопой;
„Пожмутъ другъ другу теплы руки,
„Мое воспомнятъ бѣдно имя,
„И въ перси бья возопіютъ;
„Но гласа ихъ я не услышу;
„Я лягу близъ пучины черной;—
„Я въ желтой персти здѣсь усну,
„Гдѣ ясные мои глаза
„На вѣкъ засыплются песками,
„Закроется студена грудь
„Сосновыми сырыми досками,—
„Усну въ пустынѣ не оплаканъ- - -
„Ни кѣмъ! — — слеза изъ глазъ катится;
„Въ слезѣ моей дрожитъ луна,
„Дрожитъ какъ сребреная точка!—
„О скорбна мысль!— здѣсь устаю;
Здѣсь томну арфу повергаю. — — —

ИМНЪ

Къ Тебѣ,—котораго всесильно
И непреложно мановенье
Колеблетъ основанья міра,
Колеблетъ тягогпу *Кавказовъ*,
Возноситъ, или клонитъ долу
Вѣсы тяжелы дольнихъ царствъ,—
Къ Тебѣ,—Царю земныхъ Царей!—
Преклоньше робкіе колѣна
Во ужасѣ благоговѣйномъ
Дрожащу арфу повергаю
Изъ длани трепетной моей!—

Се!—Херсонисъ благословенный!—
Что древле былъ онъ?—что теперь?—
Ничто,—какъ малый міръ въ вселенной.—
Твой живоносный духъ парилъ
Надъ полу-островомъ симъ юнымъ,—
Когда онъ древле въ черномъ чревѣ
Кипящей бездны созрѣвалъ;
Твоя пернатая *Любовь*
На крыльяхъ нѣжныхъ голубиныхъ
Летала надъ пленой его,
И теплотворной тѣнью ихъ
Его въ пучинѣ согрѣвала;—

Согрѣла;— онъ изъ мрачной бездны
Съ гордыней юности изшелъ
Во образѣ амфитеатра;
А ты,—а ты покрылъ его
Пурпуровой денницей щастья.—

Твоя десница благостпнынна
Во изобильи насадила
Сіи тѣнистые лѣса
И многоцвѣтны вертограды,
Сіи багряны винограды,
И исполинныя раины,
Сіи смоковницы роскошны,
И доброплодныя маслины,
Сребристы тополы и тисы,
И присноцвѣтну зѣлень лавровъ.—

Но въ тѣ ужасны времена,
Когда онъ изъ златаго вѣка
Увы!—въ желѣзный низвергался,
Гдѣ звукнулъ въ первой разъ металлъ,
Гдѣ плоть и кровь у всѣхъ разтлѣлась,
Гдѣ братъ не братъ,—и другъ не другъ,
И гдѣ на кроткихъ чадахъ мира
Оливные вѣнцы блѣднѣли;
А изверги въ броняхъ ужасныхъ,
Или въ доспѣхахъ громо-звучныхъ
Противу братій ополчались;

Твоя багрѣюща десница
Потрясши зыбкій молній снопъ
Поколебала въ основаньяхъ
Сіи камнистые хребты,
Воздвигла долу тяжки *трусы*,
Что въ Царствѣ заревѣвъ подземномъ
Глотали утлы чресла горъ;
Или повсюду разліяла
Иноплеменниковъ потопъ
Изторгшійся изъ темныхъ нѣдръ
Кавказскихъ сѣдоглавыхъ горъ.—
Когда же кротко покатился
Тотъ свѣтлый полдень тишины,
Тотъ вѣкъ блаженный надъ холмами,
Какъ примиренны небеса
Спустили благодатну росу
На злачныя сіи долины;
Твоежъ вседѣтельное *Слово*
Во основаньи утвердило
Крае-угольный камень свой,
Дабы во вѣкъ не потряслись
Сіи незыблемы скалы;
И какъ въ Владыкахъ безподобный,—
Въ войнѣ и мирѣ веле-мудрый
Внукъ *Ольги* мудрой и прекрасной,
Одѣянъ въ пренебесный свѣтъ,
Твое,—предвѣчная *любовь*! —
Вліянье ощутилъ въ струяхъ

На *Херсонизских* берегахъ:—
Ты,— Боже!—погасилъ на вѣкъ
Среди клокочущихъ горнилъ
Сей пламенникъ подземныхъ безднъ;
Перуны раздраженны тамо
Крутыхъ бреговъ не потрясали;
А люта *свара* не махала
Свой факелъ бранію возженный
Среди трепещущихъ полей;
Тогда лукъ сильныхъ изнемогъ;
Тогда враговъ сотерся рогъ.—

Но время скоро-преходяще
Картины въ мірѣ премѣняетъ;
И кажда вещь свой вѣкъ имѣетъ;--
Гнѣздящееся зло во мракѣ
Еще тѣ вѣжди разжимало,
Которы бывъ сомкнуты слабо
При первомъ зовѣ отзывались;
А хитро-окій *грѣхъ* воставъ
Прохлады взыскивалъ себѣ.
Князь тьмы,—плотоугодный князь
Носилъ повсюду, и лелѣилъ
Его въ своемъ пушистомъ лонѣ.—
Тогда,—тогда десница мести
Еще своимъ бичемъ свинцовымъ
Бого-противныхъ поражала.—

Высоко-Царствуяй!--ужель —
Сія пѣниста колыбель,

Сія клокочущая бездна,
Гдѣ въ юности сей край почилъ,
Воздвигшись паки заревѣтъ,
И будетъ водо-сланымъ гробомъ,
Въ которомъ нѣкогда взрыдаютъ
Сіи скалы, сіи долины?—
Уже ли кровожадна *свара*
Возвыситъ межъ *Сарматскихъ* полчищъ
Еще желѣзный копьевъ лѣсъ?—
Ахъ!—удержи еще
Бразды бурливой сей судьбы!—
Простри дугу ты хризо-литну!
Простри съ высотъ сей желтый поясъ,
И препояши чресла горъ
Невинной радостью и миромъ?—
Разторгни ухищренны ковы
Изчадій изувѣрныхъ *Галловъ*,
Друзей зло-божныхъ *Агарянъ*,
И предвари высокой мышцей
Конецъ строптивыхъ правилъ ихъ,
Да шумъ кровавыхъ волнъ *Секваны*
Не отзовется въ сихъ брегахъ!—
Благоволи,—да Ангелъ мира
Надъ каждымъ холмомъ воспаритъ,
И сѣнью крыльевъ ограда
На здѣшнихъ водворитъ долинахъ
Возлюбленную тишину!—
Да лиры злато-струнной *Гулъ*

Раздастся межь холмовЪ зѣленыхЪ,
И дивно дружество твердитЪ
Гостей чудесныхЪ *Херсониса,*
Ореста съ Пиладомъ любезнымЪ,
И славу чадЪ *Агамемнона !*
Да трудЪ,—источникЪ полной лихвы —
На искривленный плугЪ облегшись
ВедетЪ бразды всегда по нивамЪ,
И чреватѣющей природѣ
Различными плодовЪ родами
ВЪ тѣняхЪ цвѣтущихЪ вертоградовЪ
Десницу помощи подастЪ! —
Но паче же,—небесный отче! —
Востанови святое царство
ТрехЪ дщерей горняго сіона,
Надежды,—вѣры—и любви!—
Пусть истинна, — какЪ солнце правды,—
Свою поставитЪ вѣчну стопу
На сгибЪ мечтательной луны! —
О ветхій деньми! —удостой
На вѣки сей щастливый край
Божественной своей усмѣшкой
ВЪ благословенны *ПАВЛА* дни,
Да *Таврія* вЪ восторгѣ духа
Тебя вЪ немЪ славословитЪ вѣчно!—

КОНЕЦЪ.

ПОГРѢШНОСТИ

Стран.	строк.	Напечатано	Читай
46	3	Темновидкный	Те[illegible]новодный
66	19	Сколь же	Споль же
67	21	*Нимфамъ*	Кимф[illegible]м
68	1	ВосплящутЪ	[illegible]щутЪ
	7	Багроцвѣтной	Багроцвѣтной,
72	24	Зеки-крымскихЪ	Эски-крымскихЪ
73	10	Чтобы	ЧтобЪ
	21	Марморну	Марморны
71	8	ДревесЪ	ДревесЪ,
92	8	Прокладные	Прохладные
95	9	Служивщій	Служившій
	20	Сій	Сей
96	20	Маіеоранѣ	Маеранѣ
119	3	ПѣтЪ	Пѣть
	4	О певрозданномЪ	О первозданномЪ
	25	*Анахорисы*	*Анахарсисы*
122	19	*Ифигиніей*	*Ифигеніей*
123	1	ОтЪ ножи	ОтЪ ножа
128	3	*Вослоръ.*	ВоспорЪ
130	28	Мусеіей	Муссіей
131	20	ПонтійскихЪ.	ПонтійскихЪ
134	15	МорямЪ	Морями
145	26	Пре мирный	Премірный
147	20	Отвѣтствуйже мнѣ Теперь	Отвѣтствуй мнѣ еще
155	11	Причиною	Причиной
198	4	ВЪ тишинѣ.---	ВЪ тишинѣ
224	5	Равняясь	Равнялся
268	11	Окудельный	Скудельный
274	6	Благостнынна	Благостынна

